К44 4/88

ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ
РУССКОЙ ПОЭЗИИ

915

ГПИБ

Y 144 4/88

НА ПОМОЩЬ ПОЛЬШѢ

СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА

ВЪ

РУССКОЙ ПОЭЗІИ

СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА

ВЪ

РУССКОЙ ПОЭЗІИ

ПЕТРОГРАДЪ
1915

БИБЛІОТЕКА Г. [illegible]
№ 639
10—I—1931.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Эртелевъ, 13

СОДЕРЖАНІЕ.

стран.

Отъ составителя XIII

Славянство.

Общеславянскій гимнъ. «Гей, славяне». *Леонида Афанасьева* . 1
Славянскій гимнъ. *Александра Бахирева* 3
Сербскій національный гимнъ. *Леонида Афанасьева* 4
Молитва славянъ. *Н. Б. Хвостова* 6
Славянамъ. *Кн. Голицына-Муравлина* 7
Славянскіе орлы. *Ив. Соколова* 8
Славянская стража. *Дмитрія Верцуна* 10
Сербская пѣсня. *Н. А. Карпова* 12
Домбровна. *И. Пересвѣтова* 13
Болгарамъ. *Н. К. Савенко-Новоспасской* 15

Галицкая Русь.

Галиціи. *Н. Б. Хвостова* 16
Гроза. *В. Опочинина* 18
Сонетъ Червонной Руси. *А. Мейснера* 19
Галицкая пѣсня. *Георгія Иванова* 20
«Ночи темны, тучи грозны...» *И. Пересвѣтова* 22
На взятіе Львова. *Н. К. Савенко-Новоспасской* 24
Воинамъ южной дружины. *Михаила Бѣляскаго* 25

Польша.

Наша младшая сестра. *Т. Щепкиной-Куперникъ* 26
Стансы Польшѣ. *Ѳедора Сологуба* 28
Польшѣ. *Валерія Брюсова* 30

СТРАН.
Братьямъ. *Ѳедора Сологуба* 32
Защита Варшавы. *Ю. В. Ревякина* 33
Въ Ченстоховѣ. *В. П. Рябова-Бѣльскаго* 34
Польшѣ. *Бенедикта* 35
Польшѣ. *Сергѣя Копыткина* 36

Война.

Стансы о войнѣ. *Дмитрія Цензора* 37
Надъ міромъ смерть. *Н. Каштаминской* 39
Послѣдняя война. *Валерія Брюсова* 40
Воронъ къ ворону летитъ. *А. Измайлова* 42
Благословеніе. *Игоря Сѣверянина* 46
На начинающаго Богъ. *Ѳедора Сологуба* 47
18 іюля 1914 года. *М. Веселковой-Кильштетъ* 48
Война. *В. Мазуркевича* 49
Война за міръ. *Влад. Гиляровскаго* 50
Впередъ. *Т. Соколовской* 52
Четырнадцатый годъ. *Сергѣя Копыткина* 53
Цвѣта войны. *Н. Минскаго* 55
Ушли... *М. Веселковой-Кильштетъ* 57
Съ войны. *Князя Ѳедора Касаткина-Ростовскаго* 59
Ночная молитва. *Ю. В. Ревякина* 60
Въ избѣ лѣсника. *Князя Ѳедора Касаткина-Ростовскаго* . . . 63
Война. *Князя Ѳедора Касаткина-Ростовскаго* 65
Въ дни войны. *Сергѣя Копыткина* 66
Братскія могилы. *М. Веселковой-Кильштетъ* 67
Пѣснь о смерти. *Дмитрія Цензора* 69
Первыя панихиды. *Евгенія Рышкова* 71
Плѣннымъ. *Танкреда* 72
Пѣсня надъ рубашкой. *Т. Щепкиной-Куперникъ* 73
Образокъ. *Вл. П. Лебедева* 76
Закружился, словно вьюга... *А. Волынцевой* 77
Срѣтенье царя. *Сергѣя Городецкаго* 78
Спаси, Господи, люди твоя... *А. Случевской-Коростовецъ* . . . 80
Листокъ осенній цвѣта крови. *Якова Година* 81
На безумныхъ враговъ человѣка... *Л. Андрусона* 82

стран.
Боевая. *Як. Окунева* 83
Подводная лодка. *В. Веденова* 85
Мародеръ. *Сергѣя Михѣева* 87
Старый вопросъ. *Валерія Брюсова* 89

Родина.

Съ нами Богъ! *Н. Б. Хвостова* 91
О Русь! *Маулли* 92
Русь. *Евгеніи Намптиченко* 94
Salute. *Мих. Андреева* 96
Ушли. *Ив. Соколова* 97
Нашимъ дѣтямъ. *Татіаны Берхманъ* 98
Разговоръ съ миролюбцемъ. *И. Гриневской* 100
Сонетъ Петрограду. *А. Мейснера* 102

Казаки.

Въ станицѣ. *В. Опочинина* 103
Ночлегъ казаковъ. *С. Толстова* 105
Казачья пѣсня. *Н. Агнивцева* 108
Сторожевой пикетъ. *Тихобережскаго* 110
Голосъ Дона. *Владимира Воинова* 111

Герои.

Памяти князя Олега Константиновича. *Вл. Жуковскаго* . . . 117
Героямъ. *В. Рутковскаго* 118
Радко-Дмитріеву. *Н. К. Савенко-Новоспасской* 120
Миръ павшимъ. *Вл. Краковецкаго* 121
«Въ бою». *Князя Ѳедора Касаткина-Ростовскаго* 123
Памяти Нестерова. *А. Рославлева* 125
Пѣснь о Нестеровѣ. *Вл. Черевкова* 126
На смерть летчика. *Г. Галиной* 127
Бѣлая одежда. *Н. Тэффи* 128

Мать.

Послѣднее прощанье матери. *И. Гриневской* 129
Мать. *В. Вадимовой* 130

СТРАН.
Я четыре сына въ мукахъ родила... *Наталіи Грушко* . . . 132
Орина, мать солдатская. *Ал. Дрождинина* 133
Колыбельная. *Бенедикта* 136

Сестра милосердія.

Сестра. *П. Вилде* 138
Сестра. *Дмитрія Цензора* 140
О—га А—на. *А. Мейснера* 142
Сестра милосердія. *А. Воина* 143

Англія.

Пѣснь британца. *Василія Князева* 145
Шотландская пѣсня. *А. Д'Актиля* 147

Бельгія.

Брабансона. Переводъ *В. К.* 149
Бельгійскій національный гимнъ. *Леонида Афанасьева* 150
Бельгіи. *Т. Щепкиной-Куперникъ* 152
Бельгія. *Ал. Рославлева* 154
Бельгіи. *И. Тимковскаго* 155
Бельгійцамъ. *Милія Стремина* 157
Антверпенъ палъ. *Дмитрія Цензора* 159
Утѣшеніе Бельгіи. *Ѳедора Сологуба* 160
Антверпенъ. *Александра Блока* 162
Три креста. *З. Гиппіусъ* 164
Антверпенъ. *Вл. Краковецкаго* 165
Льежъ. *Владимира Воинова* 166
Бельгійская колыбельная. *Арк. Бухова* 169
Брюгге. *Т. Щепкиной-Куперникъ* 172

Франція.

Парижу. *Дмитрія Цензора* 175
Парижъ. *Д. Коковцова* 178
Реймсскому собору. *А. Мейснера* 180
Реймсскій соборъ. *Э. Ростана.* Переводъ *Н. Минскаго* 181
Гибнущая святыня. *Н. Архангельскаго* 182

стран.
Разрушеніе Реймсскаго собора. *Ал. Рославлева* 841
Соборъ Богоматери *А. Липецкаго* 185
Реймсскій звонарь. *А. Измайлова* 186

Враги.

Вильгельмъ Второй. *Ѳедора Сологуба* 190
Тевтону. *В. Уманова-Каплуновскаго* 191
Видѣніе кайзера. *Серпья Копыткина* 193
Подъ гнетомъ проклятій... *Ф. Е. Зарина-Несвицкаго* 195
О чемъ пѣла флейта. *Донъ-Аминадо* 197
Вы можете разрушить башни... *М. Кузмина* 199
Забытый. *Потемкина* 200
Въ караулѣ. *Танкреда* 202
Въ молитвѣ. *Танкреда* 204

Юморъ и сатира.

Подъ полумѣсяцемъ Босфора. *А. Мейснера* 205
Въ Берлинѣ. *Мистика* 207
Серенада. *И. Г.* 209
Ученая армія. *Weda* 211
Басенка. *М. Стремина* 213
Нео-русскіе классики. *В. Барятинскаго* 214
Басни Крылова. I. Тришкинъ кафтанъ. — II. Напраслина. *А. Измайлова* 216
Вольное подражаніе Лермонтову. *С. Толстова* 218
Дружеская переписка. *Донъ-Базиліо* 219
Пожаръ. *Танкреда* 221
Телеграммы — и картины... *Танкреда* 223
Der Porotino. *В. Барятинскаго* 225
Гордость Германіи. *Хафиза* 229
Гуси. *А. Измайлова* 233
Конецъ Германіи. *Омикрона* 234
Что думаетъ Вильгельмъ II, когда ему не спится. *В. Мазуркевича* 237
Обычное явленіе. *В. Мазуркевича* 238
Ни Богу свѣчка, ни чорту — кочерга. *Яго* 239

стран.
Герцогиня Люксембурга. *Василія Князева* 241
На Зигесъ-алле. *Wega* 242
Изъ «Сенсацій» мадамъ де-Курдюковой. *Бенедикта* 244
Изъ тетради пародій. Гренадеры. *Сэра Гея* 246
Тризна большихъ похоронъ *Арк. Бухова* 248
Австрійская колыбельная пѣсня. *Wega* 251

Народное творчество.

I. Мобилизація и сборы на войну 253
1. Не думалось—пришлося 253
2. Фабричная 255
3. Тюремная 256
II. Война . . . . . —
1. Утромъ рано на разсвѣтѣ . . . . . —
2. Пѣсня 258
III. Женскія частушки 259
IV. Сатира 261
1. Нѣмецъ пивомъ облакался 261
2. Вотъ такъ нѣмцы, ой-да ну 262
3. Шли въ Гумбинну мы на нѣмца 263
4. Похлебали каши съ щами . . . . . —
5. Закрутивши кверху усъ 264
6. Нѣмчура совсѣмъ зазнался 265
7. Какъ пришли мы за границу 266
8. Подобрали нѣмцы штанцы 266
9. Сучья дочь Германія 267
10. Нѣту, нѣту фонаря . . . . . —
11. Государевымъ приказомъ . . . . . —

Добавленіе.

Благовѣстъ боя. *К. Бальмонта* 269
Передъ германскимъ посольствомъ. *Бориса Садовскаго* 270
Болгарамъ. *Сергѣя Маковскаго* 272
Воскресшіе богатыри. *Аполлона Коринфскаго* 273
Утѣшеніе. *Анны Ахматовой* 276

Алфавитный указатель авторовъ, произведенія которыхъ вошли въ эту книгу.

Агнивцевъ, Н. . . . . 108.
Андреевъ, Мих. . . . . 96.
Андрусонъ, Л. . . . . 82.
Архангельскій, Н. . . . . 182.
Афанасьевъ, Леонидъ . . . . . 1, 4, 150.
Ахматова, Анна . . . . . 276.
Балясный Мих. . . . . 25.
Барятинскій, В. . . . . 211, 225.
Бахиревъ, Александръ . . . . . 2.
Бенедиктъ . . . . . 35, 136, 244.
Берхманъ, Татіана . . . . . 98.
Блокъ, Александръ . . . . . 162.
Брюсовъ, Валерій . . . . . 30, 40, 89.
Буховъ, Арк. . . . . 169, 248.
Вадимова, В. . . . . 130.
Вегеновъ, В. . . . . 85.
Вергунъ, Дмитрій . . . . . 10.
Веселкова-Кильштетъ, М. . . . . 48, 54, 67.
Вильде, П. . . . . 138.
В. К. . . . . 149.
Воинъ, А. . . . . 143.
Волынцева, А. . . . . 77.
Wega . . . . . 211, 212, 251.
Галина, Г. . . . . 127.
Гиляровскій, Вл. . . . . 50.
Гиппіусъ, З. . . . . 164.
Годинъ, Яковъ . . . . . 91.
Голицынъ-Муравлинъ, кн. . . . . 7.
Городецкій, Сергѣй . . . . . 78.
Гриневская, И. . . . . 100, 129.
Грушко, Наталія . . . . . 132.
Д'Актиль, А. . . . . 147.
Донъ-Аминадо . . . . . 197.
Донъ-Базиліо . . . . . 219.
Дрождининъ, Ал. . . . . 133.
Жуковскій, Вл. . . . . 177.
Зарянъ-Несвицкій, Ф. Е. . . . . 195.
Ивановъ, Георгій . . . . . 20.
Измайловъ, А. . . . . 42, 186, 216, 233.
Карповъ, Н. А. . . . . 12.
Касаткинъ-Ростовскій, кн. Ѳедоръ . . . . . 59, 63, 65, 123.
Каштелинская, Н. . . . . 39.

Князевъ, Василій . . . . . 145, 241.
Коковцовъ, Д. . . . . 178.
Копыткинъ, Сергѣй . . . . . 36, 53, 66, 193.
Коринфскій, Апол. . . . . 273.
Краковецкій, Вл. . . . . 121, 165.
Кузминъ, М. . . . . 199.
Лебедевъ, Вл. П. . . . . 76.
Липецкій, А. . . . . 185.
Мазуркевичъ, В. . . . . 49, 237, 238.
Маугли . . . . . 92.
Мейснеръ, А. . . . . 19, 102, 142, 180, 205.
Минскій, Н. . . . . 55.
Мистикъ . . . . . 207.
Намѣтниченко, Евгенія . . . . . 94.
Окуневъ, Як. . . . . 83.
Омикронъ. . . . . 234.
Опочининъ, В. . . . . 103.
Пересвѣтовъ, И. . . . . 13, 22.
Потемкинъ. . . . . 200.
Ревякинъ, Ю. В. . . . . 33, 60.
Рославлевъ, А. . . . . 125, 154, 184.
Рутковскій, В. . . . . 118.
Рышковъ, Евгеній . . . . . 71.
Рябовъ-Бѣльскій, В. П. . . . . 34.
Савенко-Новоспасская, Н. К. . . . . 15, 24, 120.
Сэръ Гей. . . . . 246.
Соколовъ, Ив. . . . . 8, 97.
Соколовская, Т. . . . . 52.
Сологубъ, Ѳедоръ. . . . . 28, 32, 47, 160, 190.
Стреминъ, Милій . . . . . 157, 213.
Сѣверянинъ, Игорь. . . . . 46.
Танкредъ. . . . . 72, 202, 204, 221, 223.
Тимковскій, И. . . . . 155.
Тихобережскій . . . . . 110.
Толстовъ, С. . . . . 105, 218.
Тэффи, Н. . . . . 128.
Умановъ-Каплуновскій, В. . . . . 191.
Хвостовъ Н. Б. . . . . 6, 16, 91.
Хафизъ . . . . . 229.
Цензоръ, Дмитрій . . . . . 37, 69, 140, 149, 175.
Черевковъ, Вл. . . . . 126.
Щепкина-Куперникъ, Т. . . . . 26, 73, 152.
Яго . . . . . 239.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

*Настоящій сборникъ произведеній русскихъ поэтовъ обнимаетъ собою только часть того, что было ими написано въ теченіе трехъ мѣсяцевъ отъ начала современной войны. Представить вниманію читателей всю русскую поэзію, посвященную этой войнѣ, не представляется возможнымъ: это заняло бы слишкомъ много мѣста и удорожило бы настоящій сборникъ, издаваемый съ благотворительной цѣлью — **на помощь Польшѣ.** Составитель сборника, имѣя передъ собою обширный матеріалъ современнаго поэтическаго военнаго творчества, взялъ изъ него, какъ ему казалось, только самое характерное, причемъ его вниманіе остановили на себѣ не только произведенія уже извѣстныхъ „признанныхъ“ поэтовъ, но и начинающихъ, молодыхъ, маловѣдомыхъ, чьи писанія находили себѣ мѣсто по преимуществу на страницахъ провинціальныхъ изданій. Въ интересахъ справочныхъ весь матеріалъ разбитъ на отдѣлы, согласно внутреннему содержанію стиховъ и разработанной темы.*

Быть можетъ, настоящій починъ найдетъ себѣ продолжателей, и тогда въ исторію русской поэтической литературы будетъ сдѣланъ своеобразный вкладъ, свидѣтельствующій, какіе моменты и какія явленія современной войны особенно вдохновляли русскихъ поэтовъ. Если въ настоящій сборникъ не попалъ кто-нибудь изъ современныхъ авторовъ, то составитель приноситъ ему свои извиненія; это случилось не по какой-нибудь предвзятости, а вслѣдствіе того, что съ пропущеннымъ произведеніемъ или не удалось своевременно ознакомиться, или оно появилось въ печати послѣ того, какъ настоящій сборникъ былъ уже составленъ и сданъ въ печать.

Въ составленіи настоящаго сборника мнѣ оказали содѣйствіе своими совѣтами и указаніями: Н. Н. Вентцель (Бенедиктъ), В. А. Мазуркевичъ, А. Ф. Мейснеръ, И. И. Соколовъ, В. В. Умановъ-Каплуновскій, которымъ и приношу мою сердечную товарищескую признательность, какъ равно и В. М. Шахову, помогшему матеріально осуществить настоящее изданіе.

Б. Глинскій.

19—X—914.
Петроградъ.

СЛАВЯНСТВО

ОБЩЕСЛАВЯНСКІЙ ГИМНЪ.

«ГЕЙ, СЛАВЯНЕ!»

(Переложеніе).

Гей, славяне! Днесь свободно
Рѣчь родная льется
До тѣхъ поръ, покуда сердце
За отчизну бьется!

Живъ и крѣпокъ духъ славянскій,—
Будетъ жить вѣками!
Не потушитъ громъ и буря
Нашей мести пламя!

Намъ языкъ дарованъ Богомъ,
Онъ исполненъ силы;
Кто жъ его лишить насъ можетъ
Передъ тьмой могилы?

Если всѣ на свѣтѣ люди
Станутъ злы, какъ гномы,—
Намъ не страшно: съ нами Богъ нашъ,
Онъ разсыплетъ грóмы!

Если даже вихорь гнѣвный
Въ грозной силѣ встанетъ,
Сломитъ дубъ, скалу расщепитъ,
Грудь земли изранитъ,—

Мы стоять все такъ же будемъ,
Мощные, какъ стѣны!
Гибель тѣмъ, кто чаетъ встрѣтить
Въ насъ позоръ измѣны!

Леонидъ Афанасьевъ.

СЛАВЯНСКІЙ ГИМНЪ.

(Посвящается братьямъ-славянамъ).

Ликуй, народъ, душою ясной:
По волѣ русскаго Царя
Зажглась надъ родиной прекрасной
Давно желанная заря.

Ликуй, народъ: промчались годы,
И „старый русскій великанъ“
Подъ свѣтлымъ знаменемъ свободы
Идетъ къ семьѣ родныхъ славянъ.

Онъ скажетъ имъ: „Вы долго ждали,
Я долго мракомъ скованъ былъ,
Но свѣтъ пришелъ, завѣсы пали,
И васъ я, братья, не забылъ.

„Пришелъ я сбросить рабства бремя,
Пришелъ какъ братъ, а не какъ врагъ,
Я васъ зову, родное племя,
Подъ мой свободный, свѣтлый стягъ.

„Мы вмѣстѣ, дружною семьею,
Посѣемъ правду на землѣ
И будемъ жить одной душою
Въ Варшавѣ, въ Прагѣ и въ Кремлѣ“.

Александръ Бахиревъ.

СЕРБСКІЙ НАЦІОНАЛЬНЫЙ ГИМНЪ.

(Переложеніе).

Боже правый, Ты, что дивомъ
Охранялъ насъ въ бѣдствій дни,
Вновь внемли сердецъ призывамъ
И опять насъ сохрани.
Благо жизни щедро множа,
Къ мощи, къ славѣ двинь народъ!
Сохрани, всесильный Боже,
Короля и сербскій родъ!

Сербскимъ братьямъ дай сплоченье
Въ славномъ дѣлѣ безъ измѣнъ,
Миръ несетъ врагу смятенье,
Сербству—твердость крѣпче стѣнъ.
Пусть на сербской вѣтви къ счастью
Зрѣетъ братства чудный плодъ!
Сохрани, о Боже, властью
Короля и сербскій родъ!

Пусть надъ вѣрной головою
Не падетъ твой гнѣвный громъ!

Осѣни своей рукою
Поле, ниву, градъ и домъ!
А подступитъ врагъ лукавый, —
Для побѣдъ веди народъ!
Сохрани, о Боже правый,
Короля и сербскій родъ!

Изъ могильной тьмы пріяло
Сербство новый блескъ зари.
Время новое настало,
Новымъ счастьемъ подари!
Плодъ борьбы пятивѣковой,
Королевство защищай,
И Петра для славы новой
Мощной силой сохраняй!

Леонидъ Афанасьевъ.

МОЛИТВА СЛАВЯНЪ.

Стучатъ мечи, гремятъ оковы,
И черно-желтый вьется флагъ:
На насъ грядетъ многовѣковый,
Непримиримый, алчный врагъ.

Въ семью славянъ внося раздоры,
Насъ, братьевъ, ссоря и дѣля,
Себѣ беретъ онъ наши горы
И наши мирныя поля.

Поруганъ храмъ, гонима вѣра,
Неправосуденъ швабскій судъ,
Подъ хитрой маской лицемѣра
Пьетъ нашу кровь тевтонецъ-спрутъ.

Очамъ Твоимъ, Господь, открыты
Людей неправые пути:
Мы ждемъ Твоей святой защиты,
Грозы удары отврати!

Укрой Твой міръ отъ непогоды,
Сердца жестокія смири
И солнцемъ правды и свободы
Весь край славянскій озари!

Н. Б. Хвостовъ

СЛАВЯНАМЪ.

Славяне, мы идемъ! Тотъ день наступитъ вскорѣ,
Когда, въ сіяніи любви и торжества,
Славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ,
И Русь произнесетъ великія слова:
„Освобожденные, я къ вамъ пришла съ любовью!
„Всевышній мнѣ помогъ вамъ радость принести.
„Я проложила путь для васъ своею кровью,
„Объединитесь всѣ на томъ святомъ пути!
„То для славянства путь любви и возрожденья,
„Работы творческой исконныхъ свѣтлыхъ силъ.
„Пусть вѣдаетъ весь міръ, что для объединенья;
„Для общаго труда Господь васъ воскресилъ“.

Кн. Голицынъ-Муравлинъ.

СЛАВЯНСКІЕ ОРЛЫ.

Подъ грозной тучей, что легла
Надъ Вислой, Припятью и Бугомъ,
Средь блеска молній, два орла
Нежданно встрѣтились другъ съ другомъ:
„Здорово, братецъ!“
„Здравствуй, братъ!“
— „Откуда?“
„— Путь держу далекій:
„Съ родныхъ холмовъ чрезъ Днѣпръ широкій,
„Туда, все дальше, на закатъ!
„Лечу вослѣдъ казачьей лавѣ,
„Героямъ-витязямъ вослѣдъ,
„Навстрѣчу ихъ великой славѣ,
„Громамъ неслыханныхъ побѣдъ!
„А тамъ, гдѣ сѣверъ хмуритъ дали,
„Отъ стогновъ царственной рѣки
„Мои глаза считать устали
„Неисчислимые полки;
„Они идутъ и днемъ и ночью,
„Все ближе, строже, все грознѣй...
„О, если бъ видѣлъ ты воочью
„Всю силу родины моей!

„Орлинымъ сердцемъ гордо чуя
„Паденье вражескихъ преградъ,
„Туда стремлюсь, туда лечу я!..
„А ты откуда?“
„— Отъ Карпатъ!
„Отъ страдныхъ гнѣздъ на старой грани
„Тебѣ родныхъ издревле мѣстъ,
„Гдѣ покоренные славяне
„Несутъ отъ вѣка тяжкій крестъ;
„Гдѣ звонъ цѣпей и мракъ темницы,
„Весь гнетъ и ужасъ бытія,
„Гдѣ Стрый и Львовъ, и Черновицы,
„Гдѣ Русь Червонная моя!
„Но пробилъ часъ, и въ тюремъ своды
„Проникъ желанный лучъ зари:
„Въ защиту правды и свободы
„Пришли твои богатыри!
„Несу я вѣсть отъ Буковины,
„Отъ Сана топкихъ береговъ:
„Что богатырскія дружины
„Сметаютъ полчища враговъ,
„Что путь открытъ на Пештъ, на Краковъ,
„На Вѣну... и со всѣхъ сторонъ
„Лишь гулъ побѣдъ твоихъ юнаковъ
„И слава сѣверныхъ знаменъ!..“
„— Такъ будемъ вмѣстѣ съ этой славой!..“
. . . . . .
И тамъ, гдѣ тучъ рѣдѣла мгла,
При блескѣ солнца, два орла
Слилися вдругъ въ одинъ—двухглавый!

Ив. Соколовъ.

СЛАВЯНСКАЯ СТРАЖА.

Къ Дунаю, славяне, къ Дунаю,
Къ исконно-славянскому краю,
Всѣ помыслы ваши несите—
Въ завѣтномъ бою
За долю свою
Вы съ помощью братьевъ спѣшите!

Дунай—колыбель нашей славы,
Гнѣздо онъ славянской державы.
При Самъ-Царѣ прадѣды наши
Тамъ бились съ врагомъ,
Хранили свой домъ
И пили медовыя чаши.

У Сама родились три сына,
Три истыхъ, какъ онъ, славянина:
Полякъ, Чехъ и Русъ.
При смерти отецъ
Тому далъ вѣнецъ,
„Кто вражьихъ не вынесетъ узъ!“...

И въ міръ растеклися три брата,
Родителя воля имъ свята,
И бьются съ тѣхъ поръ безъ конца—
За имя, за свѣтъ,
Свободы завѣтъ,
За гордое знамя отца.

Два брата не справились съ рокомъ,
А младшій на свѣтѣ широкомъ
Устроилъ могучее царство,—
Да братьевъ спасти
И ладъ завести
Сосѣдей мѣшаетъ коварство.

Забыли сыны о Дунаѣ,
Иныя нагрянули стаи
И заняли прадѣдовъ нивы;
Но съ давнихъ временъ
Насъ манитъ трезвонъ
Туда, гдѣ Дуная разливы.

Тамъ грянетъ послѣдняя битва,
Всѣхъ общая свяжетъ молитва,
Найдется и доля родная,—
И тамъ сторожитъ,
И братьямъ трубитъ
Славянская стража Дуная...

Дмитрій Вергунъ.

СЕРБСКАЯ ПѢСНЯ.

Снова ты будешь, родная,
Участь оплакивать вдовью, —
Тихія воды Дуная
Снова окрасились кровью.

Вторгнулся ворогъ кичливый,
Волкомъ онъ рыщетъ несытымъ;
Наши родимыя нивы
Топчетъ онъ конскимъ копытомъ.

Слышимъ,—труба боевая
Воетъ звончѣй и побѣднѣй,
Храбрыхъ бойцовъ призывая
Къ битвѣ кровавой, послѣдней.

Дрогнутъ отъ топота нивы,
Дрогнетъ земная утроба;
Слыша родные призывы,
Мертвые встанутъ изъ гроба.

Н. А. Карповъ.

ДОМБРОВНА [1]).

(Кролевецкая баллада).

На поморьѣ славянскомъ,—подъ Кролевцемъ, подъ
Гданскомъ, —
Звѣрскій смѣхъ раздается да стоны:
То язычниковъ крестятъ, а язычницъ безчестятъ
Господа крестоносцы-тевтоны.
Вотъ гросмейстеръ маститый—Юнгиненъ знаменитый—
Въ замокъ Мальборгъ комтуровъ сзываетъ:
Онъ зоветъ не на пьянство, не на травлю крестьянства,—
Онъ съ Витовтомъ войну затѣваетъ:
— Польша споритъ съ Литвою, а Руси той порою
Отъ Литвы попадетъ на орѣхи.
Мы пойдемъ, нашу силу имъ покажемъ, а съ тылу
На Витовта накинутся чехи.
— Гохъ!—весь орденъ взываетъ, свой доспѣхъ надѣваетъ,
Лошадей наряжаетъ въ попоны

---

[1]) Домбровна—славянское названіе Грюнвальда, гдѣ въ 1410 году произошла знаменитая битва между тевтонскимъ орденомъ и славянами.

И, закрывшись щитами, страшно водитъ усами:
Всѣхъ побьютъ, молъ, лихіе тевтоны!
Ѣдутъ рыцари лугомъ, совѣщаясь другъ съ другомъ
О раздѣлѣ добычи богатой...
Блещутъ латы да шлемы... Молвятъ нѣмцы:—А гдѣ мы?—
— Близъ Домбровны,—отвѣтилъ вожатый.
Молвятъ нѣмцы другъ другу:—Знать, Литва съ перепугу,
Какъ клопы, позапрятались въ щели?—
Но въ отвѣтъ надъ равниной исполинской щетиной
Сотни копій вдали зачернѣли...
— Бей литовцевъ проклятыхъ!—Рѣжь комтуровъ усатыхъ!—
Все смѣшалось въ кровавомъ туманѣ...
Бьетъ Литву мечъ тевтонскій... Но звучитъ топотъ конскій:
То на выручку скачутъ смоляне!
Вслѣдъ за русскими—справа сыпетъ польская лава,
Впереди—Земовитъ Мазовецкій,
Съ нимъ и Зындрамъ, а рядомъ—Жижка съ чешскимъ
отрядомъ
Въ тылъ заходитъ армадѣ нѣмецкой...
Что̀ тутъ нѣмцевъ помято! Что̀ тутъ рыцарей взято!
Земовиту, однако, все мало:
— Гей,—кричитъ онъ,—пано̀чки! Это—только цвѣточки,
А для ягодъ—пора не настала!
Ждите большаго дива!...—
Люди ждутъ терпѣливо,
Пять вѣковъ и три года все ждали...
Вдругъ земля всколыхнулась, Русь проснулась,
встряхнулась,—
Люди сонъ наяву увидали!

И. Пересвѣтовъ.

БОЛГАРАМЪ.

Все окуталъ дымъ зловѣщій—
Лѣсъ, деревни и поля.
Отъ пальбы, отъ грома сѣчи
Задрожала вся земля.
Бьется тамъ славянства племя,
Всѣ отвагою полны,
Цѣль одна владѣетъ всѣми...
Гдѣ жъ Болгаріи сыны?
Иль забыли вы, что дѣды
Наши дрались много разъ
И подъ славный громъ побѣды
Возродили къ жизни васъ?
Ваши нивы колосятся:
Ихъ вспопла наша кровь.
До сихъ поръ еще хранятся
Груды русскихъ череповъ.
А теперь стыдомъ измѣны
Запятнали вы себя.
Или вамъ дороже Вѣна,
Чѣмъ славянская семья?
Братья, братья, врагъ ужъ грозно
Въ смертный бой полки ведетъ...
Такъ скорѣй, пока не поздно,
Съ общимъ знаменемъ впередъ!

Н. К. Савенко-Новоспасская.

ГАЛИЦКАЯ РУСЬ

ГАЛИЦІИ.

Блѣднѣетъ мракъ, уходитъ ночь,
Въ сіяньи день родится новый.
Вставай, возлюбленная дочь,
Снимай разбитыя оковы!

Довольно слезъ ты пролила,
Томясь въ страданьи на чужбинѣ:
Подъ сѣнь родимаго крыла
Вступай, свободная отнынѣ!

Я—мать, печальница твоя,
Пади же, дочь, въ мои объятья!
Давно ужъ ждетъ тебя семья:
Сестра Москва и съ нею братья.

Въ истокахъ Невскихъ сынъ Петра.
Надъ Волгой сынъ отъ Ярослава,
И на Украинѣ сестра
Единокровная Полтава.

Одесса, Кіевъ, Могилевъ —
Вся Русь—семьей объединенной
Прислали витязей-пословъ
Къ тебѣ, красавицѣ Червонной.

Они сошлись, и тихій Донъ
Разитъ тевтоновъ въ грозной сѣчѣ...
Ты слышишь сабель острыхъ звонъ?
Орудій смерти слышишь рѣчи?

Со всѣхъ концовъ родной земли
Сыны ея стремятся къ бою,
Они, Галиція, пришли
Къ горамъ Карпатскимъ за тобою.

Нѣтъ на рукахъ твоихъ цѣпей,
Разрушенъ сводъ тюрьмы суровой,—
Сливайся съ родиной своей
Великой, Малой, Бѣлой, Новой!

Н. Б. Хвостовъ.

ГРОЗА.

Воздухъ сгущенный, давя, какъ дурманъ,
Тяжко дымился косматыми тучами...
Съ запада ползъ непроглядный туманъ
И осѣдалъ надъ Карпатскими кручами...

Грянула Божья гроза! по землѣ
Громъ небывалый прошелъ перекатами...
Вспыхнули молніи... въ каждой скалѣ
Эхо проснулось, гремя за Карпатами...

Развѣ не легче дышать? кругозоръ
Развѣ не шире? гроза небывалая
Тучи разноситъ... и въ выступахъ горъ
Ярко заря загорается алая...

В. Опочининъ.

СОНЕТЪ ЧЕРВОННОЙ РУСИ.

Гляжу впередъ безъ страха,—не робѣя.
Восходятъ тѣни гдѣ-то далеко:
Хмельницкаго, Шевченка, Кочубея...
За ними—тѣнь слѣпого Василько.
...За рубежомъ... Тамъ сердцу не легко...
За рубежомъ... Но та же все Украйна.
И тѣ же ночи, темныя, какъ тайна,
И тѣ же сны Оксаны и Грицко...
Далекъ ли путь отъ Львова до Полтавы!
Поставимъ стягъ единой русской славы!
Единая наслѣдственная кровь
Сольетъ въ одно и наши пѣсни, стени...
Страна славянъ, твои разбиты цѣпи
И ждутъ тебя Свобода и Любовь.

А. Мейснеръ.

ГАЛИЦКАЯ ПѢСНЯ.

Неподвижны крылья мельницъ.
Что молоть-то? Хлѣбъ не сжатъ.
Грустно вѣтки липъ-отшельницъ
Надъ Галиціей дрожатъ.
Горько, братья, тошно, братья,
Посылать своихъ дѣтей
Подъ австрійскія проклятья,
Подъ удары ихъ плетей!
Въ день суровый бабы выли—
Не излечится тоска,
Если въ рекруты забрили
И сынка, и муженька,
Да велятъ итти сражаться
Съ братомъ русскимъ, какъ съ врагомъ.
Какъ же сердцу тутъ не сжаться
Тайной мыслью о другомъ!
Съ Богомъ, братья! Рабство сбросимъ,
Смѣло вспрянемъ безъ оковъ,
Мы недаромъ имя носимъ
Угроруссовъ отъ вѣковъ.

Пусть война встаетъ пожаромъ—
Въ немъ свободы намъ заря,
Тамъ трепещетъ въ блескѣ яромъ
Знамя Бѣлаго Царя.
Прочь кокарды и погоны
Швабовъ! Выше русскій стягъ!
Мы австрійскіе патроны
Не истратимъ на пустякъ!
Пусть не сняли урожая,
Но зато нашъ мирный край,
Австріяковъ поражая,
Сниметъ славы урожай!

Георгій Ивановъ.

«НОЧИ ТЕМНЫ, ТУЧИ ГРОЗНЫ...»

(Посвящается Н. В. Рузскому).

Тѣни мрачныя спустились
На просторъ родныхъ полей,
Тучи грозныя сгустились,
Ночь все ближе, все темнѣй.
Въ царствѣ рабскаго молчанья,
Средь унылой жуткой тьмы,
Взоръ пугаютъ очертанья
Львовской габсбургской тюрьмы
Крѣпко выходы забиты,
Словно крышкой гробовой.
Тѣ, кто тамъ,—людьми забыты.
Что̀ грозитъ имъ, Боже мой!
Тише... Въ церкви ль зазвонили?
Звуки плавные растутъ...
Что̀ за щекотъ? Соловьи ли
Предразвѣтный гимнъ поютъ?
Про̀свистъ издали несется,
Свистъ все ближе, все сильнѣй.
Долъ гудитъ, земля трясется,
Снова жизнь забилась въ ней...

Это явь? Иль сновидѣнье?
Боже! Старый русскій Львовъ,
Слышишь ты? Вѣдь это—пѣнье
Шагомъ ѣдущихъ донцовъ!
Взвылъ тюремщикъ вѣроломный,
Въ дикой паникѣ бѣжитъ,
А вдогонку „*Ночи темны,*
Тучи грозны...“ все звучитъ...
Яркій лучъ блеснулъ съ востока,
Надъ землей рѣдѣетъ мгла,
И нашъ Львовъ вздохнулъ глубоко:
Тучи скрылись! Ночь прошла!

И. Пересвѣтовъ.

НА ВЗЯТІЕ ЛЬВОВА.

Сердце радостно забилось снова,
Снова сбиты полчища враговъ.
Нѣтъ ужъ больше Лемберга чужого,
Есть родной, старинный русскій Львовъ.
Боже, этой радостной минуты
Ждали мы ужъ многіе года,
И порой казалось, что замкнуты
Двери въ Львовъ для русскихъ навсегда.
Но нашъ мечъ пробилъ себѣ дорогу
Въ русскій край давно минувшихъ дней,
Въ древній край Владимира Святого,
Володаря и Владимирка князей.
Подъ своей державой, Русь Святая,
Возвращенныхъ приголубь сыновъ,
И, въ свою семью ихъ призывая,
Дай покой имъ, ласку и любовь.

Н. К. Савенко-Новоспасская.

ВОИНАМЪ ЮЖНОЙ ДРУЖИНЫ.

Стоите вы у поля битвы
И смѣлой грудью рветесь въ бой...
Къ вамъ, къ вамъ прикованы молитвы
И взоръ любви Руси святой!
Синѣютъ передъ вами горы —
Тамъ тоже Русь сѣдыхъ Карпатъ.
Заставы ваши и дозоры
Ужъ занимаютъ древній скатъ.
Грохочетъ бой, и ты, дружина,
Шагнешь впередъ за Прутъ, за Санъ
И силой мощной исполина
Разсѣешь ты коварный станъ.
Скорѣе братьямъ дай свободу,
Въ разстрѣлахъ гибнущимъ, въ крови,
И вѣковую ихъ невзгоду
Развѣй ты подвигомъ любви.
Неси же стягъ на поле битвы
За древній Галичъ нашъ родной!..
Благословятъ тебя молитвы
И взоръ любви Руси святой...

Михаилъ Балянскій.

ПОЛЬША

НАША МЛАДШАЯ СЕСТРА.

Край намъ близкій Польша, Польша,—
Наша младшая сестра,—
Занялся разсвѣтъ твой смутно
Въ грозномъ пламени костра.
Дымъ пожаровъ, рѣки крови,
Безъ пощады злобный врагъ,
И дѣтей голодныхъ стоны,
И разграбленный очагъ.
Мирныхъ селъ опустошенье,
Ярость пуль, набата жуть...
Вотъ, сестра, въ какое время
Всходишь ты на новый путь.
Вся израненная, Польша,
Утопаешь ты въ крови,
Но не бойся, есть въ Россіи
Много силы и любви.
Ты, сестра, за насъ страдала,
Жертва бѣдная, прости,—
Мы твои залечимъ раны,
Мы должны тебя спасти.

Мы дѣтей твоихъ накормимъ,
Обогрѣемъ бѣдняковъ,
Пріютимъ несчастныхъ братьевъ
И вернемъ имъ отчій кровъ.
Всепрощенья, примиренья
И любви святой залогъ
Въ эту тяжкую годину
Намъ найти поможетъ Богъ.
Для родной и близкой Польши
Кто-что можетъ—пусть даетъ;
Дайте щедро, дайте больше
Хлѣба, ласки и заботъ.
Пусть увидитъ, что за бурей
Будетъ свѣтлая пора,—
Оживетъ и встанетъ Польша—
Наша младшая сестра.

Т. Щепкина-Куперникъ.

СТАНСЫ ПОЛЬШѢ.

Ты никогда не умирала,—
Всегда плѣнительно жива,
Ты и въ неволѣ сохраняла
Твои державныя права.

Тебя напрасно хоронили,—
Себя сама ты сберегла,
Противоставивъ грозной силѣ
Надежды, пѣсни и дѣла.

Твоихъ поэтовъ, мать родная,
Всегда умѣла ты беречь,
Восторгомъ сердца отвѣчая
На ихъ пророческую рѣчь.

Не заслужили укоризны
Твои сыны передъ тобой,—
Ихъ каждый трудъ былъ для отчизны
Надъ Вислой, какъ и надъ Невой.

И нынѣ, въ годъ великой битвы,
Не шлю проклятія войнѣ.
Съ твоими и мои молитвы
Соединить отрадно мнѣ.

Не для ея страданій дольше —
Молю небеснаго Отца,—
Перемѣни великой Польшѣ
На лавры тернія вѣнца.

Ѳедоръ Сологубъ.

ПОЛЬШѢ.

Орелъ одноплеменный!
... Вѣрь слову русскаго народа:
Твой пеплъ мы свято сбережемъ,
И наша общая свобода,
Какъ фениксъ, возродится въ немъ!

О. Тютчевъ.

Провидецъ! Стихъ твой осужденный
Не наше ль время прозрѣвалъ,
Когда „орелъ одноплеменный“
Напрасно крылья расширялъ!

Сны, что тебѣ туманно снились,
Предстали намъ, воплощены,
И вѣщимъ свѣтомъ озарились
Въ багровомъ заревѣ войны.

Опять родного намъ народа
Мы стали братьями,—и вотъ
Та „наша общая свобода,
Какъ фениксъ“, правитъ свой полетъ.

А ты, народъ скорбей и вѣры,
Подъявшій вмѣстѣ съ нами брань,
Услышь у гробовой пещеры
Священный возгласъ: „Лазарь, встань!“

Ты, бывшій мертвымъ въ этомъ мірѣ,
Но тайно памятный Судьбѣ,
Ты—званый гость на нашемъ пирѣ,
И первый нашъ привѣтъ—тебѣ!

Просторъ родимаго предѣла
Единымъ взоромъ облелѣй,
И крики „Польска не сгинѣла!“
По-братски съ русскимъ гимномъ слей.

Валерій Брюсовъ.

БРАТЬЯМЪ.

На милый край, гдѣ жизнь цвѣла,
До Вислы на равнины наши
Тевтоновъ ярость разлила
Огонь и смерть изъ полной чаши.
Какъ въ день Послѣдняго Суда,
Сверкалъ огонь, гремѣли громы,
Пылали наши города,
И разрушались наши домы.
Когда ожесточенный бой
Къ инымъ предѣламъ устремлялся,
На нашихъ улицахъ разбой
Тевтонской рати начинался.
Презрѣвши страхъ дѣтей и дѣвъ,
На слезы отвѣчая смѣхомъ,
Въ безстыдство перешедшій гнѣвъ
Къ безумнымъ тяготѣлъ потѣхамъ.
И кровь струилася, и вновь
Вставалъ угарный дымъ пожара,
И пепломъ покрывала кровь
Родныхъ и милыхъ злая кара.
Изъ милыхъ мѣстъ насъ гонитъ страхъ,
Но говоримъ мы нашимъ дѣтямъ:
— Не бойтесь: въ русскихъ городахъ
Мы всѣ друзей и братьевъ встрѣтимъ.

Ѳедоръ Сологубъ.

ЗАЩИТА ВАРШАВЫ.

Да, онъ надѣялся, коварно-злобный врагъ,
Прійти и разгромить прекрасную Варшаву,
И, въ мірѣ укрѣпивъ тевтоновъ гордыхъ славу,
Надъ Вислой свѣтлою поднять побѣдный стягъ...

Да, онъ надѣялся, что старые раздоры
И раны старыя покажутъ рознь славянъ.
Увы, ошибся онъ, урокъ великій данъ
Въ минуту славную: забыты всѣ укоры,

Забыта вся вражда, и русскіе полки
Варшава свѣжими осыпала цвѣтами,
Съ молитвой жаркою, съ горячими слезами
Тамъ провожали въ бой побѣдные штыки.

И русскіе пошли, великою любовью,
Союзомъ дружескимъ согрѣлись ихъ сердца,
И выдержали бой тяжелый до конца
И земли польскія полили жаркой кровью.

Варшава спасена! Сгорая отъ стыда,
Жестокій врагъ бѣжитъ, склонивъ свои знамена,
И злобный замыселъ кичливаго тевтона
О грудь славянскую разбился безъ слѣда.

Ю. В. Ревякинъ.

ВЪ ЧЕНСТОХОВѢ.

Плачетъ сынъ: „Душа томится!
Гдѣ отецъ? О мать, не скрой!“
— За него, родной, молиться
Будемъ Господу съ тобой!..

„Близко ли наши полки?
О, какъ мнѣ, матушка, жутко!“
— Тише, идутъ пруссаки...
Слышишь ихъ крики, малютка?

Смолкъ ребенокъ, къ взрослой жмется,
Бьется птичкой сердце въ немъ.
Шумъ все ближе раздается
Въ переулкѣ, за окномъ...

Это не сонъ и не бредъ:
Двери прикладами сбиты;
Брезжитъ далекій разсвѣтъ,
Темною тучей повитый...

Снова тишь вокругъ и дрема,
Никого никто не ждетъ,
Только кровь у оконъ дома
Молча къ небу вопіетъ...

В. П. Рябовъ-Бѣльскій.

ПОЛЬШѢ.

(Сонетъ).

Всѣ бѣды, ужасы всѣ вражьяго вторженья
Познать пришлось тебѣ, о Польская земля!
Врагъ злобный твоего искалъ уничиженья,
Добычу жданную заранѣе дѣля.

Губителенъ былъ слѣдъ тевтонскихъ ордъ движенья,
Опустошившихъ мирныя поля...
Но тяжкій швабскій млатъ ковалъ для насъ сближенье,—
На Ченстохова звонъ звучалъ отвѣтъ Кремля.

Не надо пышныхъ фразъ, не время суесловью,—
Сильнѣе не скрѣпить связующихъ насъ узъ:
Тѣ узы спаяны пролитой вмѣстѣ кровью!

О, Польша! Пусть удѣлъ твой нынѣ и печаленъ,—
Недолго ужъ нести невзгодъ и бѣдствій грузъ,
И обновленною ты встанешь изъ развалинъ.

Бенедиктъ.

ПОЛЬШѢ.

Не можетъ быть невзгоды большей,
Чѣмъ та вонистенная мгла,
Что надъ несчастной, гордой Польшей,
Какъ страшный призракъ, залегла.

Судилъ Господень Помыслъ дальній
Странѣ мазуровъ и полянъ
Быть раскаленной наковальней
Въ борьбѣ за первенство славянъ.

Германскій вепрь, пронзенный пикой,
Учуя смерти голоса,
Рыча и брызжа пѣной дико,
Вломился въ польскіе лѣса.

Онъ сжегъ поля, разграбилъ селы,
Разбилъ сѣдые города.
Онъ осквернилъ твои костелы,
Дикарь, не знающій стыда.

Не плачь, сестра! Злодѣйствамъ вражьимъ
Придетъ конецъ... близка пора —
Твои мы раны перевяжемъ,
Мы исцѣлимъ тебя, сестра!

Сергѣй Копыткинъ.

ВОЙНА

СТАНСЫ О ВОЙНѢ.

Да, въ мірѣ не было священнѣй,
Правдивѣй не было войны!
Полна высокихъ отреченій,
Полна безмѣрной глубины, —
Надежды столькихъ поколѣній
Въ ея чертахъ отражены!

Холмы изъ тѣлъ, моря изъ крови, —
Но скорбью духъ не омраченъ.
И только гнѣвъ сдвигаетъ брови
Предъ злобой вражескихъ племенъ,
И месть святая наготовѣ
Для ихъ разбойничьихъ знаменъ.

Да, нуженъ былъ глаголъ изъ стали,
Былъ нуженъ всенародный сдвигъ,
Чтобъ свято сызнова звучали
„Россія“, „Родина“... И вмигъ
Мы героическими стали,
И каждый высшее постигъ.

Теперь, забывъ печали наши
И наши скучныя слова,
Мы жадно пьемъ изъ полной чаши
Борьбы, надеждъ и торжества,
И нѣтъ восторженнѣй и краше
Мечты, которая жива:

Освободить весь міръ отъ гнета!
Пусть кровь безцѣннѣе воды, —
Но алый штормъ порветъ тенета
Безправья, злобы и вражды.
Не станетъ грознаго оплота
Для вѣчно алчущей Бѣды.

Когда же имена убитыхъ
Мы, уцѣлѣвшіе, сочтемъ, —
Мы выжжемъ ихъ на славныхъ плитахъ,
Чтобъ повторять ихъ каждымъ днемъ!
Тогда не будетъ позабытыхъ
Въ странѣ, очищенной огнемъ.

И не смутить народной вѣры
Огнемъ губительныхъ мортиръ!
Пусть кровь людскую пьетъ безъ мѣры
Земля, и Смерть справляетъ пиръ, —
Мы на зарѣ великой эры:
Безсмертнымъ въ мірѣ станетъ Миръ!

Дмитрій Цензоръ.

НАДЪ МІРОМЪ СМЕРТЬ.

Надъ міромъ смерть простерла крылья,
Кровавый саванъ молча палъ.
Борьбы напрасныя усилья...
Надъ міромъ смерть простерла крылья,
Загробный слышится хоралъ.

И тонетъ тьма въ волнахъ кровавыхъ,
И тонетъ въ небѣ мертвый взоръ.
Все суета, земной нѣтъ славы...
И тонетъ тьма въ волнахъ кровавыхъ,
Лишь смерти воля да просторъ.

Но близокъ грозный часъ возмездья!
Господь всесиленъ и могучъ.
Все ярче на небѣ созвѣздья...
И близокъ грозный часъ возмездья,
И смерть мерцаетъ изъ-за тучъ.

Взойдетъ заря надъ полемъ брани,
Надъ смертью солнце заблеститъ.
Не будетъ слезъ, ни воздыханій.
Заря взойдетъ надъ полемъ брани,
Христосъ улыбкой озаритъ.

Н. Каштелинская.

ПОСЛѢДНЯЯ ВОЙНА.

Свершилось! Рокъ рукой суровой
Приподнялъ завѣсу временъ.
Предъ нами лики жизни новой
Волнуются, какъ дикій сонъ.

Покрывъ столицы и деревни,
Взвились, бушуя, знамена.
По пажитямъ Европы древней
Идетъ послѣдняя война,

И все, о чемъ съ безплоднымъ жаромъ
Пугливо спорили вѣка,
Готова разрѣшить ударомъ
Ея желѣзная рука.

Но вслушайтесь! Въ сердцахъ стѣсненныхъ
Не голосъ ли надеждъ возникъ?
Призывъ племенъ порабощенныхъ
Врывается въ военный крикъ.

Подъ топотъ армій, громъ орудій,
Подъ ньюпора гудящій летъ,
Все то, о чемъ мы, какъ о чудѣ,
Мечтали, можетъ быть, встаетъ!

Вѣдь слишкомъ долго мы коснѣли
И длили Валтассаровъ пиръ!
Пусть, пусть изъ огненной купели
Преображенный выйдетъ міръ!

Пусть падаетъ въ провалъ кровавый
Строенье шаткое вѣковъ, —
Въ невѣрномъ озареньи славы
Грядущій міръ да будетъ новъ!

Пусть рушатся былые своды,
Пусть съ гуломъ падаютъ столбы, —
Началомъ мира и свободы
Да будетъ страшный годъ борьбы!

Валерій Брюсовъ.

ВОРОНЪ КЪ ВОРОНУ ЛЕТИТЪ.

(Баллада).

Воронъ къ ворону летитъ,
Воронъ ворону кричитъ:
„Вѣщій братъ мой, гдѣ леталъ,
Гдѣ леталъ и что видалъ?“

Воронъ ворону въ отвѣтъ:
„Облетѣлъ я бѣлый свѣтъ,
Покружилъ за вражьимъ станомъ,
Былъ за Вислой, былъ за Саномъ,
Ночь и день летѣлъ назадъ, —
Плохо дѣло, черный братъ!
Не запомню за столѣтья
Я такого лихолѣтья...

Ночью первой налетѣлъ
Я на поле мертвыхъ тѣлъ.
Другъ и врагъ сплелись въ объятьѣ, —
То-то пиръ вороньей братьѣ!
Дѣвы, жены позади, —
Крестъ кровавый на груди.

Пусто. Вѣтеръ лишь холодный
Въ уши имъ шумитъ отходной...
Въ мутныхъ звѣздахъ неба твердь,
И вдвоемъ — Вильгельмъ и Смерть,
Мертвецовъ даря парадомъ, —
Другъ съ подругой, — ѣдутъ рядомъ.

Возлѣ Рейнскихъ береговъ
Помнишь замокъ Рюггенсгофъ?..
На исходѣ новой ночи
Здѣсь на мигъ смежилъ я очи.
Утромъ внемлю шумъ людей,
Крики черныхъ лебедей.
Древній замокъ полонъ гула,
Трубныхъ звуковъ караула...
Вѣщій братъ мой и сосѣдъ,
Я узналъ людской секретъ!
Въ замкѣ узница томится,
Синеокая дѣвица,
Блѣдной ручкой рветъ цвѣты,
Въ бездну смотритъ съ высоты
Да слѣдитъ, какъ прудъ вскачали
Черны лебеди печали...
Много ль дѣва точитъ слезъ, —
Знаетъ только вѣрный песъ [1]).

Какъ безъ сна проводитъ ночи, —
Видятъ звѣзды, Божьи очи.

---

[1]) Великой герцогинѣ люксембургской Аделаидѣ-Маріи германцами, въ концѣ концовъ, разрѣшено оставить при себѣ ея собаку и черныхъ лебедей.

А какъ вздохи глубоки, —
Слышатъ прусскіе стрѣлки,
Что шагаютъ подъ стѣнами
Съ закаленными штыками...

Третья ночь была безъ сна,
Спнь небесная ясна.
Надъ земною лился бездной
Градъ свинцовый и желѣзный.
Тяжко дымный воздухъ вылъ, —
Высоко я къ небу взмылъ:
Бросивъ внизъ снопы-зарницы,
Тамъ стальныя плыли птицы...
Ихъ неясный страненъ ликъ,
Небесамъ ихъ мерзокъ крикъ.
Крыльевъ ихъ завидя круги,
Прочь орлы летятъ въ испугѣ...
Гдѣ желѣзный грифъ летѣлъ, —
Груда тамъ кровавыхъ тѣлъ.
Любо! Гей, летимъ, товарищъ,
Пировать среди пожарищъ!...“

Воронъ ворону въ отвѣтъ:
„— Я и сытъ, и время нѣтъ!
Нынче я лечу гонцомъ
Въ дальній хуторъ надъ Донцомъ.
День и ночь у хуторка
Ждетъ казачка казака.
Я на крышу прилечу,
Клювомъ въ крышу застучу:
Ой, казачка, не плошай! —
Понимай воронограй! —

Понимай вороногрaй,
Больше духу припасай!
Ой, ужаленъ милый твой
Въ сердце самое пчелой.
Вспять ему не пріѣзжать,
Губъ твоихъ не цѣловать.
Земляной просторенъ гробъ,
Отпѣвалъ его не попъ, —
Буйный вѣтеръ отпѣвалъ,
Очи — я ему склевалъ...“

А. Измайловъ.

БЛАГОСЛОВЕНІЕ.

Я не сочувствую войнѣ,
Какъ проявленью грубой силы.
Страшны досрочныя могилы
И оскорбительны вдвойнѣ.

Къ побѣдѣ красная стезя,
И скорбь на ней — исходъ конечный.
Безразумной и безсердечной
Войнѣ сочувствовать нельзя.

Но есть великая война —
Война народной обороны:
Отбросить вражьи легіоны
Встаетъ пронзенная страна.

Когда отечество въ огнѣ,
И нѣтъ воды, лей кровь, какъ воду...
Благословеніе народу!
Благословеніе войнѣ!

Игоръ Сѣверянинъ.

НА НАЧИНАЮЩАГО БОГЪ.

На начинающаго Богъ!
Вѣщанью мудрому повѣрьте.
Кто шлетъ сосѣдямъ злыя смерти,
Тотъ самъ до стона изнемогъ.

На начинающаго Богъ!
Его твердыни станутъ пылью,
И обречетъ Господь безсилью
Его, зачинщика тревогъ.

На начинающаго Богъ!
Его кулакъ въ бронѣ желѣзной,
Но разобьется онъ надъ бездной
О нашъ незыблемый чертогъ.

Ѳедоръ Сологубъ.

18 ИЮЛЯ 1914 ГОДА.

О, Боже вѣчный, Боже правый!
Ты видишь все... Хотѣлъ пресѣчь
Вражду родной Орелъ Двуглавый
И возвѣщалъ: „вложите мечъ!“

Ослѣплены самохвалами,
На слабыхъ рinулись враги,
И онъ летитъ, взмахнувъ крылами,
Туда, гдѣ слышитъ: „помоги!“

„Взвивайтесь, братскія знамена!
„Иду!“ — звучитъ отвѣтный кликъ.
Опять вернулось время оно,
Все ближе, ближе русскій штыкъ...

И сердце русское, ты то же
И такъ же, какъ и въ оны дни,
Съ Царемъ на подвигъ рвешься... Боже,
Царя храни!

М. Веселкова-Кильштетъ.

ВОЙНА.

Смерть сѣдлаетъ во тьмѣ боевого коня,
Смерть, ликуя, хрипитъ: „Подождите меня!
„Жаднымъ ухомъ заслышавъ тревогу,
„Я спѣшу, я лечу на подмогу.
„Проложили мнѣ люди дорогу вездѣ:
„Въ облакахъ, на землѣ, надъ водой и въ водѣ.
„Всюду люди меня славословятъ,
„Жгутъ куренья и жертвы готовятъ;
„Цѣлый міръ обративъ въ мой кощунственный храмъ,
„Въ немъ вы служите Смерти, какъ Богу:
„Стонъ страдальцевъ — мой гимнъ, дымъ костровъ — ѳиміамъ,
„Я лечу, я лечу на подмогу!“
И несется костякъ, припадая къ коню,
И, ликуя, хрипитъ: „Догоню! догоню!“

В. Мазуркевичъ.

ВОЙНА ЗА МИРЪ.

На небѣ яркія зарницы,
Предвѣстникъ грозъ, рокочетъ громъ,
И отъ деревни до столицы
Русь встала въ вихрѣ боевомъ.
Переродилась, отрезвѣла,
Вздрогнула мощная страна.
Рука и сердце ищутъ дѣла,
Душа огнемъ борьбы полна.

* * *

И вижу я полетъ орлиный,
Всѣ племена, народъ и Царь
Сплотились крѣпко въ духъ единый,
Несутъ всѣ жертвы на алтарь.
Слились сермяга и порфира
Въ стѣнахъ незыблемыхъ Кремля
И добываетъ миръ для міра
Желѣзомъ русская земля.
И спленъ, правдой вдохновенный,
Въ борьбѣ съ коварствомъ исполинъ.
Кто побѣдитъ? Тевтонъ надменный
Иль благородный славянинъ?

* * *

Двоимъ намъ тѣсно! Не искали
И не хотѣли мы войны,
Мы для спасенья братьевъ встали,
Пошли за честь родной страны,
И грозно на защиту права
Волной поднялся весь народъ. —
Кто всталъ за правду — честь и слава,
А мечъ поднявшій — да падетъ!

Влад. Гиляровскій.

ВПЕРЕДЪ.

Безъ трепета — впередъ, сыны земли великой,
Съ сверкающимъ мечомъ, впередъ, на братскій зовъ!
Впередъ!.. Прислушайтесь: все громче битвы клики,
Плачъ женщинъ и дѣтей съ Дунайскихъ береговъ...

Всегда крѣпки бойцы за право и отчизну,
За вѣру праотцевъ, за пядь земли родной.
И павшимъ воинамъ великой славы тризной
Да будетъ всѣхъ славянъ единство и покой!

Въ Святомъ Георгіи найдемъ оплотъ и силы!
Стекайтесь полчища безстрашныхъ россіянъ,
И сгинетъ чудище кроваваго насилья,
Пронзенное мечомъ богатырей славянъ!..

Т. Соколовская.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

Огнемъ безмѣрнаго страданья,
Рѣзцомъ невиданныхъ невзгодъ
Отмѣченъ въ безднахъ мірозданья
Нашъ годъ, четырнадцатый годъ.
Сплелись зловѣщія созвѣздья
Надъ нами въ знаменьяхъ луча.
Караетъ Богъ мечомъ возмездья
Обожествленіе меча.
А если тамъ, на звѣздахъ прочихъ
Способны чувствовать, какъ мы,
И различать свѣтила ночи
Сквозь океанъ безбрежной тьмы,
То каплей крови, жуткоцвѣтной,
Чуть уловимой, чуть замѣтной,
Имъ представляется земля,
Затѣмъ, что битвою всесвѣтной
Пылаютъ горы и поля;
Затѣмъ, что кровью въ годъ ненастный
Всѣ города напоены
И надъ землею поднятъ красный,
Безумный факелъ Сатаны.

. . . . . .

Богъ Милосердный! Богъ прощенья!
Богъ человѣческой души!
Взгляни... услышь... Одно мгновенье!
Слезой единой сожалѣнья
Тотъ факелъ смерти потуши!

Сергѣй Копыткинъ.

ЦВѢТА ВОЙНЫ.

Подъ бѣло-сине-красныя знамена
Сойдемся и ударимъ на враговъ.
Цвѣтъ бѣлый — цвѣтъ нетронутыхъ снѣговъ,
Хранящихъ жизнь во тьмѣ земного лона,
Цвѣтъ сѣверныхъ просторовъ, цвѣтъ мечты,
Цвѣтъ спящихъ силъ на днѣ души народной,
Цвѣтъ родины моей, въ мечтахъ свободной,
Цвѣтъ будущей великой полноты.
Кто вѣритъ въ русскій жребій,—юнъ и старъ
Возстанемъ противъ хищника-барона,
Подъ бѣло-сине-красныя знамена
Сойдемся противъ западныхъ татаръ.
Подъ бѣло-сине-красныя знамена
Сойдемся и сразимъ сверхъ-дикарей.
Цвѣтъ синій — цвѣтъ лазоревыхъ морей,
Цвѣтъ гордыхъ моряковъ, цвѣтъ Альбіона.
Онъ первый, подъ оградой синихъ водъ,
Провозгласилъ гражданскихъ правъ святыню,
Домъ гражданина онъ возвелъ въ твердыню,
Шагъ каждый — въ равновѣсіе свободъ.

Отчизну воли, разума, закона
Отъ „ярости тевтонской“ оградимъ.
Подъ бѣло-сине-красныя знамена,
Съ Британіей сойдясь, мы побѣдимъ!
Подъ бѣло-сине-красныя знамена
Насъ всѣхъ зоветъ священная война.
Цвѣтъ красный — цвѣтъ румяныхъ устъ, вина,
Цвѣтъ крови, смѣха, красочности, звона,
Цвѣтъ Франціи — эдема всей земли.
Парижъ, твоихъ бульваровъ и предмѣстій
Сапогъ набѣглый „бѣлокурыхъ бестій“
На этотъ разъ не осквернитъ въ пыли.
Нева и Сена, Темза и Гаронна
Идутъ на Рейнъ послѣднею волной,
Грядетъ весь міръ послѣднею войной
Подъ бѣло-сине-красныя знамена.

Н. Минскій.

УШЛИ...

Ушли... Одинъ въ углахъ знакомыхъ
У старыхъ дѣдовскихъ иконъ
Въ убогихъ избахъ и въ хоромахъ
Огонь немеркнущій зажженъ.

Еще не кончена работа,
Не убранъ желтый хлѣбъ съ полей.
Душа болитъ... Но шепчетъ кто-то:
„Ты русская и слезъ не лей!..

„Мы тоже провожали близкихъ,
„Крушились тоже мы о нихъ, —
„Побѣды ихъ — на обелискахъ,
„И шумъ ихъ славы не затихъ.

„Кто палъ въ бою, кто, невредимый,
„Вернулся къ намъ подъ кровъ родной, —
„Но долгъ свершенъ былъ предъ родимой
„Святою нашею страной!..“

О, сердце женское! Ты снова,
Какъ и сто долгихъ лѣтъ назадъ,
На подвигъ скорбный свой готово:
„Иди, мой мужъ!.. Мой сынъ!.. Мой братъ!..

„Идите всѣ!“.. Ни слезъ, ни стона...
Мы отдаемъ любовь свою...
Предъ ликомъ Божьимъ — оборона
Она вамъ лучшая въ бою!..

М. Веселкова-Кильштетъ.

СЪ ВОЙНЫ.

ВСЕНОЩНАЯ.

Закатъ спокойно тихъ... Послѣдними лучами
Окрашены вдали зеленые лѣса,
Замолкъ бивака шумъ... Туманный дымъ клубами
За рощей тянется, отъ кухонъ, въ небеса.

За старымъ кладбищемъ построены колонны
Пѣхотнаго полка, безмолвны и стройны.
Столъ въ глубинѣ карре... На немъ блестятъ иконы,
И голосъ пастыря звучитъ средь тишины.

Сосредоточенно, въ торжественномъ молчаньи,
Солдаты молятся... Быть можетъ, завтра бой.
Невольно прошлаго встаютъ воспоминанья
Здѣсь, въ тишинѣ, предъ каждою душой.

Въ безмолвьи вечера, предъ днемъ тяжелой битвы,
Подъ куполомъ небесъ, открыты всѣ сердца,
Понятнѣй и яснѣй знакомыя молитвы
Въ природы близости и близости Творца.

И мысль, въ сердцахъ сокрытую глубоко,
Молящійся душой стремится повторить:
— Храни, Благой Господь, оставшихся далеко!
Дай, Боже, мощь врага скорѣе сокрушить!

Князъ Ѳедоръ Касаткинъ-Ростовскій.

НОЧНАЯ МОЛИТВА.

(Посвящается русскимъ воинамъ).

I.

Когда лѣтняя ночь до разсвѣта
Убаюкаетъ степи Украйны,
На степяхъ вѣковыя могилы
Открываютъ забытыя тайны...
Свой пріютъ безмятежный оставя,
Поднимаются старыя тѣни,
И пѣвецъ между ними садится
И бандуру кладетъ на колѣни.
То не сѣрый туманъ покрываетъ
Наши степи отъ края до края, —
Это славныя, старыя тѣни,
Собираются, пѣснямъ внимая.
То не шепчетъ ковыль, наклоняясь,
И не шумъ отъ пороговъ несется, —
Это старая пѣснь бандуриста
Съ тихимъ рокотомъ струнъ раздается.
Онъ поетъ про минувшую славу,
Какъ въ плѣну погибали турецкомъ,

Онъ гремитъ о казакѣ Нечаѣ
И о Байдѣ поетъ молодецкомъ...
И на каждую ночь до разсвѣта
Дивныхъ пѣсенъ-сказаній хватаетъ,
Даже самъ бандуристъ вдохновенный
Славнымъ рыцарямъ счета не знаетъ!
Гдѣ ни глянь, ихъ чернѣютъ могилы, —
Смѣлыхъ воиновъ вѣчныя хаты, —
Отъ пороговъ и Чернаго моря
До равнины, гдѣ встали Карпаты.
Гдѣ ни глянь, по Руси безпредѣльной
Тамъ ихъ кости легли не напрасно —
За свободу, за вѣру святую
И за славу отчизны прекрасной...

II.

Въ ночь побѣды подъ стѣнами Львова
Бандуриста потухшія очи
Вдохновенья огнемъ запылали,
Точно звѣзды украинской ночи.
И ударилъ онъ въ звучныя струны,
Напрягая могучія руки:
— Гей, послушайте, рыцари-други,
Что творятъ наши славные внуки!
Точно молнія въ тучахъ небесныхъ,
Засіяла ихъ доблесть святая,
И ведутъ они грозныя битвы,
Ни сомнѣнья, ни страха не зная!..
Задрожали Угорскія скалы,
Всколыхнулись поля и озера,

Врагъ бѣжитъ озлобленный и блѣдный
И во вѣкъ не омоетъ позора!..
Повернитесь вы всѣ, что терпѣли
За отчизну, за вѣру святую,
Повернитесь лицомъ на Карпаты
И свершите молитву ночную:
„Ой ты, Боже нашъ, Боже великій,
„Вспомни старыя раны и муки,
„Вспомни подвиги слугъ твоихъ вѣрныхъ,
„Протяни необорныя руки,
„Помоги нашимъ внукамъ-героямъ,
„Что безъ страха тамъ кровь проливаютъ:
„Пусть враги передъ русскою силой
„Легче снѣга подъ солнцемъ растаютъ“...
И молитва кругомъ зазвучала,
Точно дальняго грома раскаты,
И склонились всѣ славныя тѣни,
Обратившись лицомъ на Карпаты.

Ю. В. Ревякинъ.

ВЪ ИЗБѢ ЛѢСНИКА.

Я помню ночь, мы шестеро сидѣли
Въ густомъ лѣсу, въ избушкѣ лѣсника,
Кругомъ рвались австрійскія шрапнели,
И пулеметовъ трескъ звучалъ издалека.

Намъ было холодно... Фонарь, шинелью скрытый,
Бросалъ на насъ багровый лучъ порой,
Былъ теменъ небосводъ, покровомъ тучъ закрытый,
И сычъ встревоженный кричалъ во тьмѣ лѣсной.

Бой дѣлался сильнѣй... Все ближе пролетая,
Снаряды падали, сверкая въ тьмѣ небесъ,
Короткой молніей окрестность озаряя,
Рвались... И вторилъ имъ, гудя, безмолвный лѣсъ...

Склонясь въ пустомъ углу, надъ трубкой телефона,
Мы жадно слушали далекія слова:
— „Отбили“... — „Отошли“... — „Еще идетъ колонна“.
— „Патроновъ дайте“... „Держимся едва“...

То были жуткія мгновенья въ домѣ этомъ,
А ночь была темна... минутъ тянулся рядъ.
Вдругъ, въ поздній часъ... за мигъ передъ разсвѣтомъ
У дома самаго разорвался снарядъ...

На мигъ прервались провода отвѣты,
Связь порвалась... А гдѣ-то впереди
Усилилась стрѣльба... Раздались крики гдѣ-то,
И сердце замерло мучительно въ груди...

Я помню эту ночь... Кошмаръ больного бреда...
Разсвѣтъ... Туманный дождь... Избушку лѣсника.
Вновь телефонный гулъ...
И тихій звукъ: „побѣда“,
Что голосъ намъ сказалъ, едва, издалека!

Князъ Ѳедоръ Касаткинъ-Ростовскій.

ВОЙНА.

Сожженныхъ рядъ домовъ... Даль стоптанныхъ полей...
Туманный сѣрый дождь... Видъ—мрачный и суровый,
Повозки, полныя тьмой женщинъ и дѣтей,
Лохмотья и узлы оставшихся безъ крова,
И плачъ, и стонъ, и выстрѣлы вдали,
И пологъ дыма сѣрый и пожарный,
И запахъ труповъ отъ земли,
Тяжелый, душный и кошмарный.
Мундиры рваные... патроны на поляхъ,
И ночь какъ день отъ зарева отсвѣта,
И радостный подъемъ волненія въ бояхъ,
И мысль о тѣхъ, чье сердце плачетъ гдѣ-то,
Кому далекихъ грусть понятна и родна,
Кто молится вдали и мучится душою.
— Тотъ ужасъ, что порой зовется красотою,
То—ты война!

Князь Ѳедоръ Касаткинъ-Ростовскій.

ВЪ ДНИ ВОЙНЫ.

ВЪ ПОЛЕВОМЪ ЛАЗАРЕТѢ.

Ночь порветъ наболѣвшія нити.
Врядъ ли ихъ дотянуть до утра.
Я прошу объ одномъ, напишите,
Напишите три строчки, сестра.
Вотъ вамъ адресъ жены моей бѣдной.
Напишите ей нѣсколько словъ,
Что я въ руку контуженъ безвредно,
Поправляюсь и буду здоровъ.
Напишите, что мальчика Вову
Я цѣлую, какъ только могу,
И австрійскую каску изъ Львова
Я въ подарокъ ему берегу.
А отцу напишите отдѣльно,
Какъ прославленъ нашъ доблестный полкъ,
И что въ грудь я былъ раненъ смертельно,
Исполняя мой воинскій долгъ.

Сергѣй Копыткинъ.

БРАТСКІЯ МОГИЛЫ.

Нѣтъ, не рыдайте на этихъ могилахъ,
Слезы нарушатъ ихъ чуткій покой...
Въ грезахъ побѣдныхъ, огненнокрылыхъ
Дремлетъ здѣсь каждый герой.

Золотомъ осень въ лѣсу заблистала.
Дочиста сжата послѣдняя рожь.
Сердце, ты биться въ груди перестало,
Замерло, ждешь!..

Гулко бѣжитъ по полямъ опустѣлымъ
Эхо шаговъ изъ родимой земли, —
Это на помощь тѣмъ, славнымъ и смѣлымъ,
Новыя рати пошли.

Дышитъ весельемъ улыбка солдата,
Къ русскимъ побѣдамъ проложенъ тутъ слѣдъ.
Вѣтеръ доноситъ: „Здорово, ребята!“
— „Рады стараться!“ — отвѣтъ.

Смотрятъ — кругомъ никого. Лишь зарею,
Словно сіяньемъ святыхъ, залиты,
Стражами встали надъ взятой землею
Наши кресты.
Небу навстрѣчу открыли объятья...
Плакать, рыдать здѣсь нельзя.
Грезятъ побѣдами павшіе братья, —
Къ славѣ ведетъ ихъ стезя!

М. Веселкова-Кильштетъ.

ПѢСНЬ О СМЕРТИ.

Кто стучитъ въ мое окно?
Подошелъ, — за нимъ темно.
Я подумалъ: дождикъ дробный,
Листъ засохшій, вѣтеръ злобный
Бьются въ стекла... Нѣтъ, — давно
Смерть стучитъ въ мое окно.
Я очнулся, я приникъ:
Вижу смерти бѣлый ликъ,
Слышу зовъ Россіи вѣщій,
Слышу битвы громъ зловѣщій.
Я очнулся, я приникъ...
Смерть мнѣ машетъ: — „Эй, ко мнѣ!
Посмотри, — земля въ огнѣ.
Я вѣнецъ даю герою,
Царство будущее строю.
Слава праведной войнѣ,
Жизни, зрѣющей въ огнѣ!..“
— „Ты жестока и стара!“
— „Нѣтъ, я добрая сестра.
Въ этотъ часъ въ твоей отчизнѣ
Только я свѣтлѣе жизни.

Выходи за мной, пора.
Я святая, я сестра...“
Я склонился, замолчалъ.
Старый міръ безумнымъ сталъ.
Съ долгой жаждой наготовѣ
Истомился онъ по крови.
Какъ я жалокъ, какъ я малъ
Передъ часомъ, что насталъ!
Смерть, возьми меня съ собой
Въ этотъ бой, всемірный бой,
Что волнами жаркой крови
Духъ земной очиститъ вновѣ.
Кто отступитъ предъ судьбой?
Смерть, возьми меня съ собой!

Дм. Цензоръ.

ПЕРВЫЯ ПАНИХИДЫ.

Торжественно-печальны пѣснопѣнья,
Дрожащихъ свѣчъ неровенъ блѣдный свѣтъ...
О павшихъ воинахъ возносятся моленья,
Душа полна печали и смятенья.
Они ушли — ихъ больше съ нами нѣтъ!..
Они ушли въ расцвѣтѣ лѣтъ и силы,
За родину пожертвовавъ собой.
За рубежомъ ихъ братская могила
Другихъ бойцовъ на подвигъ вдохновила—
И новые ряды идутъ на бой.
Не надо слезъ! И смолкнутъ пусть рыданья...
Ихъ конченъ путь и славенъ ихъ удѣлъ,—
Ихъ въ лучшій міръ, гдѣ нѣту воздыханья,
Земныхъ скорбей, печали и страданья,
Призвалъ Господь почить отъ ратныхъ дѣлъ!

Евгеній Рышковъ.

ПЛѢННЫМЪ.

Поклонъ вамъ отъ родины милой —
Туда, въ иноземную даль.
Не знайте тревоги унылой,
Забудьте тоску и печаль.

Мгновенны ненастье и бѣды.
Какъ прежде, свѣтлы небеса,
И свѣтлою пѣсней побѣды
Звенятъ и поля, и лѣса.

И, вызволить русскаго рады —
Того, кто случайно плѣненъ,
Спѣшатъ боевые отряды
Подъ сѣнью родимыхъ знаменъ...

Поклонъ вамъ отъ родины милой.
Горячею лаской полна,
Плѣненныя кровныя силы
И помнитъ, и любитъ она.

Танкредъ.

ПѢСНЯ НАДЪ РУБАШКОЙ.

Выводя свою ровную строчку,
Просижу я всю ночь напролетъ,
Всю-то долгую зимнюю ночку
Сонъ усталыхъ очей не сомкнетъ.

Сердце мое надрывается,
Кровью оно обливается...
Что я могу еще дать?
Только — плакать, молиться и ждать.

Вотъ ужъ скоро работа готова,
Ужъ немного осталося мнѣ...
Ахъ, кому ты придешься, обнова,
На далекой, на страшной войнѣ?

Кто тебя, какъ подъ праздникъ, надѣнетъ,
Собираясь безтрепетно въ бой,
Или послѣ окоповъ замѣнитъ
Всю измокшую ветошь тобой?

И пойдетъ ли въ тебѣ онъ къ побѣдамъ?
Или крови горячей пятно
Навсегда несмываемымъ слѣдомъ
Въ смертный часъ обожжетъ полотно?

Кто бъ ты ни былъ, мой воинъ безвѣстный,
Но съ надеждой въ работу мою
Я съ молитвой Царицѣ Небесной
Образокъ освященный зашью.

Боже мой, Боже мой! Доживу ли?..
Но пускай тебя въ битвѣ, какъ щитъ,
Отъ меча и отъ вражеской пули
Мягко вымытый холстъ защититъ!

Въ немъ жаркія слезы зашиты,
Всѣ тревоги безсонныхъ ночей...
Вѣдь иной, вѣдь надежнѣй защиты
Не найти мнѣ для жизни твоей.

Вдругъ—ниспослано будетъ судьбою
Словно чудо какое-нибудь,
Бѣлый холстъ мой прикроетъ собою
Моего ненагляднаго грудь?...

Не его—не его—такъ другого!
Для него пусть другая сошьетъ...
Все равно для кого—я готова
Просидѣть всю-то ночь напролетъ!

Сколько женщинъ отъ края до края
Наклоняются нынче къ шитью,

И дрожитъ въ нихъ душа, замирая,
О любимыхъ, далекихъ—въ бою...

Сколько молятъ въ тоскѣ безутѣшной,
Какъ и я, на великой Руси:
Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшной—
Моего дорогого спаси!

Сердце мое надрывается,
Кровью оно обливается...
Что я могу еще дать?
Только—плакать, молиться и ждать!

Т. Щепкина-Куперникъ.

ОБРАЗОКЪ.

Дорогое предвѣщанье,
Встрѣчи радостной залогъ—
Милой ручкой на прощанье
Мнѣ повѣшенъ образокъ...

Ужъ давно меня съ другими
Поѣздъ мчитъ на смертный бой,
Но мечтами дорогими
Я—съ тобой еще... съ тобой!

И надеждой, тихимъ миромъ
Вдругъ смѣняется тоска,
Чуть коснусь я подъ мундиромъ
Дорогого образка...

Шумны возгласы и рѣчи,
Звонъ оружія кругомъ...
Ближе, ближе время встрѣчи—
Боя съ бѣшенымъ врагомъ!..

Пусть кровавою волною
Бой кипитъ, суровъ, жестокъ...
Я спокоенъ: ты—со мною,
Мой завѣтный образокъ...

Вл. П. Лебедевъ.

* * *

Закружился, словно вьюга,
Грозный кличъ: война! война!
Провожая мужа-друга,
Плачетъ русская жена:

„Скоро, витязь мой желанный,
„Ты пойдешь на смертный бой.
„Богъ вѣнчаетъ славой бранной
„Тѣхъ, кто жертвуетъ собой.
„Ты пойдешь на подвигъ ратный,
„Образокъ возьми. Въ слезахъ
„Я молилась Благодатной,
„Передъ Ней склонясь во прахъ,—
„И Владычица покровомъ
„Защититъ тебя святымъ.
„Буду ждать тебя подъ кровомъ
„Я съ малюткою своимъ.
„Вѣковѣчной Ярославной
„Буду здѣсь я тосковать,
„Буду ждать побѣды славной,
„Буду сердцемъ друга звать".

А надъ русскою землею
Вьется кличъ: война! война!
Смѣло рвется витязь къ бою,
Плачетъ вѣрная жена.

А. Волынцева.

СРѢТЕНЬЕ ЦАРЯ.

Народъ съ утра спѣшилъ на площадь
Къ дворцу на срѣтенье Царя,
Тѣснилась флаговъ русскихъ роща,
Цвѣтами яркими горя.
Національныхъ пѣснопѣній
Опять катился мощный валъ,
И Александра вѣщій геній
Вѣнокъ побѣды поднималъ.

Да, не бывало у столицы
Такого утра съ давнихъ лѣтъ!
Въ подъѣздъ влетали вереницы
Автомобилей и каретъ.
Примчались сербы, намъ родные,
Былъ пышенъ быстрый съѣздъ Двора,
И проходили запасные
Подъ клики дружнаго „ура“.

До полдня близко было солнцу,
Когда раздался пушекъ гулъ.
Глазами къ каждому оконцу
Народъ съ мечтою жадной льнулъ.

Изъ церквп доносилось пѣнье...
Передъ началомъ битвъ, какъ встарь,
Свершивъ великое моленье,
Къ народу тихо вышелъ Царь.

Что думалъ Онъ въ тотъ мигъ великій,
Что чувствовалъ, Державный, Онъ,
Когда восторженные клики
Неслись къ нему со всѣхъ сторонъ?
Какая сказочная сила
Была въ благихъ Его рукахъ,
Которымъ мечъ судьба вручила
На славу намъ, врагамъ на страхъ!

Какъ море въ мощный часъ прилива,
Народный хоръ не умолкалъ,
И Царь, внимая терпѣливо,
Главу отвѣтно наклонялъ.
Къ нему невидимыя нити
Изъ всѣхъ сердецъ неслись, горя...
Такъ въ незабвенный часъ событій
Свершилось срѣтенье Царя.

Сергѣй Городецкій.

СПАСИ, ГОСПОДИ, ЛЮДИ ТВОЯ...

Ласковый сумракъ лампады полночной
Тихо въ глаза мнѣ глядитъ,
Словно луна въ этотъ часъ неурочный
Комнату всю серебритъ.
Хочется вѣрить, чему-то молиться—
Только молиться не въ мочь...
Встать бы, предъ образомъ тихо склониться
Съ робкой мольбой въ эту ночь:
Боже! не надо мнѣ яркихъ видѣній—
Близкихъ душѣ сохрани!
Съ жаркой мольбою тогда на колѣни
Встану, какъ въ прежніе дни...

А. Случевская-Коростовецъ.

* * *

Листокъ осенній цвѣта крови
Я шлю на грозныя поля—
Гдѣ гуломъ зыблется земля,
Гдѣ рвы и рѣки цвѣта крови...
Гдѣ дышатъ пламенной грозой
Неумолимыя орудья...
И жутко мнѣ, какъ отъ безлюдья...
И сердце полнится грозой.
Ахъ, если бъ сердце переслать
Съ листкомъ краснѣющимъ въ конвертѣ.
Убить любовью ужасъ смерти,
Любовь и душу переслать!
Летѣть туда, гдѣ рѣки крови,
Гдѣ гуломъ зыблется земля—
Летѣть на грозныя поля
Листкомъ осеннимъ цвѣта крови!..

Яковъ Годинъ.

* * *

На безумныхъ враговъ человѣка,
Ради братской всемірной любви,
Ополчился весь міръ—и безумцы
Захлебнутся въ невинной крови.
Грозно мчатся вездѣ другъ на друга
Тучи скованныхъ смертью людей,
Всѣ въ крови и въ дыму, и въ пожарахъ
Всѣ въ крови!
За свободу отъ страшнаго рабства
Всюду льется горячая кровь,
На развалинахъ царства безумныхъ
Навсегда воцарится любовь.

Л. Андрусонъ.

БОЕВАЯ.

Стой! Ровнѣй! Плечо къ плечу!
Чу!
Кровью воздухъ напоенъ,
Слѣва, справа—всюду стонъ...
Штыкъ впередъ! Шеренгу вздвой!
Въ бой!
Слышишь воющій набатъ?
Стонетъ гулко мѣдный адъ,
Небо—пламень: все въ крови...
Или!
Пусть летитъ шрапнель, звеня,
Пляшетъ смерть среди огня...
Знай, зарядовъ не жалѣй,—
Бей!
За спиною край родной
Ждетъ своихъ орловъ домой,
Побѣдите здѣсь, а тамъ—
Къ намъ!
Кто багровый тамъ стоитъ
И хохочетъ, и гудитъ?
Страшенъ смѣхъ въ такую ночь!
Прочь!

За далекимъ лѣсомъ мать
Васъ послала умирать,
Оросила васъ слезой...
Стой!
Эй, кто живъ, постройся въ рядъ,
За снарядомъ шли снарядъ,
Цѣлься мѣтко—Богъ за насъ...
Разъ!

Як. Окуневъ.

ПОДВОДНАЯ ЛОДКА.

Таящій смерть, таинственный и грозный,
Во мглѣ пучинъ ползетъ желѣзный кротъ.
Онъ страшенъ всѣмъ—и яхтѣ граціозной,
И крейсерамъ, стальнымъ владыкамъ водъ.

Его глаза, сроднясь съ зеленой мглою,
Какъ у акулъ, сверкаютъ злымъ огнемъ,
И видитъ онъ во мракѣ подъ водою,
Какъ видимъ мы, питомцы суши, днемъ.

Его шаги безшумны и зловѣщи,
Не слышитъ ихъ надводный часовой,
И въ грудь врага его стальныя клещи
Куда хотятъ—ударъ направятъ свой.

И страшенъ онъ, какъ смерть, въ минуту гнѣва.
Царямъ морей нѣтъ силъ бороться съ нимъ:
Онъ жалитъ ихъ межъ латъ желѣзныхъ, въ чрево
Его жъ укусъ ничѣмъ неисцѣлимъ.

Ударъ, огонь—и нѣтъ владыки моря!
Идетъ ко дну, закованный въ броню,
Тотъ властелинъ, кто, съ мощью молній споря,
Кто громъ таилъ, готовый вѣчно къ бою,

И пролагалъ сквозь бури смѣлый путь,
Могъ сѣять смерть и все предать огню;
Кто бить привыкъ и видѣть предъ собою
Лицо врага и вражескую грудь,

А здѣсь предъ нимъ невѣдомый и страшный
Приноситъ смерть, а самъ неуязвимъ,
Съ нимъ не сойтись открыто въ рукопашной,
Не умереть въ объятьяхъ вмѣстѣ съ нимъ:

Придетъ во мглѣ, укуситъ, ядовитый,
И вновь уйдетъ въ зеленомъ мракѣ водъ,
И лишь вдали, туманами сокрытый,
Межъ гребней волнъ на мигъ одинъ всплыветъ.

Вокругъ него плывутъ, качаясь, трупы,
А онъ, борьбой и кровью опьяненъ,
Стоитъ межъ скалъ и, прячась за уступы,
Вновь жертву ждетъ, зловѣщій скорпіонъ.

В. Вегеновъ.

МАРОДЕРЪ.

Голубѣютъ сумерки, и слышитъ
Въ нихъ земля таинственную быль...
Вѣтеръ сонный ласково колышетъ
Зыбко никнущій, испуганный ковыль...

Разбѣжится и, забывшись въ бѣгѣ,
Набѣжитъ на жуткій слѣдъ гробницъ—
На куски изломаннной телѣги
И на маски жуткихъ, мертвыхъ лицъ...

А едва лишь станутъ дали хмуры
И затихнетъ у окоповъ стукъ,
Въ поле выползутъ осклизлыя фигуры,
Шаря землю щупальцами рукъ...

— „Трупъ...“ Вокругъ слезящіяся кочки...
— „Есть...“ Кинжалъ врѣзается въ сукно,
Рветъ на шеѣ тонкую цѣпочку
И бросаетъ алое пятно...

— „Портсигаръ... Какая-то иконка...“
„Золотой... хо-рошій медальонъ...“
Въ медальонѣ... волосы ребенка...
— „Хе-хе-хе. Какой смѣшной москаль—

Лучше бъ золото потолще... даже жаль,
Что оно такъ прозрачно и тонко...“
— „Ну, работа... Нѣтъ совсѣмъ покоя!!
„Вотъ какъ будто дрогнула нога...“

Мародеръ трусливою рукою
Въ трупъ вонзаетъ лезвіе клинка...
И, дрожа, иконку съ медальономъ

Сунувъ въ сальный вислющій карманъ,
Уползаетъ въ голубой туманъ,
Уступая очередь воронамъ.

Сергѣй Михѣевъ.

СТАРЫЙ ВОПРОСЪ.

Не надо заносчивыхъ словъ,
Не надо хвальбы неумѣстной.
Предъ строемъ опасныхъ враговъ
Сомкнемся спокойно и тѣсно.

Не надо обманчивыхъ грезъ,
Не надо красивыхъ утопій;
Но Рокъ подымаетъ вопросъ:
Мы кто въ этой старой Европѣ?

Случайные гости? орда,
Пришедшая съ Камы и съ Оби,
Что яростью дышитъ всегда,
Все губитъ въ безсмысленной злобѣ?

Иль мы—тотъ великій народъ,
Чье имя не будетъ забыто,
Чья рѣчь и понынѣ поетъ
Созвучно съ напѣвомъ санскрита?

Иль мы—тотъ народъ-часовой,
Сдержавшій напоры монголовъ,
Стоявшій одинъ подъ грозой
Въ вѣка испытаній тяжелыхъ?

Иль мы—тотъ народъ, кто обрѣлъ
Двухъ сфинксовъ на отмели невской,
Кто міру титановъ привелъ,
Какъ Пушкинъ, Толстой, Достоевскій?

Да, такъ, мы—славяне! Инымъ
Донынѣ ль нашъ родъ ненавистенъ?
Легендой ли кажутся имъ
Слова историческихъ истинъ?

И что же! священный союзъ
Ты видишь, надменный германецъ?
Не съ нами ль свободный французъ,
Не съ нами ль свободный британецъ?

Не надо заносчивыхъ словъ.
Не надо хвальбы величавой.
Мы явимъ предъ ликомъ вѣковъ,
Въ чемъ наше народное право.

Не надо несбыточныхъ грезъ,
Не надо красивыхъ утопій.
Мы старый рѣшаемъ вопросъ:
Кто мы въ этой старой Европѣ?

Валерій Брюсовъ.

СЪ НАМИ БОГЪ!

Русь! Къ рубежу твоему подошелъ
Врагъ беззастѣнчивый, смѣлый, лукавый!
Въ бой ополчайся на подвигъ кровавый!
Выше взвивайся, красавецъ двуглавый,
Мощный, побѣдный, державный орелъ!

Витязей-внуковъ безстрашная рать
Помнитъ, какъ шли чудо-витязи-дѣды
Съ недругомъ биться мечомъ до побѣды
Грудью впередъ, а нагряпули бѣды—
Лечь за Царя и за Русь умирать!

Смѣло навстрѣчу военныхъ тревогъ!
Духомъ не пали мы тяжкой годиной!
Дружной семьею, что стаей орлиной,
Встанемъ за родину всѣ, какъ единый,
Русь отъ врага отстоимъ! Съ нами Богъ!

Н. Б. Хвостовъ.

О РУСЬ!

Въ голодѣ, въ холодѣ—скудная, сѣрая,
Грѣшная хмельной гульбой,
Ты ль это, крѣпкая, съ силою, съ вѣрою
Нынѣ возстала на бой?
Ты ль это грозно—волной перекатною
Бросила гнѣвную рать,
О необъятная, о непонятная,
Въ пламени яркомъ заря незакатная,
Наша великая мать!...

Ты — точно море, что бездною зыбкою
Кроетъ свои жемчуга,
Ты—точно Волга, что съ кроткой улыбкою
Нѣжитъ волной берега,
Ждешь, когда вѣтры завоютъ налетные,
Ждешь половодной весны,
Чтобы явить тогда міру—несчетные
Грозно-прекрасные сны!..

...Туча надвинулась. Нивы убогія
Скрыла великая тѣнь...

Вдругъ поднимаются гордыя, строгія,
Духомъ — высокія, силою — многія
Дѣти твоихъ деревень...
Вдругъ—безъ конца, безъ предѣла, нежданныя,
Деньги рѣкой потекли...
Гдѣ жъ они нищія, темныя, пьяныя
Дѣти убогой земли?

И всенародной страдою омытая —
Вся-то чиста да бѣла,
Мощью вѣнчанная, славой повитая,
Ты свою рать повела...
Въ сѣчѣ кровавой врага ослабѣлаго
Ты погнала предъ собой...

Ты — это ты быстролетнаго, смѣлаго
Сына любимаго—кречета бѣлаго —
Слала въ подоблачный бой...
Въ мирѣ—смиренная, въ битвѣ—отважная,
Краше завѣтной мечты,
Въ бранной порфирѣ царица сермяжная—
Русь—это ты!..

Маугли.

РУСЬ.

Мужайся, родина моя,
Великая, святая!..
Горитъ во тьмѣ заря твоя,
Горитъ, не угасая!..

Съ тобою Богъ... Съ тобою Царь...
Съ тобою правда Божья...
Не ты ли въ мірѣ, какъ алтарь,
Алтарь средь бездорожья?..

Не по тебѣ ль прошелъ Христосъ
Отъ края и до края,
Алмазы чистыхъ свѣтлыхъ слезъ
На грудь твою роняя?..

Не ты ли, мудрая, какъ змій,
И кроткая, какъ голубь,
Пробьешь во мракѣ злыхъ стихій
Таинственную прорубь?..

И брызнетъ свѣтлая струя,
Вѣщая правду Божью,
Во мракъ земного бытія,
Измученнаго ложью!..

Мужайся, Русь! Великъ твой стягъ,
Стягъ правды и свободы,
И предъ тобою дрогнетъ врагъ,
И ницъ падутъ народы...

Мужайся, родина моя,
Великая, святая!..
Горитъ во тьмѣ заря твоя,
Горитъ, не угасая!..

Евгенія Нампотниченко.

SALUTE.

Орлы Россіи, расправьте крылья!
И съ вѣрой въ Бога — скорѣй впередъ!
Пропитанъ воздухъ багровой пылью, —
Святое дѣло вдали васъ ждетъ.

Впередъ! Съ надеждой во мракъ вечерній, —
И пусть не выдастъ родного братъ,
Сплотитесь мощно, не бойтесь терній,
Слѣдитъ за вами Господень взглядъ.

Орлы Россіи, расправьте крылья!
Не бойтесь черно-багровыхъ тучъ, —
И врагъ предъ вами падетъ въ безсиліи,
И солнце правды засвѣтитъ лучъ.

Мих. Андреевъ.

У Ш Л И.

Ушли!.. Все глуше стукъ колесъ,
И красный глазъ зажмурилъ вѣки
Подъ тихій шумъ осеннихъ слезъ
Въ родной, задумчивой просѣкѣ.

Ушли... и снова та же тишь,
Стальные рельсы смотрятъ строго...
И ты одна, и все глядишь
Туда, куда легла дорога,

И крестишь, крестишь въ сотый разъ,
Съ молитвой въ чистомъ блескѣ взора,
Тотъ путь, гдѣ скрылся красный глазъ,
Куда ушли они такъ скоро...

Ив. Соколовъ.

НАШИМЪ ДѢТЯМЪ.

Дѣти, вы просите радостной сказки,
Той, что была такъ свѣтла...
Знайте, померкли волшебныя краски,
Сказка уже умерла.

Не одноглазый силачъ Верліока
И не старуха-Яга,—
Съ нами сражается, зла и жестока,
Сила германца-врага.

Дѣти, забудьте героевъ любимыхъ
Вашей волшебной страны,
Подвиги воиновъ нашихъ родимыхъ
Въ сердцѣ хранить вы должны.

Помните тѣхъ, кто безъ ужаса смерти
Съ мужествомъ встрѣтилъ врага:
Дѣти, молитесь о храбромъ Альбертѣ,
Жизнь его намъ дорога,

И сохраните въ душѣ вашей дѣтской
Память о томъ, кто въ бою
Отдалъ за Русь на чужбинѣ нѣмецкой
Юную душу свою.

Память Олега свѣтлѣй вашей сказки,
Той, что была такъ свѣтла...
Дѣти, померкли волшебныя краски,
Сказка уже умерла.

Татіана Берхманъ.

РАЗГОВОРЪ СЪ МИРОЛЮБЦЕМЪ.

(По Гомулицкому).

(Съ польскаго).

— Молитву ты оставь, склони на землю вѣжды;
На домъ твой врагъ напалъ и грабитъ въ немъ добро.

— Христосъ Самъ палачамъ раздалъ свои одежды;
Пусть грабятъ золото мое и серебро.

— Мы на врага могли бъ теперь напасть нежданно;
И утолить на немъ могли бы мести пылъ.

— Но мстить намъ запретилъ Онъ, терніемъ Вѣнчанный,
Онъ кровію своей отъ мести насъ омылъ.

— Врагъ заострилъ свой мечъ. Онъ съ тѣломъ твою душу
Загубитъ навсегда. Возьми копье и щитъ.

— Велѣнья Господа я все же не нарушу,
Молчалъ Господь, когда оплеванъ былъ и битъ!

— Весь въ пламени твой домъ, горятъ твои закромы,
И полонъ воиновъ твой тихій, мирный дворъ.

— Мой скарбъ—цвѣты души. Ни молніи, ни громы
Ихъ не разрушатъ вѣкъ и не отниметъ воръ...

— Ты слышишь стоны ли? Твой край изнемогаетъ.
На родину твою накинулись враги!
То плачетъ родина и сына призываетъ.

— Къ оружію, скорѣй! Господь, мнѣ помоги!..

И. Гриневская.

СОНЕТЪ ПЕТРОГРАДУ.

Не говори: „Что въ имени!“... Оно
Не только слуху легкая услада.
„Санктъ-Петербургъ“ забыть намъ суждено
Для милаго, родного Петрограда.

Всплылъ будто жемчугъ, брошенный на дно...
Лишь новый звукъ... но общая отрада.
Осенній лучъ свѣтлѣй глядитъ въ окно,
И ожила гранитная громада...

О, городъ скуки, сплина и чиновъ,
Какъ ты воспрялъ!.. У невскихъ береговъ
Зажгла фонарь веселая наяда...

Играютъ волны рѣзвою гурьбой.
А тамъ, вдали, кипитъ кровавый бой
За міръ... за Русь, за славу Петрограда.

А. Мейснеръ.

КАЗАКИ

ВЪ СТАНИЦѢ.

Къ запруженной рѣкѣ спускаюсь косогоромъ,
Колеса тормозитъ тяжелый чернозёмъ...
Мы пышные хлѣба на дняхъ уже свезёмъ, —
Работа начата, торопимся съ уборомъ...

Вдали безбрежна степь за лентою рѣки,
Лишь вкраплены кой-гдѣ какія-то кочевья.
Станица надъ рѣкой: фруктовыя деревья,
И бѣлые дома; и сизые дымки...

Что это? праздникъ сегодня?
Люди у каждыхъ воротъ,
Отперта церковь Господня,
Валомъ къ ней валитъ народъ...

Изъ-за садовъ переулка
Сколько сбѣжалось ребятъ...
Колоколъ тяжко и гулко
Разомъ ударилъ въ набатъ...

Около той водокачки
Что-то читается вслухъ, —
Плачутъ, я вижу, казачки,
Скачетъ казакъ во весь духъ...

Лица задумчиво строги,
Замеръ подавленный крикъ...
На поворотѣ дороги
Крестится дряхлый старикъ...

Всѣ говорятъ, что хорунжій
Громко разсказывалъ тутъ,
Будто бы съ Терека, съ Сунжи
Наши полки ужъ идутъ...

Сборъ объявили сегодня, —
Къ вечеру выступитъ полкъ...
Отперта церковь Господня,
Благовѣстъ грянулъ... и смолкъ.

Онъ замеръ, отлетѣлъ куда-то въ даль безъ грани,
Чтобъ тамъ откликнуться въ тиши другихъ станицъ
И вмѣстѣ всѣхъ сплотить, зовя на поле брани
Предъ волей Господа смиренно павшихъ ницъ...

О, мощная земля!.. мы даже этимъ сборомъ
Всѣхъ гордыхъ силъ твоихъ не вырвемъ, не свезёмъ...
Глубоко онъ залёгъ — твой южный черноземъ,
И сѣверъ твой дремучъ своимъ извѣчнымъ боромъ...

В. Опочининъ.

НОЧЛЕГЪ КАЗАКОВЪ.

I.

Послѣ шумнаго набѣга,
У спокойныхъ водъ рѣки,
Выбравъ мѣсто для ночлега,
Стали станомъ казаки.
Спутавъ крѣпко, въ лугъ пустили
Утомившихся коней
И окрестность освѣтили
Яркимъ заревомъ огней.
И подъ небомъ необъятнымъ
На равнинѣ луговой
Мирно отдыхомъ пріятнымъ
День вѣнчаютъ трудовой.
Надъ огнемъ варится ужинъ.
Дремлетъ призрачный просторъ.
Про дѣла дневныя друженъ
У казаковъ разговоръ.
Дышатъ рѣчи ихъ отвагой
При разсказахъ, какъ они
Разудалою ватагой
На враговъ неслись одни;

Какъ съ ордой рубились цѣлой,
Быстрымъ вихремъ налетѣвъ,
Наводя атакой смѣлой
На врага и страхъ и гнѣвъ.
И печально въ чувствѣ новомъ,
Въ рѣчи дружеской своей
Поминаютъ добрымъ словомъ
Павшихъ съ славою друзей...
Чу! вотъ пѣсню запѣваютъ
Молодые голоса;
Пѣснѣ льющейся внимаютъ
И просторъ и небеса.
И звучитъ въ той пѣснѣ вольной
Далеко для всѣхъ сторонъ
Слава родинѣ раздольной,
Гдѣ течетъ широкій Донъ.

II.

Стихло все въ казачьемъ станѣ,
Вкругъ костры потушены,
Безмятежно спятъ въ туманѣ
Дона славные сыны.
Отъ труда почила сила,
И надъ ней со всѣхъ сторонъ
Ночь свой пологъ распустила,
Бережетъ казачій сонъ.
Лишь одинъ подъ кровомъ ночи
Бодръ и чутокъ часовой,
Вдаль свои вперивши очи,
Озираетъ мракъ ночной.

Неподвижна и угрюма
Спитъ равнина широка,
И идетъ за думой дума
Въ головѣ у казака.
Въ сторонѣ волною мѣрной
Блещетъ рѣчка, какъ алмазъ,
И небесъ просторъ безмѣрный
Смотритъ тысячами глазъ.
Будто эти звѣзды-очи
И поля и небосклонъ
Берегутъ въ молчаньи ночи
Удальцовъ желанный сонъ.

С. Толстовъ.

КАЗАЧЬЯ ПѢСНЯ.

Изъ-подъ кочекъ, изъ-подъ пней
Лѣзетъ врагъ оравой!
Гей, казаки, на коней
И айда за славой!
Мать, не хмурь сѣдую бровь,
Провожая сына;
Ты не плачь, моя любовь,
Зоренька-дивчина!
Ты судьбинѣ не перечь,
Не кручинься слезно;
Всѣмъ придется въ землю лечь
Рано или поздно.
Помни—срока своего
Смерть не проворонитъ!
А кому не срокъ—того
И въ бою не тронетъ!
На враговъ, чертямъ на зло,
Налетимъ мы бурей!
Это наше ремесло
Цѣловаться съ пулей!

Гей, зудитъ моя рука,
Будетъ съ нѣмцемъ рубка!
Помолись за казака,
Бѣлая голубка!
Таетъ, таетъ сизый дымъ...
Ты прощай, станица,
Мы тебя не посрамимъ,
Будемъ лихо биться!
Отшвырнемъ съ родной земли
Нѣмцевъ въ ихъ берлогу,
Даже, если бъ имъ пришли
Черти на подмогу!
Пусть придутъ... Среди гостей
Больше будетъ крику,
Потому что... и чертей
Мы возьмемъ на пику!
Гей, зудитъ моя рука,
Будетъ съ нѣмцемъ рубка!
Помолись за казака,
Бѣлая голубка!

Н. Агнивцевъ.

СТОРОЖЕВОЙ ПИКЕТЪ.

Спустилась ночь, луна сіяла,
Кругомъ міръ Божій мирно спалъ,
На небѣ звѣздъ семья блистала,
И ангелъ смерти пролеталъ.
Подъ луннымъ свѣтомъ на полянѣ
Стоялъ пикетъ сторожевой,
Онъ вспоминалъ о вражьемъ станѣ,
О томъ, какъ шелъ вчерашній бой,
Какъ вдругъ нежданно изъ засады
Онъ на враговъ своихъ напалъ,
Какъ истреблялъ всѣхъ безъ пощады,
Кто на пути его стоялъ.
Чу! шорохъ, вотъ мелькнула пика,
Невнятный слышенъ разговоръ,
Безшумно, тихо и безъ крика
Шелъ казаковъ ночной дозоръ.
„Пароль!“ Но нѣтъ врагу отвѣта,
Идетъ впередъ дозоръ ночной,
Блеснулъ огонь — и нѣтъ пикета,
Что вспоминалъ вчерашній бой.
Луна попрежнему сіяла,
Семьею звѣздной сводъ блисталъ,
А груда тѣлъ уже лежала
На мѣстѣ, гдѣ пикетъ стоялъ...

Тихобережскій.

ГОЛОСЪ ДОНА.

Посвящаю первому георгіевскому кавалеру донскому казаку Козьмѣ Крючкову.

I.

Утромъ рано — только тучку
Подрумянилъ свѣтъ —
Вѣстовой привезъ летучку,
Боевой пакетъ.
Вызывали атамана
На станичный сходъ,
Табунами изъ тумана
Повалилъ народъ.
Выходили изъ станицы
На зеленый лугъ,
У студеной у криницы
Становились въ кругъ.
— Поздравляю васъ съ походомъ! —
Гаркнулъ атаманъ.
Всколыхнулся надъ народомъ
Голубой туманъ,
И, какъ пыль отъ урагана,
Какъ степной огонь,
Отъ кургана до кургана
Понеслось: „На-кòнь!“

Загудѣла вся станица,
Ахнули въ набатъ,
Сторонится вереница
Молодыхъ ребятъ,
Тутъ и гики, тутъ и крики,
Гомонъ до небесъ,
Тутъ и шашки, тутъ и пики —
Ровно темный лѣсъ;
Тотъ беретъ на изготовку,
Цѣлится шутя,
Тотъ казенную винтовку
Гладитъ, какъ дитя...
Только старый дѣдъ Данило,
Шипкинскій герой,
Смотритъ строго и уныло
На казачій строй
И ворчитъ, кусая трубку
И глотая дымъ:
— „Эхъ, пропишутъ нонче лупку
Нашимъ молодымъ.
Раньше — дѣло было въ силѣ
Да цѣнили пылъ,
Только тѣ и выносили,
Кто при силѣ былъ;
Коли биться — тѣло въ тѣло,
У ноги — нога,
Не казачье это дѣло —
Не видать врага;
А теперь — умомъ да толкомъ,
Порохъ да свинецъ,
Ковырнетъ тебя осколкомъ —
И погибъ донецъ!

Миновали наши лавы
Со щетиной пикъ,
Не несетъ намъ больше славы
Нашъ казачій гикъ;
Басурмана, какъ овечку,
Не сшибешь съ плеча...“
И старикъ полѣзъ на печку,
Сумрачно ворча.

. . . . . .

Свечерѣло. Словно ладонь,
Плаваетъ туманъ.
Мокрымъ глазомъ глянулъ на Донъ
Старый атаманъ,
У околицы станицы
Придержалъ коня,
Сунулъ пригоршню землицы
За бортъ чекменя
И, тряхнувши головою
На честной народъ,
Золотою булавою
Указалъ впередъ...
Огласили бабьи крики
Дальніе концы,
Закачались плавно пики
И — ушли донцы...

II.

По-надъ яромъ, по-надъ Дономъ
Не видать ни зги;
Тихо шепчутъ по затонамъ
Заросли куги.

Спитъ казацкая станица
Грустно, какъ вдова.
Гдѣ-то мечется зарница,
Да кричитъ сова.
Землю тучей осѣнило, —
Не-на-что глядѣть...
Вышелъ старый дѣдъ Данило
Къ Дону посидѣть.
Что-то ноетъ поясница,
Да мутитъ въ груди,
А уснешь, — такое снится,
Что не приведи...
Сѣлъ Данило надъ водою
На корявый пень,
Спуталъ руки бородою
И застылъ, какъ тѣнь...
Тихо лижутъ берегъ воды,
Ходятъ безъ слѣда.
И припомнилъ, старый, годы
Браннаго труда:
Какъ ходилъ въ чужія страны
Изъ родимыхъ мѣстъ
Добывать на тѣло раны,
На рубаху крестъ.
Видитъ, старый, чьи-то муки,
Боевой угаръ
И протянутыя руки
Стонущихъ болгаръ.
А теперь — опять граница
Окунулась въ кровь,
И родимая станица
Опустѣла вновь:

Какъ и прежде — ратью бравой,
Заметая слѣдъ,
Казаки пошли за славой...
А Данило — нѣтъ.
Не даютъ ему дороги —
Древнія лѣта:
Слабоваты стали ноги
И рука не та...
Гдѣ ему за казаками?
Что ему война?
И развелъ старикъ руками:
— Вотъ тебѣ и на!

. . . . . .

Вѣтеръ чубъ сѣдой колышетъ
У закрытыхъ глазъ...
Вдругъ Данило ясно слышитъ
Чей-то властный гласъ:
— „Эхъ, Данило! Грѣхъ мараться!
Не бѣда, не трусь:
Коли нѣту силы драться,
Такъ умри за Русь!“
Полыхнуло въ небо пламя
Гдѣ-то у куги,
Развернулось въ небѣ знамя,
И — опять ни зги...
Только гдѣ-то у затона
Колыхнулась зыбь,
Да тоскливо возлѣ Дона
Простонала выпь...
Всталъ старикъ тогда съ колоды,
Шапку набекрень,
Поглядѣлъ туда, гдѣ воды,

И пошелъ въ курень.
— „Ну-ка, мать! Разставь-ка плечи!
Разомни персты!
Доставай-ка пику съ печи
Да давай кресты!
Ну-ка, внукъ! Иди со свѣчкой!
Живо у меня!
Выноси сѣдло съ насѣчкой
Да сѣдлай коня!
Молодайка! Гдѣ нагайка?
Киверъ не забудь!
Да вина мнѣ мѣру дай-ка
На великій путь!“
Вытеръ губы атаманецъ
Сивой бородой,
Щеку выкрасилъ румянецъ,
Вьется усъ сѣдой,
Киверъ валится на темя,
Сталь звенитъ въ чехлѣ...
Шевельнулъ ногою стремя
И пропалъ во мглѣ...

. . . . . .

Туча небо затемнила.
Спи, старуха! Спи!
Матерой казакъ Данило
Далеко въ степи.

Владиміръ Воиновъ.

ГЕРОИ

ПАМЯТИ КНЯЗЯ ОЛЕГА КОНСТАНТИНОВИЧА.

Поэзія его любовью окружила,
Сознанье русское въ душѣ его зажгла
И въ руку юную на бой съ драконом̀ъ зла
Архистратига мечъ восторженно вложила.

Съ призывомъ родины — въ ней вдохновенья сила—
Сраженій не страшна таинственная мгла,
Младого витязя судьба туда вела,
Гдѣ доблесть русская былины воскресила.

Онъ побѣдилъ и палъ. Надъ свѣжею землей
День сѣвера ронялъ печально хлопья снѣга.
Надъ гробомъ хмурился товарищъ боевой.

Спи, витязь! Надъ тобой священный щитъ Олега.
Да будетъ благостенъ безвременный твой сонъ
Мечтой народною, красою всѣхъ временъ!

Вл. Жуковскій.

ГЕРОЯМЪ.

Подъ волнами бурной стихіи,
Въ равнинахъ враждебной страны
За славу великой Россіи
Погибли вы, жертвы войны.

Васъ смерть безпощадно косила,
Сметала, врываясь, шрапнель;
Вы шли, и предъ вами свѣтила
Въ дыму лучезарная цѣль.

Сквозь залпы, сквозь адское пламя,
Въ туманѣ кровавой дали,
Вамъ вѣяло гордое знамя
Великихъ народовъ земли.

Въ кровавомъ струящемся потѣ,
Но съ ясной надеждой въ груди
Вы знали, за что вы идете,
Вы знали, что ждетъ впереди.

Вы пали у пушекъ „Паллады“,
Въ дремучихъ Карпатскихъ лѣсахъ.
Герои не ждали награды, —
Награда ихъ ждетъ въ небесахъ.

Вашъ даръ драгоцѣненъ отчизнѣ.
И вѣрьте — изъ вашей крови
Мы встанемъ къ торжественной жизни —
Свободы, добра и любви.

В. Рутковскій.

РАДКО-ДМИТРІЕВУ.

Великая сердцу отрада:
Недавно къ намъ вѣсти дошли,
Что съ нами герой Лозенграда
Изъ дальней болгарской земли.
Блестящій на полѣ сраженья,
Онъ помнитъ славянскій завѣтъ,
Не знаетъ онъ въ сердцѣ сомнѣнья,
Въ душѣ колебанія нѣтъ.
Расправя орлиныя крылья,
За братьевъ онъ ринулся въ бой,
Нашъ вождь и отважный, и сильный,
Любимый славянскій герой.
Врагу приведется не сладко,
Пришла подсчитаться пора.
Да здравствуетъ Дмитріевъ-Радко!
Вождю-славянину ура!

Н. К. Савенко-Новоспасская.

МИРЪ ПАВШИМЪ.

Луна всходила надъ полемъ битвы,
Туманы никли къ сырой землѣ,
И Ангелъ Смерти творилъ молитвы,
И плакалъ кто-то въ осенней мглѣ.

Въ траншеяхъ трупы лежали всюду,
Вдали, темнѣя, молчалъ курганъ,
И поле труповъ и мертвыхъ груду
Окуталъ тихо ночной туманъ...

— Миръ павшимъ въ битвѣ!—шептали травы...
Звучалъ невнятно далекій звонъ...
— Миръ павшимъ людямъ—героямъ славы!..
Пошли, Спаситель, имъ тихій сонъ!..

Кругомъ безмолвно ложились тѣни.
Блѣднѣли трупы родныхъ солдатъ.
И Ангелъ тихо, склонивъ колѣни,
Ласкалъ ихъ лица, какъ нѣжный братъ...

На влажныхъ травахъ лучи сверкали.
Роса роняла алмазовъ пыль.
Кругомъ молились ночныя дали,
И плакалъ нѣжно сухой ковыль...

— Миръ павшимъ братьямъ... Васъ много пало!..
И Ангелъ тихо ронялъ слезу.
Молитвѣ небо вверху внимало,
Безъ словъ молилась земля внизу...

Вл. Краковецкій.

«ВЪ БОЮ».

(Посвящается памяти А. А. Лауница).

Онъ мимо насъ прошелъ, спокойно улыбаясь,
Съ сіяющимъ лицомъ, веселый, молодой,
Привѣтливо рукой махнулъ намъ, удаляясь,
И крикнулъ: „Вотъ и я иду на этотъ бой!“
Солдаты шли, крестясь, спѣша и догоняя,
Пригорокъ ихъ намъ скрылъ... Шелъ сильный бой кругомъ,
Шрапнели сыпались, свистя и завывая,
И яркій день горѣлъ въ сіяньи золотомъ!
Вернулся онъ чрезъ часъ иль два, не болѣ...
Качаясь, тихо къ намъ носилки поднесли,
Поставили у дома ихъ на полѣ,
И странно-грустные, смущенно отошли.
— Что? раненъ? — Кто?... съ невольною тревогой
Спросилъ одинъ изъ насъ...
Шинелью весь закрытъ,
Недвижно онъ лежалъ въ какой-то позѣ строгой,
И кто-то отвѣчалъ: „Поручикъ нашъ... убитъ!“
И, странно, на глазахъ спокойнаго солдата
Явилась горькая блестящая слеза...

Приподняли шинель... и горькая утрата
Невольно странностью смутила намъ глаза.
— Какъ! Онъ? Что здѣсь прошелъ такой веселый, милый,
Въ комъ била жизнь ключомъ еще вотъ здѣсь, сейчасъ,
Онъ взятъ теперь безжалостной могилой?
— Не можетъ быть, чтобъ онъ ушелъ отъ насъ!
И слезы шли въ глаза...
А онъ лежалъ спокойно,
Съ улыбкой тихою и кроткой на устахъ.
Перекрестились мы...
Вдали къ окопамъ стройно
Перебѣгалъ нашъ полкъ, среди огня, въ цѣпяхъ.
И, съ нимъ сплотясь, пошли мы къ общей цѣли.
Мгновенье грусти было и прошло.
Мы двинулись впередъ... Кругомъ рвались шрапнели,
А солнце въ небесахъ горѣло такъ свѣтло.

Князъ Ѳедоръ Касаткинъ-Ростовскій.

ПАМЯТИ НЕСТЕРОВА.

Есть высшій смыслъ въ освобожденьи
Отъ предрѣшеннаго конца
И въ этомъ жертвенномъ паденьи
На смерть вспарившаго бойца.

Пусть, поломавъ стальныя крылья,
Погибли оба летуна, —
Надъ вѣщимъ прахомъ ихъ безсилья
Живая истина ясна.

У одного былъ ястребиный,
Жестокій, медленный расчетъ,
А у другого лебединый,
Свѣтло-восторженный полетъ.

И если смерть ихъ поравняла,
То не сравняетъ ихъ поэтъ:
У пѣсни вѣчное начало
И для поэта смерти нѣтъ.

Все такъ же царственно спокоенъ
Просторъ безмѣрно голубой,
Крылатый былъ его достоинъ
И увѣнчалъ своей судьбой.

А. Рославлевъ.

ПѢСНЬ О НЕСТЕРОВѢ.

Въ безбрежности неба, въ безкрайности ясной пустыни
Сражались лишь птицы и гибли лишь птицы донынѣ.
Такъ птицѣ подобный, полетъ свой направивъ могучій,
Унесся пилотъ легкокрылый за темныя тучи.
А тамъ, на землѣ, колыхаясь, знамена шумѣли,
И лязгали сабли, и пушки зловѣще гремѣли.
И пламенно богу войны посылалъ онъ молитвы;
И очи горѣли и звали и жаждали битвы...
Величіе духа въ равнинѣ обманчиво-зыбкой,
Презрѣніе смерти подъ свѣтлою солнца улыбкой...
Мольбы не напрасны. Велѣнію рока послушный,
Противникъ ужъ рѣетъ кругами въ стихіи воздушной.
И дрогнуло сердце. Рука, какъ пружина стальная,
На руль налегла. Встрепенулась машина живая...
Чти, родина, память героя! Рѣшенье созрѣло.
Мгновенье—и врѣзался дерзко онъ въ хрупкое тѣло.
Пощады не знаетъ стихія. Побѣда наградой...
И пали противники грузной и страшной громадой...
Въ безбрежности неба, въ безкрайности ясной пустыни
Лишь птицы сражались и гибли лишь птицы донынѣ.

Вл. Черевковъ.

НА СМЕРТЬ ЛЕТЧИКА.

Предо мною образъ павшаго героя,
Не могу я думать ни о чемъ другомъ...
Онъ поднялся въ небо, въ небо голубое
Мощнымъ, смѣлымъ, гордымъ, пламеннымъ орломъ.

Онъ увидѣлъ: тѣнью черной, хищной птицы
Цеппелинъ германцевъ надъ родной землей.
Вспыхнули отвагой зоркія зѣницы...
Онъ взметнулся легкой, грозною стрѣлой.

И не стало въ небѣ чёрной, хищной тѣни...
Не вернулся больше къ родинѣ герой.
Хочется невольно преклонить колѣни
Предъ какой-то грустной, трепетной мечтой.

Г. Галина.

БѢЛАЯ ОДЕЖДА.

Въ ночь скорбей три дѣвы трехъ народовъ
До разсвѣта не смыкали вѣжды:
Для свопхъ, для павшихъ въ ратномъ полѣ
Шили дѣвы бѣлыя одежды.

Первая со злобой ликовала:
„Та одежда плѣннымъ пригодится,
Шью ее отравленной иглою,
Чтобы пхъ страданьемъ насладиться!“
А вторая дѣва говорила:
„Для тебя я шью, о мой любимый!
Пусть весь міръ погибнетъ лютой смертью,
Только бъ ты былъ Господомъ хранимый!“

И шептала тихо третья дѣва:
„Шью для всѣхъ, будь другъ онъ или ворогъ,
Если кто, страдая, умираетъ,
Не равно ль онъ жалокъ намъ и дорогъ!..“
Умилилась въ небѣ Матерь Божья,
Тѣ слова предъ Сыномъ повторила,
Третьей дѣвы бѣлую одежду
На Христовы раны положила.

„Радуйся, воистину Воскресшій!
Скорбь Твоихъ страданій утолится, —
Нынѣ сшита кроткими руками
Чистая Христова плащаница“.

Н. Тэффи.

МАТЬ

ПОСЛѢДНЕЕ ПРОЩАНЬЕ МАТЕРИ.

Мой сынъ, прости за эти слезы!
Прости, что плачу я теперь!
Вѣдь плачутъ о вѣтвяхъ березы,
О дѣтяхъ плачетъ всякій звѣрь.

И какъ не плакать мнѣ, мой милый!
И какъ не плакать, не рыдать?
Гдѣ взять мнѣ твердость, гдѣ взять силы?
Вѣдь я... пойми, мой сынъ... я мать!

Мы все отдать должны отчизнѣ
Движеньемъ собственной руки,
И даже то, что краше жизни,
Хоть рвется сердце на куски.

Я отдаю тебя, я тоже...
Ступай съ врагомъ въ смертельный бой...
Ступай!.. ты жизни мнѣ дороже!
Ступай, прощай, Господь съ тобой.

И. Гриневская.

МАТЬ.

Сходитъ ночи тѣнь...
Я не знаю сна...
У дверей весь день
Провожу — одна...
Злая грусть одна
Сердце жжетъ огнемъ —
Вспоминаю я
Все о немъ... о немъ!
Здѣсь послѣдній разъ,
У родныхъ дверей,
Капли жаркихъ слезъ
Онъ отеръ скорѣй...
Оторвалъ уста
Отъ родныхъ сѣдинъ...
Жизнь блѣдна, пуста
Безъ тебя, мой сынъ!
Ты умчался вдаль
На кровавый бой,—
Но моя печаль
И мольба — съ тобой!
Не могу съ тѣхъ поръ
Отдохнуть - заснуть...

Мой печальный взоръ
Видитъ дальній путь...
Видитъ громъ и кровь
Средь чужихъ равнинъ, —
Но моя любовь —
На тебѣ, мой сынъ!
И незримый щитъ
Материнскихъ слезъ, —
Онъ тебя хранитъ
Отъ кровавыхъ грозъ...
И тебя обнять
Ждетъ скорѣй, скорѣй —
Ждетъ старушка-мать
У родныхъ дверей, —
Гдѣ, крестя на бой,
Злую скорбь тая,
Зарыдавъ, — съ тобой
Попрощалась я!..

В. Вадимова.

* * *

Я четыре сына въ мукахъ родила,—
Выросли четыре горные орла.
Какъ пожаръ нежданный, вспыхнула война,
Напоила кровью землю допьяна.
И ушли два старшихъ со своимъ полкомъ.
Плакала я горше съ каждымъ новымъ днемъ.
Плакала, молилась. Вѣсти тутъ пришли:
Оба старшихъ сына въ полѣ полегли.
Третій проситъ-молитъ: „Отпусти меня,
„Хочется погрѣться въ сѣчѣ средь огня,
„Гдѣ кружатся пули — майскіе жуки,
„Какъ ежи щетинясь, высятся штыки...“
Какъ и два другіе, не вернулся онъ,—
Ночью я слыхала похоронный звонъ...
Поутру сегодня я въ окошко глядь,—
Младшій мой собрался, видно, воевать.
Вижу, чиститъ сбрую, ладитъ онъ коня,
И несмѣло молвитъ: „Отпусти меня!
„Отпусти, родная, я-то ворочусь;
„Постоять охота за святую Русь.
„Вѣрь, въ кровавой битвѣ спуску я не дамъ.
„Эхъ, ужъ справлю тризну по своимъ братьямъ!

Наталія Грушко.

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ.

И повѣдала Оринушка
Мнѣ печаль свою великую.

Н. А. Некрасовъ.

Тамъ и тамъ — могилы братскія,
Тамъ и тамъ — печали жгучія!
Вновь Орина, мать солдатская,
Слезы льетъ свои горючія.
Черной ночкой, непривѣтною
Смотрятъ будни деревенскіе,
И печалью безпросвѣтною
Истомились души женскія.
Съ поля жаркаго сраженія
Не приходитъ вѣсть желанная.
Что ей рѣчи утѣшенія —
Если въ сердцѣ мгла туманная?
Злыя думушки — расходятся,
Не уймутся, окаянныя!
Гдѣ-то, гдѣ теперь находятся
Наши соколы желанные?
Прежней лаской не согрѣтые,
Гдѣ кормильцы тратятъ силушки?

Можетъ, даже не отпѣтые
Спятъ они на днѣ могилушки?
И предчувствія тяжелыя
Давятъ грудь безъ сожалѣнія,
Сны проходятъ невеселые
Про кипучія сраженія.
Вотъ — лежитъ сынокъ въ полянушкѣ,
Пораскинувъ руки въ стороны,
Русокудрому Иванушкѣ
Очи выклевали вороны.
Надъ сынкомъ шумитъ-качается
Пожелтѣвшая рябинушка.
И средь почи просыпается
Неутѣшная Оринушка.
Снова бѣдной представляется
Голосъ Вани... Поступь смѣлая...
Отъ рыданій колыхается
На груди рубашка бѣлая...
Тамъ, гдѣ въ сердцѣ боль всечасная,—
Сонъ не служитъ обороною...
И рыдаетъ мать несчастная
До утра передъ иконою.
Умъ, печалью затуманенный,
За соломинку цѣпляется:
Можетъ, живъ Ванюша раненый,
Можетъ даже — поправляется?
Можетъ, выйдя изъ сраженія,
Спитъ сыночекъ отъ усталости?
Развѣ бѣднымъ нѣтъ спасенія?
Развѣ нѣтъ у Бога жалости?
Я ль предъ Господомъ преступница
За печаль свою постылую?

Охрани его, Заступница,
Защити Своею силою!
Вѣдь въ любой *извѣстна* мѣстности
Тяжесть горя исполинскаго! —
Хуже горькой неизвѣстности
Нѣтъ для сердца материнскаго!
Сила таетъ, словно свѣченька,
Льется пѣсня похоронная...

. . . . . .

Мало словъ, а горя рѣченька,
Горя рѣченька бездонная!

Ал. Дрождининъ.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Что спою, дитя, тебѣ,
Сидя у кроватки?
Цѣлый міръ теперь въ борьбѣ,
Міръ весь въ грозной схваткѣ.
Ты растешь въ суровый часъ,
Въ часъ грозы кровавой...
Врагъ надвинулся на насъ
Злобный и лукавый.
Нѣтъ! не пѣснь „баю-баю“
Спѣть хочу младенцу...
Встань! за родину свою
Встань навстрѣчу нѣмцу!

* * *

Сокрушить насъ наглый швабъ
Мысль въ душѣ лелѣетъ...
Погибаетъ тотъ, кто слабъ, —
Мощный одолѣетъ!
Закружился старъ и малъ
Въ страшномъ ураганѣ...

Тотъ проснулся, кто дремалъ, —
Опъ на полѣ брани!
Стану ль пѣснь „баю-баю“
Пѣть теперь младенцу?..
Встань! за родину свою
Встань навстрѣчу Нѣмцу!

* * *

Крошка ты, — но что до лѣтъ?
Тѣхъ съ тобой мы встрѣтимъ,
У кого пощады нѣтъ
Женщинамъ и дѣтямъ.
Тамъ, гдѣ, злобою горя,
Рыщетъ швабовъ стая,
Тамъ мы крови льемъ моря, —
Это кровь святая!
Нѣтъ! не пѣснь „баю-баю“
Я спою младенцу...
Встань! за родину свою
Встань навстрѣчу Нѣмцу.

Бенедиктъ.

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ

СЕСТРА.

Незнакомая, чужая,
У походнаго одра
Всѣмъ близка ты, всѣмъ родная,
Милосердія сестра.
Изъ столичной ли ты знати,
Или родъ безвѣстенъ твой,—
Ты къ больной, родимой рати
Входишь ласковой сестрой.
Гдѣ отъ вражьяго порѣза
Кровь струилася ручьемъ,
Гдѣ входило въ грудь желѣзо,
Ты стоишь съ своимъ крестомъ.
Свѣта блескъ, веселья звуки
Ты сумѣла позабыть
И изнѣженныя руки
Въ раны тяжкія вложить.
Породила васъ невзгода,—
И богатыхъ, и простыхъ,

Всѣ вы—дочери народа,
Всѣ вы—сестры для своихъ...
Эти раны—ваши раны,
Эта кровь—и ваша кровь.
На одинъ вы подвигъ званы,
И у всѣхъ одна любовь.
Отъ жестокаго сосѣда
Мать-Россію отобьемъ,
Будетъ русская побѣда
И съ желѣзомъ, и съ крестомъ.
Незнакомая, чужая,
У походнаго одра,
Всѣмъ близка ты, всѣмъ родная,
Милосердія сестра.

П. Вильде.

СЕСТРА.

Ты ушла свѣтло и смѣло
Отъ родимыхъ мѣстъ.
На твоей одеждѣ бѣлой
Рдѣетъ красный крестъ.
Подъ монашеской косынкой
Строгъ лучистый взоръ.
Не тебя ли „Нѣжной Инкой“
Звали до сихъ поръ?
Ты всегда любила, Ина,
Тонкій ядъ духовъ,
Томный рокотъ піанино,
Мѣрный ладъ стиховъ.
И нѣжна всегда была ты,
И мечтала вслухъ...
Какъ же ты сковала въ латы
Свой дѣвичій духъ?
И зачѣмъ убрала гладко
Золото кудрей?
И откуда эта складка
У густыхъ бровей?
И откуда рѣчи эти,
Сродныя бойцу?

Развѣ ты готова встрѣтить
Смерть лицомъ къ лицу?
Слышишь, ласковая Ина,
Сильная въ борьбѣ:
Стонетъ бранная равнина
И зоветъ къ себѣ.
Тамъ, гдѣ сизый дымъ простерла
Грозная война,
Плещутъ воющія жерла
Дождь изъ чугуна;
Груды тѣлъ вѣнчаетъ Слава,
Кровью Смерть пьяна...
Ты спокойна, величава,—
Ты сильна, сильна!
Ты къ бойцамъ на поле брани
Сходишь съ высоты
Приложить къ смертельной ранѣ
Хрупкіе персты.
Ты безъ сна у шаткихъ коекъ
Бродишь до утра,—
Всѣмъ, кто воинъ, всѣмъ, кто стоекъ,
Добрая сестра.
Что въ послѣдній мигъ шептала,
Какъ смотрѣла ты,—
Если смерть бойцу предстала
Въ образѣ мечты?
Смѣлымъ символомъ надежды
Пусть горятъ окрестъ
Бѣлый цвѣтъ твоей одежды
И багряный крестъ.

Дм. Цензоръ.

О—ГА А—НА.

„Называйте *сестрой*, не высочествомъ!“
И за ватой ушла, за бинтомъ...
Сынъ войны, не страдай одиночествомъ:
Тотъ, кто возлѣ нея, — подъ щитомъ.

Въ каждомъ словѣ ея — утѣшеніе,
Въ каждомъ взглядѣ — не тѣнь ли Христа!?
Взоръ — печалей людскихъ угашеніе,
А улыбка, какъ небо, чиста.

Та рука, что углями и красками
Жизнь умѣла кидать на холсты,
День и ночь занята перевязками
Вдалекѣ отъ мірской пустоты.

Лазаретъ... Но два міра въ немъ сближены
Въ вихрѣ бранныхъ, воинственныхъ дней...
Мудрено, если жертва отъ хижины,
Но любовь отъ палатъ мудренѣй.

А. Мейснеръ.

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ.

И каждый день въ косынкѣ бѣлой
Она приходитъ въ лазаретъ,
Чтобы стереть рукой умѣлой
Горючей крови яркій слѣдъ.
И всѣ такъ ждутъ ея улыбки,
Ея движенья, нѣжныхъ словъ,
И знаютъ, знаютъ безъ ошибки
Чуть слышный звукъ ея шаговъ.
Нальетъ изъ крашеной бутылки
И молвитъ тихо:—„Не робѣй!“
А тамъ ужъ новыя носилки
Стоятъ угрюмо у дверей.
Вчера ихъ лица были грубы,
Сурова каждая черта,
А нынче, обнажая зубы,
Улыбка сходитъ на уста.
И всѣмъ отвѣтитъ. И проходитъ
Среди раздавленныхъ войной.
И каждый въ ней свое находитъ,—
Забытый образъ дорогой.

И мнится, изъ деревни дальней
Къ нему пришла родная мать,
Чтобы безмолвно и печально
Его глаза поцѣловать.
И, позабывъ о жгучей боли,
Онъ засыпаетъ тихимъ сномъ.
Онъ засыпаетъ. Снится поле,
Рѣка, деревня, отчій домъ.
Она не спитъ. Другихъ разспроситъ,
Утѣшитъ боль глухихъ скорбей...
А тамъ еще, еще приносятъ
И ждутъ угрюмо у дверей.

А. Воинъ.

АНГЛІЯ

ПѢСНЬ БРИТАНЦА.

Насъ не сломитъ нужда,
Не согнетъ насъ бѣда,
Рокъ капризный не властенъ надъ нами!
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Англичане не будутъ рабами!

Въ нашемъ славномъ краю
Чтутъ свободу мою,
Домъ мой—крѣпость, законы—кольчуга!
За отчизну мою
Кровь до капли пролью.
Оторвусь и отъ книгъ и отъ плуга!

Пусть тевтоновъ орда
Снаряжаетъ суда
Въ тщетной жаждѣ царитъ надъ морями,—
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Имъ не быть въ нашемъ царствѣ царями!

Славенъ Англіи родъ,
Живъ британскій народъ:
Старъ и малъ, всѣ идутъ подъ знамена!
Гей! враги у воротъ!
Англичане, впередъ!
Отбивайте атаки тевтона!

Врагъ силенъ? Не бѣда!
Пропадетъ безъ слѣда,
Коль желаетъ господства надъ нами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Англичане не будутъ рабами!

Коль не хватитъ солдатъ,
Старики станутъ въ рядъ,
Будутъ дѣти и жены бороться!
Адвокатъ и прелатъ,
И бѣднякъ, и магнатъ —
Всѣ, въ комъ сердце британское бьется!

Насъ не сломитъ бѣда,
Не осилитъ орда,
Только Богъ Всемогущій надъ нами!
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Англичане не будутъ рабами!

Василій Князевъ.

ШОТЛАНДСКАЯ ПѢСНЯ.

Пѣсня, сложенная шотландскими полками, сражающимися на франко-бельгійскомъ театрѣ войны.

(Переводъ съ англійскаго).

Пляши, коли пляшешь, Вилли,
Пляши впередъ и вспять,
Зови танцоровъ, Вилли,
Мы не устанемъ играть.
Смотри, поклонись Парижу,
Смотри, не забудь Лувенъ,
Окружившись въ Рижскомъ заливѣ,
Вернись на Марну и Энъ.
А только ужъ будто просто
Плясать безъ перемѣнъ?
Пляши, коли пляшешь, Вилли,
Пляши впередъ и вспять,
Зови танцоровъ, Вилли,
Мы не устанемъ играть.
Что? Распустить музыкантовъ?
Э, нѣтъ, еще не конецъ!

Пляши ужъ, разъ пляшешь, Вилли,
Пляши, несчастный глупецъ!
Пляши до одури, Вилли,
Опять, и опять, и опять, —
Пока мертвымъ не грохнешься на-земь...
Мы не устанемъ играть!

А. Д'Актиль.

БЕЛЬГІЯ

БРАБАНСОНА.

Мишули рабства годы злые!
Народъ, возставшій изъ могилъ, —
Ты добылъ вновь права былыя,
Ты честь отчизнѣ возвратилъ!

Бельгіецъ вновь привольно дышитъ
И, къ жизни гордой воскрешенъ,
На старомъ знамени онъ пишетъ:
Король, свобода и законъ!

Переводъ *В. К.*

БЕЛЬГІЙСКІЙ НАЦІОНАЛЬНЫЙ ГИМНЪ.

Оковы рабства вѣкового
Стряхнула Бельгія, какъ мракъ,
Завоевавъ отвагой снова
Свои права и честь, и стягъ.
Рукою гордой и державной
Народъ, отвергшій зло препонъ,
Внесетъ въ скрижаль отчизны славной:
Король, свобода и законъ!

Иди рѣшительной стопою
Къ успѣхамъ доблестнымъ впередъ,
Богъ неусыпно за тобою
Слѣдитъ, исполненный щедротъ.
Трудись: пусть трудъ обогащаетъ
Твои обиліемъ поля
И ореолъ искусствъ вѣнчаетъ
Законъ, свободу, короля!

Всѣхъ старыхъ братьевъ сблизимъ съ нами,
Съ кѣмъ были мы разлучены.
Батавы, Бельги, ставъ друзьями,
Не жаждутъ болѣе войны.

Пусть узы братства насъ скрѣпляютъ,
Какъ миръ согласіемъ скрѣпленъ,
И тотъ же кликъ объединяетъ:
Король, свобода и законъ!

О, Бельгія, мать дорогая,
Ты намъ близка, ты будешь жить!
Мы, кровь и сердце отдавая,
Клянемся родинѣ служить!
Ты будешь мощной и прекрасной
Въ своемъ единствѣ для временъ,
Девизъ твой въ кликѣ громогласномъ:
Король, свобода и законъ!

Леонидъ Афанасьевъ.

БЕЛЬГІИ.

Король-Баярдъ, безъ страха и упрека,
Отмѣченный для подвига судьбой,
На грудь свою, по грозной волѣ рока,
Ты принялъ первый, самый страшный бой.

Король-Баярдъ, ты, чей девизъ — „свобода“,
Чей благородный духъ неустрашимъ,—
Пошелъ ты смѣло во главѣ народа,
Чтобъ до конца испить всю чашу съ нимъ.

Войны кровавой мрачная страница
Полна нежданной, свѣтлой красоты:
Вѣдь льва любить способна только — львица,
Не разлучить ихъ царственной четы.

Опасности, отчаянье, невзгоду
Она съ тобою дѣлитъ пополамъ.
Вѣрны вы оба своему народу,
Какъ вашъ народъ остался вѣренъ вамъ.

Въ исторіи безстрастныя скрижали
Священныя внесутся письмена,
О томъ, какъ слово вы свое сдержали,
И какъ за то погибла вся страна.

О, если бы опять она окрѣпла,
Минувшими страданьями горда,
Какъ фениксъ, снова возродясь изъ пепла
Для счастія и мирнаго труда!

Молва казнитъ злодѣевъ вѣроломство,
Героевъ — ждетъ и память, и почетъ:
Тебя — Великимъ назоветъ потомство,
Елизавету — Вѣрной наречетъ.

Вы заслужили лавры вѣчной славы,
И ты, король, и твой народъ-герой:
Но плачьте, плачьте, мощныя державы,
Надъ младшею прекрасною сестрой.

За васъ она пошла въ борьбу безъ стона,
За васъ всей кровью жертвуетъ родной...
Склонитесь же съ почтеніемъ, знамена,
Предъ маленькой великою страной!..

Т. Щепкина-Куперникъ.

БЕЛЬГІЯ.

(Сонетъ).

Страна, достойная гекзаметровъ Гомера,
Иль Данте скорбнаго святыхъ терцинъ;
Страна, гдѣ отъ поденщика до мэра
Согласны всѣ и каждый — гражданинъ.

Твой гордый духъ, твоя въ законность вѣра
Сильнѣе мощности твоихъ машинъ,
И твердости твоей отнынѣ мѣра —
И грозный Льежъ, и жертвенный Малинъ.

Еще мятутся битвы и пожары,
Но близокъ часъ неотвратимой кары
Надъ самовластьемъ горестно-смѣшнымъ.

Ты, Бельгія, — Европы факелъ бѣлый,
И твой король великодушно-смѣлый
Въ такой странѣ не можетъ быть инымъ.

Ал. Рославлевъ.

БЕЛЬГІИ.

На помощь Бельгіи! Скорѣй!
Она въ бою изнемогаетъ,
Задушенъ крикъ ея дѣтей, —
Пощады слабымъ врагъ не знаетъ.

Всѣ силы въ жертву принесла,
За ближнихъ смѣло грудью встала,
Она въ бою изнемогла —
Всю кровь безъ стона отдавала.

Горитъ и гибнетъ край родной,
Водой изъ рѣкъ залиты нивы,
Стѣна пылаетъ за стѣной,
Карнизовъ рушатся извивы.

Святые храмы, города
Разграбилъ врагъ съ своей ордою,
Дворцы, лачуги, — безъ слѣда
Взорвалъ, сгубилъ, сравнялъ съ землею.

Цвѣтущій край... Когда ты вновь
Еще воспрянешь къ мирной жизни?
Вездѣ тѣла твоихъ сыновъ,
И мародеровъ гнусныхъ тризны...

На помощь храбрымъ! Все впередъ!
За жизнь геройскаго народа!
Страна бельгійцевъ не умретъ,—
Живъ ихъ король, законъ, свобода.

И. Тимковскій.

БЕЛЬГІЙЦАМЪ.

Въ трудахъ вы мирно жизнь вели,
Трудомъ все создали народнымъ.
И каждый клинъ родной земли
Цвѣтущимъ сталъ и плодороднымъ.
Селенья ваши, города,
Заводы, фабрики и копи,
Какъ символъ мощнаго труда,
Служили образцомъ Европѣ.
Но вдругъ вашъ трудъ нарушенъ былъ.
Вы дождались иного часа:
Врагъ вашу землю затопилъ
Волною пушечнаго мяса.
И, вмѣсто трудовыхъ знаменъ,
Вы развернули боевыя.
Врагъ дерзокъ, хищенъ и силенъ,
Но вы — герои огневые.
Васъ не смутилъ набѣгъ врага.
Вы дружно, какъ одинъ, возстали.
Вамъ честь отчизны дорога,
А ваша доблесть крѣпче стали.
И врагъ усилилъ подло месть,
Позоромъ заклейменъ отнынѣ.

Онъ позабылъ и женщинъ честь,
И уваженіе къ святынѣ.
Все осквернилъ безстыдно врагъ.
И вы съ надеждою одною
Рѣшились на послѣдній шагъ,
На подвигъ дорогой цѣною.
Пусть гибнутъ нивы и поля,
Пусть гибнутъ города, селенья...
Пускай разорена земля
Цѣной отъ варваровъ спасенья!
Плотины взорваны. Вода
Сметаетъ варваровъ отряды.
Они спасаться, но куда?
Кругомъ вода — и нѣтъ пощады!
Послѣдній шагъ — девятый валъ,—
И врагъ сметенъ стихіей водной...

. . . . . .

Но край цвѣтущій нынѣ сталъ
Пустыней топкой и безплодной...
Бельгійцы! Суждено вамъ знать
Не только горе и печали.
Въ страданьяхъ за отчизну-мать
Вы радость подвига узнали.
Пройдутъ года. Потомковъ судъ
Спокойно прошлое разсудитъ.
Благословеннымъ былъ вашъ трудъ,
А подвигъ вашъ священнымъ будетъ.

Милій Стремминъ.

АНТВЕРПЕНЪ ПАЛЪ.

Антверпенъ палъ! Изнемогая,
Въ огнѣ великаго костра
Горишь ты, Бельгія святая,
Народовъ чистая сестра.
Твои оплоты и твердыни
Превращены въ холмы руинъ,
Святой вѣнецъ твоей гордыни
Сорвалъ безумный властелинъ.

Антверпенъ палъ! Поникъ въ бореньи
Съ грозой германскихъ батарей,
Какъ поникаетъ на аренѣ
Борецъ межъ алчущихъ звѣрей.
Въ его геройскія становья,
Въ дворцы искусства и труда
Нахлынула древневѣковья
Безчеловѣчная орда.

Антверпенъ палъ! Но духъ нетлѣнный
Не обезсиленъ, не падетъ!
Еще подъемлетъ мечъ священный
За честь поднявшійся народъ,
И три союзныя державы,
Чьихъ силъ стремительныхъ не счесть,
Несутъ знамена бранной славы,
А на знаменахъ слово: „Месть“!

Дмитрій Цензоръ.

УТѢШЕНІЕ БЕЛЬГІИ.

Есть въ наивныхъ предвѣщаньяхъ правда мудрая порой.
То, чему повѣритъ сердце, совершитъ народъ-герой.

Вотъ Сивилла развернула книгу темную судебъ,
И прочла одну страницу въ книгѣ той гадалка Тэбъ.

Прежде, чѣмъ весна откроетъ ложе влажное долинъ,
Будетъ нашими войсками взятъ заносчивый Берлинъ,

И, награбленной добычей поживиться не успѣвъ,
Злой народъ, который грабитъ, испытаетъ Божій гнѣвъ.

О, герой, народъ бельгійскій! испытаній часъ насталъ.
Вся земля взята врагами, и Антверпенъ крѣпкій палъ.

И спѣшатъ къ союзнымъ ратямъ утомленные полки.
Кто измѣритъ, сколько въ душахъ славныхъ рыцарей тоски!

А въ Берлинѣ ликованье, пѣсни, смѣхъ, колокола,
И толпа опять побѣдой и пьяна, и весела.

Но, я знаю, не трепещетъ духъ Альберта короля.
Онъ свободными увидитъ скоро милыя поля.

Ужъ плететъ ему побѣда вѣчный лавровый вѣнецъ.
Онъ торжественно вернется въ свой разграбленный дворецъ.

Только правда — путь къ побѣдѣ, только вѣрность —
вѣрный щитъ.
Такъ наивность предвѣщаній, такъ и мудрость говоритъ.

Ѳедоръ Сологубъ.

АНТВЕРПЕНЪ.

Пусть это время далеко,
Антверпенъ! — И за моремъ крови
Ты памятенъ мнѣ глубоко...
Рѣчной туманъ ползетъ съ верховій
Широкой, какъ Нева, Эско.

И надъ спокойною рѣкой
Въ туманѣ тепломъ и глубокомъ,
Какъ взоръ фламандки молодой,
Нѣтъ счета мачтамъ, верфямъ, докамъ,
И пахнетъ снастью и смолой.

Тревожа водяную гладь,
Въ широко стелющемся дымѣ
Ужъ якоря готовъ отдать
Тяжелый двухмачтовый стимеръ:
Ему на Конго курсъ держать...

А ты — во мглу вѣковъ глядись
Въ спокойномъ городскомъ музеѣ:
Тамъ царствуетъ Квентинъ Массисъ;
Тамъ въ складки платья Соломеи
Цвѣты изъ золота вплелись...

Но все — притворство, все — обманъ:
Взгляни наверхъ... Въ клочкѣ лазури,
Мелькающемъ черезъ туманъ,
Увидишь ты предвѣстье бури —
Кружащійся аэропланъ.

Александръ Блокъ.

ТРИ КРЕСТА.

О, Бельгія, земля святыхъ смертей!
Ты на крестѣ, но духъ твой живъ и воленъ.
И передъ нимъ — что кровь твоихъ дѣтей
И дымъ и гарь воздушныхъ колоколенъ?
На Польшу, близкую сестру, взгляни, —
Нѣтъ изумительнѣй ея удѣла:
Безумiемъ пылающiе дни
Ей два креста судили: на одномъ
Ея истерзанное тѣло, —
Душа нѣмая на другомъ.
Но сочтены часы томленья,
Господь страданій не забудетъ.
Голгоѳа — ради воскресенья,
И вѣруемъ, — да будетъ!

З. Гиппiусъ.

АНТВЕРПЕНЪ.

Надъ павшимъ городомъ лежала ночь устало.
По мертвымъ улицамъ куда-то шли враги...
И въ жуткой тишинѣ стариннаго квартала
Звучали мѣрные, тяжелые шаги...

Ползли, какъ призраки, орудій вереницы.
Темнѣли въ сумракѣ ряды чужихъ солдатъ,
И молча шли войска по улицамъ столицы, —
Шли за своей судьбой, чтобъ не притти назадъ...

И конница, звеня по плитамъ тротуара,
Безмолвно двигалась куда-то на востокъ, —
Туда, гдѣ ждетъ ихъ смерть, невѣдомая кара,
И местью сторожитъ невѣдомый имъ Рокъ...

Кругомъ нѣмая ночь стояла тьмой упорной,
Кралася всюду смерть, вперивъ тяжелый взоръ...
И шли войска впередъ, колеблясь массой черной, —
Шли за своей судьбой на гибель и позоръ...

Вл. Краковецкій.

ЛЬЕЖЪ.

Когда рабы слѣпой гордыни
Свою стотысячную рать
Вели на чуждыя твердыни
Побѣдоносно умирать,
И озвѣрѣлые отряды
У непредвидѣнной черты,
Презрѣвъ опасности преграды,
Пошли стѣною на форты,—
Тогда на льежскіе окопы,
На этотъ жертвенный очагъ
Лицо измученной Европы
Взирало съ ужасомъ въ очахъ,
И стономъ гулкаго набата
Печальной Бельгіи сыны
Встрѣчали зарево заката
Своей поруганной страны.

. . . . . .

Но часъ насталъ. На полѣ брани,
Подъ несмолкаемое „hoch!“
Сошлись сверкающія грани
Мечомъ разсѣченныхъ эпохъ;

И къ исторической развязкѣ,
Кровавымъ жребіемъ горды,
Пошли сверкающія маски
Цивилизованной орды.
Взвилась сигнальная ракета,
Проснулась каменная твердь,
И мимо тяжкаго лафета
Прошла невидимая смерть.
Минуты шли... Форты молчали...
Взирая грозно на луга,
Они молчаніемъ встрѣчали
Непримиримаго врага;
И только въ сумрачныя дали
Дышали черные круги,
Да тихо дула осѣдали,
Слѣдя послѣдніе шаги.
Но вотъ надъ прусскими штыками
Метнулась гулкая волна,
И золотыми языками
Одѣлась черная стѣна...
Завыли радостныя дула,
Вздохнула грозная скала
И гуломъ буйнаго разгула
Смела кровавыя тѣла...
И пали дерзкіе отряды,
Огнемъ зажатые въ тиски,
И рвали жадные снаряды
Чужіе трупы на куски;
Живое зарево заката
Одѣлось облакомъ сѣдымъ,
И слава прусскаго солдата
Подъ нимъ разсѣялась, какъ дымъ.

И пали черныя тенета,
Вѣка сжимающія міръ,
И рухнулъ глиняный кумиръ
Подъ ношей собственнаго гнета...
. . . . . .
Когда же смолкнули удары,
И черный геній отлетѣлъ,
И полевые санитары
Убрали горы мертвыхъ тѣлъ, —
Тогда на льежскіе окопы,
На этотъ доблестный очагъ,
Лицо восторженной Европы
Взглянуло съ гордостью въ очахъ:
Зане на немъ разбилась слава
Двуличныхъ „братьевъ во Христѣ“,
Что „правомъ силы“ „силу права“
Распяли нагло на крестѣ.

Владимиръ Воиноѣ.

БЕЛЬГІЙСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Спи, малютка, спи, младенецъ...
Я съ тобой. Усни.
Бросилъ свой кинжалъ чеченецъ
Въ наши злые дни,

Не слыхать башибузука,
И хунхузъ молчитъ,
О разбойникахъ — ни звука
Свѣтъ не говоритъ...

Не слыхать и объ индѣйцахъ...
Баюшки-баю...
Я тебѣ о европейцахъ
Лучше пропою.

* * *

Слышишь, дѣтка, всѣхъ сзываютъ?
Слышишь адскій шумъ?
Это нѣмцы въ насъ стрѣляютъ
Пулями думъ-думъ...

Нынче небо смотритъ хмуро,
И вездѣ — набатъ:
Это прусская культура
Двинула солдатъ.

Сброситъ Бельгія вериги
Вражеской земли,
Въ школѣ будешь ты... А книги
Нѣмцы всѣ сожгли...

И въ странѣ геройской расы,
У цвѣтущихъ селъ,
Нѣмцы выстроятъ фугасы
Вмѣсто прежнихъ школъ.

А у лѣса, на опушкѣ
Гдѣ гуляли мы, —
Зачернѣютъ вражьи пушки
И фасадъ тюрьмы.

Но молись — другое время
Чтобъ пришло скорѣй:
Чтобы сгибло злое племя
Наглыхъ дикарей.

Твой отецъ и дѣдъ — герои:
Ихъ запомнитъ врагъ —
Всѣ легли на мѣстѣ боя
За родной очагъ.

Подрастешь — и ты возьмешься
Сразу за ружье, —

Тоже съ поля не вернешься.
Дитятко мое...

Спи, ребенокъ, будь спокоенъ...
Повернись ко мнѣ...
Я горжусь, что новый воинъ
Будетъ данъ странѣ...

* * *

Пусть душѣ и сердцу жутко —
Лучше будутъ дни...
Спи, младенецъ, спи, малютка,
Я съ тобой — усни.

Арк. Буховъ.

БРЮГГЕ.

Тихій Брюгге, тихій городъ
Бѣлоснѣжныхъ лебедей,
Полусонныхъ водъ зеленыхъ
И безмолвныхъ площадей!

Наклонялся ликъ Мадонны
Въ полумракѣ строгихъ нишъ,
Гладь канала отражала
Черепицы острыхъ крышъ...

Укрывала сѣнь деревьевъ
Бѣлыхъ стѣнъ святой пріютъ,
Пролетали безъ печали
Тѣни свѣтлыя минутъ.

Только женщинъ чистыхъ сердцемъ
Эти стѣны стерегли:
Были чужды имъ всѣ нужды
И волненія земли.

Тамъ въ покоѣ проходили
Безмятежные года...

Ихъ жилище было чище
Лебединаго гнѣзда...

Плавно лебеди скользили
По зеленой глубинѣ,
Ихъ движенья отраженья
Повторяли, какъ во снѣ.

Въ часъ вечерній надъ водою
Пѣли пѣснь колокола,
Пѣснь святая, пролетая,
Миръ торжественный несла.

Городъ, сказка кружевная
Несказанной тишины,
Какъ жестоко издалека
Налетѣли злые сны!

Отразился рядъ развалинъ
Въ тихомъ „Озерѣ любви“,
Всѣ каналы—блѣдно-алы
Отъ пожаровъ, какъ въ крови.

Надъ печальнымъ разрушеньемъ
Опустѣвшихъ площадей,
Улетая, плачетъ стая
Бѣлоснѣжныхъ лебедей.

О, куда имъ путь направить
Изъ родимаго гнѣзда?
Дымъ и пламя надъ лѣсами
И пылаютъ города.

Рвутся ядра, свищутъ пули,
Надъ водой звучитъ набатъ...

Всюду смута — нѣтъ пріюта,
Цѣлый край огнемъ объятъ.

Лебедей невинныхъ стая
На лету поражена...
Стонъ печальный... Кликъ прощальный...
Пѣсня смерти — вотъ она!

Стая вороновъ зловѣщихъ
Къ страшной трапезѣ своей
Тучей смѣло налетѣла
Вмѣсто бѣлыхъ лебедей!

Нивы Фландріи несчастной,
Васъ жестокій ждетъ удѣлъ:
Лебедь чистый, серебристый,
Лебедь мира — улетѣлъ!

Стая вороновъ зловѣщихъ
Грозно кличетъ: „умирай“...
Нѣтъ! Ты встанешь, ты воспрянешь,
О безсмертный, смѣлый край!

Черныхъ вороновъ кровавыхъ
Ты прогонишь навсегда
Изъ родного, изъ святого
Лебединаго гнѣзда!

И услышишь, полонъ счастья
Новой жизни, новыхъ силъ,
Шумъ священный, неизмѣнный,
Лебединыхъ мощныхъ крылъ!

Т. Щепкина-Куперникъ.

ФРАНЦІЯ

ПАРИЖУ.

I.

О, городъ вольности, плѣнительный Парижъ!
Капризно-вычурный, но полный стройной мѣры,
Такой дурманящій, влекущій, какъ гашишъ,
Всегда загадочный, какъ странныя химеры.

Твой день исполненъ бурь. Твою ночною тишь
Волнуетъ сладкій грѣхъ утонченной Венеры.
Струится твой разсвѣтъ бѣлесовато-сѣрый,
И жмутся призраки у старыхъ стѣнъ и нишъ...

Святые призраки Іоанны, Демулена
И пышнаго Гюго, и нищаго Верлена...
Бойцы и геніи, и все, чѣмъ ты царишь —

Что центромъ сдѣлалось всего земного лона,—
Великій санкюлотъ, народъ Наполеона,—
Все это Франція, все ты, Парижъ!

II.

Живя стремительно, касаясь хмельныхъ чашъ
Губами жадными, веселый горожанинъ,
Гаменъ и гражданинъ, ученый и апашъ,—
Ты обольстительно и ярко многограненъ.

Похожа жизнь твоя на красочный миражъ.
Твой взглядъ, изнѣженный любовью, затуманенъ.
Но кликнетъ родина, и, смѣлый парижанинъ,
Ты жизнь любимую безпечно ей отдашь.

Для дерзостей мечты, не знающей преграды,
Ты рушишь прошлое и строишь баррикады.
Велитъ отечество — и доблестная рать

Въ походы грозные выходитъ спозаранокъ,
Любовницъ превративъ въ отважныхъ маркитанокъ.
Народъ, умѣвшій жить, умѣетъ умирать!

III.

Теперь, когда кипитъ всемірная война
И гибнутъ въ пламени безсильные народы,—
О, Франція, купель священная свободы,
Да будешь ты судьбой навѣкъ сохранена.

Твою исторію кровавая волна
Взметаетъ къ высотѣ, гдѣ лучезарны своды,
И Клія строгая запишетъ всѣ походы,
Тебя на вѣчныя прославивъ времена.

И никогда, Парижъ, твой гордый духъ печаля,
На радостный Монмартръ и на ступень Версаля
Не ступитъ Пруссія—безчеловѣчный врагъ!

Всегда свободная, подъ звуки марсельезы,
За вьющійся Маасъ, за тихія Вогезы
Неси, о Франція, побѣдоносный стягъ.

Дмитрій Цензоръ.

ПАРИЖЪ.

Пришла бѣда стопой тяжелой,
Святыни древнія въ огнѣ,
Но всталъ онъ, страшный и веселый,
Въ своей испытанной бронѣ.

Надъ разоренною Шампанью
Проходитъ вѣяніе грозъ...
Онъ, вѣренъ славному преданью,
Преобразился и возросъ.

Безумна схватка исполиновъ,
Ожесточенна и долга,
Но вотъ, отъ стѣнъ его отхлынувъ,
Уходятъ полчища врага.

И трубы вражескаго стана
Звучатъ все глуше, и грозна,
Грознѣй сѣдого океана
Встаетъ народная война.

Внемлите гнѣвному Парижу!..
Онъ говоритъ родной землѣ:
„Я битвы новыя провижу
„И путь побѣдъ въ кровавой мглѣ.

„Я поздней жалости не внемлю...
„Тому я гибелью воздамъ,
„Кто дерзко топчетъ нашу землю,
„Кто мечетъ бомбы въ Notre-Dame

„Одѣтъ, какъ встарь, въ огни и въ дымы,
„Я буду мстителемъ обидъ...“
И въ часъ невзгоды онъ стоитъ,
Какъ Франція, непобѣдимый.

Д. Коковцовъ.

РЕЙМССКОМУ СОБОРУ.

Пусть нынѣ обликъ твой печаленъ:
Пусть онъ на прежній не похожъ...
Но въ грудѣ царственныхъ развалинъ,
Священный камень, ты—живешь!!!
Путь дней твоихъ такъ будетъ дологъ...
И въ жертву будущихъ временъ
Ты каждый сохранишь осколокъ
Своихъ разрушенныхъ мадоннъ.
Стоялъ ты семь вѣковъ... Не блекла
Краса твоихъ гранитныхъ кручъ,
И сквозь расписанныя стекла
Ласкалъ тебя вечерній лучъ...
Пройдутъ вѣка... Промчатся рѣки...
Ты,—чудо всѣхъ чудесъ старѣй,—
Разскажешь о двадцатомъ вѣкѣ
И назовешь его звѣрей...

А. Мейснеръ.

РЕЙМССКІЙ СОБОРЪ.

(Стихотвореніе Эдмонда Ростана).

Онъ лишь безсмертнѣй сталъ благодаря врагамъ,
И міръ, любуясь имъ, съ презрѣніемъ отмѣтитъ
Слѣды презрѣнныхъ ордъ.
Пусть Фидіасъ отвѣтитъ, пусть скажетъ намъ Родэнъ,
Не живъ ли Реймсскій храмъ?
Твердыня павшая ужъ не нужна войскамъ,
Но храмъ израненный любовь двойную встрѣтитъ.
Да, кровля сожжена,—тѣмъ ярче небо свѣтитъ
Сквозь кружево камней растроганнымъ очамъ.
Спасибо варварамъ: они французамъ дали
То, чѣмъ Эллады край одинъ былъ освященъ, —
Нетлѣнной красоты разбитыя скрижали.
Хвала губителямъ! Насилье—имъ законъ,
Имъ пушки—божество. И вотъ они создали
Себѣ въ вѣкахъ позоръ, намъ—вѣчный Наполеонъ.

Перевелъ *Н. Минскій.*

ГИБНУЩАЯ СВЯТЫНЯ.

(Къ бомбардировкѣ Реймскаго собора германцами).

Старикъ, подъ куполомъ твоей священной сѣни,
Предъ славной памятью твоихъ далекихъ дней, —
Мечталъ я пламенно склониться на колѣни
Въ тиши молитвенной соборныхъ галлерей...

Мнѣ часто грезилось: органные напѣвы,
Огни лампадные, твой золотой алтарь,
Черты Спасителя, и ликъ Пречистой Дѣвы,
И сонмы ангеловъ, и псалмопѣвецъ-царь...

Я ждалъ, надѣялся... Но проходили годы, —
Мечта завѣтная такъ и была мечтой...
А грозы грянули, и вихри непогоды
Со всей ихъ силою вскипѣли надъ тобой!..

Явились полчища, и, въ громѣ канонады,
Со стономъ колоколъ поверженъ съ высоты,
И камни падаютъ, и рушатся аркады,
И гибнутъ цѣнности высокой красоты...

И слезы искрятся въ святыхъ очахъ Мадонны,
И Богъ страдающій, распятый на крестѣ,
Скорбитъ, что попраны имъ данные законы,
Что людъ озлобленный томится въ темнотѣ...

. . . . . .

А ты все рушишься, спокойно величавый,
Вѣнчавшій царствовать французскихъ королей,
Священный памятникъ, во дни войны кровавой
Отвсюду сдавленный толпою дикарей...

. . . . . .

Приди же, Франція, какъ къ сыну дорогому,—
Къ собору древнему—онъ въ ранахъ изнемогъ,
Закрой глаза ему, разбитому, больному,
Прими молитвенно его послѣдній вздохъ.

Н. Архангельскій.

РАЗРУШЕНІЕ РЕЙМССКАГО СОБОРА.

(Сонетъ).

Когда на башни Реймсскаго собора
Желѣзный падалъ дождь и рушилъ ихъ,
Въ дыму и пламени земного спора
Шелъ споръ извѣчный воинствъ неземныхъ.

Взирали ангелы, полны укора,
На демоновъ, чей богохульный стихъ
Вѣнчалъ хвалой зачинщиковъ раздора,
Виновника безумій міровыхъ.

Вопили камни, низвергаясь, грозно,
И то, что было въ созиданьи розно,
Единой грудью ждало: что Творецъ?

И Онъ судилъ спокойно и сурово,
И къ ангеламъ Его слетѣло слово,
Вѣщавшее Германіи: конецъ.

Александръ Рославлевъ.

СОБОРЪ БОГОМАТЕРИ.

Не тронь, гордецъ, святыхъ витражей,
Чугунъ на куполъ не мечи,—
Тамъ ангелы—незримой стражей,
Подъ каждой аркой ихъ мечи.
Мадонны храмъ восьмивѣковый
Рукою дерзкою не тронь,
На алтарѣ, Атилла новый,
Не погашай ея огонь!
Ужель въ твоей душѣ тевтона
Не пробуждаетъ ничего
Ни свѣтлоглазая Мадонна,
Ни древній камень, ни Гюго?
Ужель къ созданьямъ вѣчнымъ духа,
Къ тому, что вѣетъ красотой,
Твое скупое сердце глухо
Подъ гогенцоллернской броней?

А. Липецкій.

РЕЙМССКІЙ ЗВОНАРЬ [1]).

При реймсскомъ соборѣ я — старый звонарь.
Всю жизнь прозвонилъ я, — бимъ-бомъ!
Ребенкомъ сюда поднимался я встарь, —
Соборъ, это — храмъ мой и домъ.

Широко глаза мои смотрятъ, — бимъ-бомъ!
Но тьма въ нихъ и въ солнечный день.
Зато я здѣсь съ каждой плитою знакомъ
И каждую знаю ступень.

Привычная сразу находитъ рука
Засовы желѣзныхъ дверей.
Надъ мѣдью ревущей работа легка, —
Нащупай веревку и бей!

Такъ, въ небо съ земли высоко взнесены,
Стоимъ и гудимъ мы, — динь-донъ!
Слѣпому — и бискупъ, и нищій равны;
И всѣмъ одинаковъ поклонъ.

---

[1]) Во время разгрома Реймса старый звонарь билъ въ колоколъ до тѣхъ поръ, пока подъ бомбами не рухнула башня вмѣстѣ съ нимъ.

И звонницу, всю на желѣзныхъ связяхъ, —
Удѣлъ мой и жизни купель, —
Люблю я, какъ келію любитъ монахъ,
Ребенокъ — свою колыбель.

* * *

Спитъ старый соборъ, гдѣ клялись короли,
Надъ Реймсомъ мерцаютъ огни,
И въ гулѣ не слышны ни трепетъ земли,
Ни звуки святыхъ литаній...

И общую колоколъ думу гудетъ:
„Какъ стары мы оба, — бимъ-бомъ!
„Какъ стары мы оба! Какъ скоро пробьетъ
„Послѣдній ударъ предъ концомъ!..“

...Чтобъ вѣтеръ монхъ не разсыпалъ костей,
Держась за перила, иду.
Никто не приноситъ слѣпому вѣстей, —
Но чую надъ Реймсомъ бѣду!..

Ужъ мѣсяцъ, какъ стонетъ пѣвучая мѣдь,
И скрѣпы гудятъ въ вышинѣ.
Не хочетъ ли колоколъ смерть прогремѣть...
Кому же, — себѣ или мнѣ?

* * *

Бимъ-бомъ! Исполать тебѣ, старый мой другъ, —
Я понялъ твой вѣщій языкъ:
— „За Реймсомъ все залито кровью вокругъ,
„И врагъ безпощаденъ и дикъ.

„Во Франціи милой пожаръ и разгромъ.
„Вставай же! За сиротъ и вдовъ
„Мы мѣдное бросимъ проклятье, — бимъ-бомъ!
Насильнику въ роды родовъ...“

Я съ вами, и вплоть до доски гробовой
Я — вашъ гренадеръ на посту!..
И въ первый я разъ поднимусь, какъ слѣпой,
Хватая рукой пустоту.

Изъ мѣдныхъ я грудей исторгну хоралъ,
Гремящимъ орудіямъ въ ладъ, —
Я радость святыхъ воскресеній вѣщалъ,
Такъ я же забью и въ набатъ.

* * *

Пусть бьются гранаты въ кощунствѣ слѣпомъ
О мраморно-кружевный храмъ, —
Съ рыданіемъ мѣднымъ, сквозь пушечный громъ,
Мы будемъ кричать къ небесамъ:

„Проклятіе тѣмъ, кѣмъ сердца матерей
„Отнынѣ навѣкъ пронзены!
„Проклятье взрастившимъ средь бѣлыхъ лилей
„Кровавые маки войны!..“

Изъ силъ выбиваясь, я буду гремѣть:
„Собору и Реймсу конецъ!“
И вмѣстѣ со мною о звучную мѣдь
Ударитъ шрапнели свинецъ.

И колоколъ взвоетъ, какъ раненый левъ,
И башни, стеня, задрожатъ.
Въ послѣдній день Реймса, разинувши зѣвъ,
На землю обрушится адъ.

...Я понялъ, я понялъ нѣмой разговоръ,—
Ну, что жъ, умирать, такъ умремъ!
Пусть дѣтямъ разскажутъ, какъ старый соборъ
Со старымъ погибъ звонаремъ...

А. Измайловъ.

ВРАГИ

(ГЕРМАНІЯ)

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ВТОРОЙ.

Онъ долго угрожалъ, безумно смѣлъ,
Бренча мечомъ, онъ вызвалъ бурю мщенья.
Вокругъ своей страны сковать сумѣлъ
Вильгельмъ кольцо холоднаго презрѣнья.

На землю падаетъ кровавый дождь,
И многихъ рѣкъ отъ крови темны воды.
Жестокость и разбой! Безумный вождь!
На что же онъ ведетъ свои народы?

Въ неправедно имъ начатой войнѣ
Ему мечтается какая слава?
Что обѣщаетъ онъ своей странѣ?
Какая цѣль? Парижъ или Варшава?

Для прусскихъ юнкеровъ земля славянъ,
И для германскихъ фабрикантовъ рынки?
Нѣтъ, близокъ часъ,—и онъ, отъ крови пьянъ,
Своей имперіи свершитъ поминки.

Ѳедоръ Сологубъ.

ТЕВТОНУ.

Есть грозный судъ: онъ ждетъ...
М. Ю. Лермонтовъ.

Померкла слава Герострата, —
Ты превзошелъ ее, тевтонъ!
Кровавымъ заревомъ заката
Мохнатый шагъ твой освѣщенъ.
Бряцая саблей, шумнымъ крикомъ
Ты мнишь вселить повсюду страхъ...
Ты выпелъ въ опьянѣньи дикомъ,
Какъ волкъ, скитавшійся въ лѣсахъ.
Твое дыханье вѣетъ смрадомъ.
Твой путь по трупамъ — черный путь.
Ну, что жъ, ликуй въ союзѣ съ адомъ
И спи, коль можешь ты уснуть!
Есть грозный судъ... Кто мечъ неправый
Подниметъ — гибнетъ отъ меча...
И ты пойдешь съ позорной славой
На судъ, свой жалкій мечъ влача.
Руины Реймсскаго собора...
Антверпенъ... другъ наукъ Лувенъ...

Тевтонъ, какого жъ приговора
Ты ждешь съ развалинъ этихъ стѣнъ?..
Съ клеймомъ отверженца, съ нѣмою
Печатью смерти на челѣ
Пройдешь ты мертвою тропою
По обездоленной землѣ.
Пусть каждый шагъ, тобой пройденный,
Тебѣ несетъ все тотъ же стонъ:
„Ступай отъ насъ, во тьмѣ рожденный
И тьмою вскормленный тевтонъ!“

В. Умановъ-Каплуновскій.

ВИДѢНІЕ КАЙЗЕРА.

Ему не спится. Во мракѣ ночи
Онъ ждетъ забвенья отъ тревогъ.
Но сна послать ему не хочетъ
„Германскій добрый старый Богъ“.
Не спитъ безумецъ сухорукій.
Онъ къ ложу жаркому приникъ,
Онъ слышитъ битвы дальней звуки,
Онъ слышитъ чей-то страшный крикъ.
Тотъ стонъ идетъ на цѣломъ свѣтѣ,
Изъ разныхъ странъ, со всѣхъ морей:
Кричатъ обманутыя дѣти
У овдовѣвшихъ матерей.
Шлютъ императору проклятья
Невѣсты, матери, отцы.
Сцѣпившись въ смертныя объятья,
Кричатъ солдаты—мертвецы.
Надъ пепломъ прусскаго позора
Въ краю, гдѣ тѣшился тевтонъ,
Съ развалинъ Реймсскаго собора
Гудитъ зловѣщій перезвонъ.

А черезъ кровь и лязгъ желѣза,
Сквозь трескъ германскаго костра
Звучитъ все ближе марсельеза,
Грохочетъ русское ура.
Рычитъ голодный людъ рабочій.
Встаетъ обманутый Берлинъ.
. . . . . .
Онъ не уснетъ до поздней ночи,
Кровавый прусскій властелинъ.

Сергѣй Копыткинъ.

* * *

Подъ гнетомъ проклятій, при громахъ войны
Не вѣдаетъ кайзеръ покоя!
Преслѣдуютъ душу тревожные сны
Въ тиши и средь грохота боя...

Отъ запада призракъ грозящій встаетъ —
Съ нимъ слава побѣдъ и свободы...
Французскій орелъ горделиво впередъ
Летитъ, какъ въ минувшіе годы!

Вождя-императора грозная тѣнь
Среди ихъ побѣднаго стана...
И кайзера меркнетъ ликующій день,
И никнутъ знамена Седана...

Свои легіоны царица морей
Метнула изъ сѣрыхъ тумановъ...
Фаланги могучихъ летятъ кораблей
На гибель всемірныхъ тирановъ...

13*

Надъ Нѣманомъ русскій орелъ прокричалъ,
Имъ путь преграждая съ востока...
Другой здѣсь, сильнѣйшій, когда-то стоялъ —
И палъ по велѣнію рока.

И ужасъ, и гибель несутся во слѣдъ
Кровавымъ твоимъ легіонамъ...
Прикована слава великихъ побѣдъ
Къ священнымъ славянскимъ знаменамъ.

И съ ужасомъ жалкимъ на тускломъ лицѣ
Ты склонишь покорно знамена.
И ждетъ тебя въ огненномъ страшномъ кольцѣ
Презрѣнная смерть скорпіона.

Ф. Е. Зарицъ-Несвицкій.

О ЧЕМЪ ПѢЛА ФЛЕЙТА.

Германцы на улицахъ разгромленнаго Антверпена устраиваютъ военные концерты.

(*Изъ газетъ*).

Играйте маршъ! Но самый бурный,
Такой, чтобъ топотъ конскихъ ногъ
Съ его прелюдіей бравурной
Нигдѣ соперничать не могъ!
Играйте маршъ! Но полный гнѣва,
Такой, чтобъ слышать не могли,
Какъ стонетъ женщина иль дѣва
Надъ тѣломъ, брошеннымъ въ пыли!
Играйте маршъ! Но маршъ побѣдный,
Чтобъ заглушить со всѣхъ сторонъ
Призывъ рокочущій и мѣдный,
Напѣвы жуткихъ похоронъ!..
Чтобъ дикій хохотъ сумасшедшихъ
И тѣхъ, кто вынужденъ страдать,
Вѣкамъ грядущимъ о прошедшихъ
Не могъ свой ужасъ передать!
И грянулъ маршъ!.. Гремѣли трубы,
Билъ барабанъ, ревѣлъ гобой!

И въ кровь окрашенныя губы
Смѣялись громко надъ судьбой!
Играйте маршъ! Всю мощь излейте!
Отваги—въ робкія сердца!
Но, чу!.. Вы слышите?.. На флейтѣ
Рыдаетъ кто-то безъ конца...
Флейтистъ! Безумецъ!.. Флейта стонетъ,
Рыдаетъ флейта среди трубъ!
Твоя мелодія не тронетъ
Того, кто дикъ, того, кто грубъ!
А ты заплатишь головою
За то, что въ этотъ страшный часъ
Огонь, твоей душой живою
Всегда владѣвшій, не погасъ!
Но флейта въ звукахъ изливала
И скорбь, и жалость, и привѣтъ,
И на вопросъ души давала
Свой сострадающій отвѣтъ:
О всѣхъ, кто плачетъ въ эти ночи,
О всѣхъ, кто страждетъ въ эти дни,
О нѣжной дѣвушкѣ, чьи очи,
Смѣясь, позорили они!..
О томъ, что сладкаго возмездья
Наступятъ скоро времена,
О томъ, что кроткія созвѣздья
Увидитъ бѣдная страна!
...И, какъ ни силились литавры
Разбить мелодію тоски, —
Сама судьба вплетала въ лавры
Печальныхъ лилій лепестки!..

Донъ-Аминадо.

* * *

Вы можете разрушить башни
И осквернить святой соборъ,
Вы можете спалить всѣ пашни
И заповѣдный, старый боръ.

Въ дыму дворцовъ и библіотекъ
Спокойно и легко дышать,
Метнувъ въ Мадонну дерзкій дротикъ,
Не вскрикнуть, не затрепетать.

Позоръ вопителя Омара
Предъ вашимъ нынѣшнимъ—ничто.
Средь стона жертвъ, въ огнѣ пожара—
Одно безумье разлито.

Испепеляйте, грабьте, жгите!
Презрѣнье вамъ отвѣтъ,—не страхъ.
Съ небесъ невидимыя нити
Возстановляютъ падшій прахъ.

И мраку косности тлетворной
Не затемнить на зло вѣкамъ
Свободный и нерукотворный
Сердцами строящійся храмъ!

М. Кузминъ.

ЗАБЫТЫЙ.

Нѣмецкія сестры милосердія добиваютъ раненыхъ на поляхъ битвы.

(«Matin»).

Луна чернитъ
Ночную тѣнь
И серебритъ
Лѣсную сѣнь.
Луна шевелитъ
Груды тучъ
И стеблемъ стелетъ
Сонный лучъ.
Не шелохнетъ
Рѣчная зыбь.
Свой стелетъ летъ
Надъ нею выпь.
По горамъ и по равнинамъ
Видишь груды тѣлъ простертыхъ?
Видишь павшихъ въ гнѣвѣ львиномъ
Раненыхъ и мертвыхъ?
Бѣлы уста,
Темны глаза,
Но въ нихъ чиста
Горитъ слеза.
Взоръ, полный муки,
Глядится въ ночь.

И молятъ руки
Луну помочь!
Но—въ облакахъ
Лучи луны.
Мольба и страхъ
Имъ не видны!
И нѣтъ помоги,
И въ забытьи...
Вдаль по дорогѣ
Ушли свои.

Чу, я слышу шелестъ острый,
Шелестъ ряски, шелестъ звонкій
Вонъ идутъ на помощь сестры,
Добрыя тевтонки.

Увидя ихъ,
Умолкъ сосѣдъ,
И съ нимъ затихъ
Немолчный бредъ.
Другой отъ счастья
Кричитъ навзрыдъ.
О, рай участья
Для всѣхъ открытъ!
Все ближе шагъ,
Но страшно мнѣ.
Нѣтъ, вашихъ благъ
Не надо мнѣ!

Я знаю, *что* имъ кровь отерло
Моимъ соратникамъ окрестъ!
Я не хочу кинжала въ горло,
Чтобъ краснымъ сталъ вашъ черный крестъ!

Потемкинъ.

ВЪ КАРАУЛѢ.

(У плѣнныхъ русскихъ.—Съ польскаго).

Разъ въ караулѣ были мы...
И вотъ, передъ тюрьмою спящей,
Слѣдить за окнами тюрьмы
Велѣлъ мнѣ нѣмецъ-„разводящій“.

И ночь была, и падалъ снѣгъ,
Я опирался на винтовку,—
Возможный сторожилъ побѣгъ,
Ловилъ возможную уловку.

Но въ этой зоркой тишинѣ
Я не нашелъ преступной цѣли.
И въ каждомъ сводчатомъ окнѣ
Огни спокойные горѣли.

Такъ свѣтелъ ихъ высокій рядъ,
Такъ чистъ ихъ блескъ въ молчаньи строгомъ,—
Огни далекіе горятъ,
Горятъ, какъ свѣчи передъ Богомъ.

И видѣлъ я: въ плѣну, въ тоскѣ,
Въ тюрьмѣ враждебной изнывая,
Тамъ въ каждомъ каменномъ мѣшкѣ
Заключена душа р о д н а я.

И часовой—сталъ человѣкъ.
Мнѣ стало стыдно и неловко;
И ночь текла, и падалъ снѣгъ—
И бросилъ я свою винтовку.

Да, въ караулѣ были мы—
Когда передъ тюрьмою спящей
Мою винтовку у тюрьмы,
Одну—нашелъ мой разводящій.

Танкредъ.

ВЪ МОЛИТВѢ.

«Императоръ Вильгельмъ большую часть своихъ досуговъ проводитъ въ молитвѣ».

Упорно и жарко молитва звучала:
„Побѣду пошли“... „Отче нашъ“...
Но мѣдная каска молиться мѣшала,
И путался длинный палашъ.

„Побѣду пошли намъ“... „Пройду ураганомъ“...
„О, Господи Боже, внемли“...
И тщетно онъ тычетъ о землю султаномъ,
Никакъ не достать до земли.

И звякаютъ шпоры, желѣзныя шпоры.
Совсѣмъ не молитвенный звонъ, —
Какъ будто бы въ Калишъ, свирѣпою сворой,
Нѣмецкій идетъ эскадронъ.

„Пошли намъ“... И снова онъ сталъ на колѣни.
Увы, — передъ Богомъ любви
Стоятъ впереди его блѣдныя тѣни:
Все люди... все люди... въ крови.

Вонъ женщины, дѣти. И скорбны ихъ лики,
И, — падаетъ сердце въ груди, —
Звучитъ ихъ молитва: „Спаситель Великій,
Спаситель Великій!.. Суди!..“

Танкредъ.

ПОДЪ ПОЛУМѢСЯЦЕМЪ БОСФОРА.

Въ хаосѣ общаго раздора
Ища спасительной звѣзды,
Подъ полумѣсяцемъ Босфора
Встаютъ лѣнивыя орды.

Прогресса золотыя узы
Отвѣдалъ воинъ-янычаръ,
Надѣвъ германскія рейтузы
Взамѣнъ турецкихъ шароваръ.

Когда-то жизнь текла безъ риска
Тамъ... въ царствѣ нѣги и тиши,
И танцовала одалиска
Въ гаремѣ сытаго паши.

А нынѣ, сынъ иного свѣта,
Сидитъ онъ, съ думой на челѣ...
Во рту — кальянъ, въ рукахъ — газета,
Душистый кофе на столѣ.

Въ раздумьи хмуромъ повторяя:
„Французъ... бельгіецъ... бриттъ и россъ...“—
Онъ все рѣшалъ, не разрѣшая,
Свой политическій вопросъ.

Вдругъ молвилъ: „Перестрою землю...
„Урокъ нѣмецкій повторю...
„Исламъ я даже овильгельмлю,
„Но четверть міра покорю!“

А. Мейснеръ.

ВЪ БЕРЛИНѢ.

Притихъ весь Дворъ... Самъ кайзеръ хмурый
Ходилъ по комнатамъ понурый,
Гнѣвъ не сходилъ съ его лица...
— Что жъ о побѣдахъ нѣтъ гонца?

Но вдругъ возникшій было ропотъ
Прервалъ поспѣшный, громкій топотъ,
Сверкнулъ на солнцѣ аксельбантъ,
И появился адъютантъ.

— Побѣды есть?..—Онѣ громадны...
Съ врагомъ мы были безпощадны!
Строптивыхъ уложили въ гробъ:
Разстрѣляны мальчишки, попъ

Да нѣсколько больныхъ туристовъ,—
Въ солдатахъ нашихъ пылъ неистовъ!
— А плѣнныхъ много есть?...—О, да!
Ихъ масса—цѣлыя стада,

Притомъ отборнѣйшаго сорта,
Мы брали съ каждаго курорта:
Купцы, князья, профессора,
И съ ними вся ихъ дѣтвора...

Вели атаку всюду быстро,
Забрали даже и министра!
— Трофеи есть?..—Забралъ дозоръ
Одинъ у доктора моторъ!..

И, потрясая мощной шпагой,
Съ веселой доблестной отвагой
Въ честь войскъ воскликнулъ кайзеръ: „Hoch!“
А эхо повторило: охъ...

Мистикъ.

СЕРЕНАДА.

Въ утѣшеніе дружинѣ,
Плотью бодръ и духомъ смѣлъ,
Серенаду герцогинѣ
Люксембургской кайзеръ пѣлъ:
„Герцогиня! Вы прекрасны,
Какъ цвѣты весеннихъ дней,
Но зачѣмъ же такъ опасны
Вы для арміи моей?
Но зачѣмъ со мной союза
Не хотѣли заключить
И коварнаго француза
Не пошли со мною бить?
Шутка ль, вы своимъ моторомъ,
Дерзко ставши на пути
Предъ лихимъ моимъ напоромъ,
Намъ мѣшали къ вамъ войти!
Да и ваши волонтеры
(Цѣлыхъ двѣсти пятьдесятъ!!!)
Намъ хлопотъ надѣлать горы
Въ злобѣ дерзостной грозятъ!..

За такія преступленья,
Цѣлость войскъ моихъ храня,
Васъ я ввергнуть въ заточенье
Долженъ съ нынѣшняго дня!..
Да-съ! Довольно! Нагулялись,
Маршъ же въ за́мокъ подъ замокъ!..
Deutschland, Deutschland über Alles,—
Бойся, Западъ и Востокъ!“

П. Г.

УЧЕНАЯ АРМІЯ.

Нѣмецкіе университеты продолжаютъ подносить генераламъ ученыя степени.

(Изъ газетъ).

Надъ нѣмецкою арміей
Разразился недугъ:
Стало тѣсно въ казармѣ ей
Отъ ученыхъ заслугъ.
Всѣ нѣмецкіе воины
Получили дипломъ
И наградъ удостоены
Факультетскимъ судомъ.
За дѣла молодецкія
Весь ученый конклавъ
Далъ права факультетскія
Генералу Пшфъ-Пафъ.
Кандидатъ богословія
Сталъ майоръ фонъ-деръ-Битъ
И, теряя здоровіе,
Катехизисъ долбитъ.
Лейтенанту фонъ-Фрессеру
За бельгійскій погромъ

Поднесли, какъ профессору,
Философскій дипломъ.
Трехъ сестеръ милосердія,
Добивавшихъ враговъ,
Возвели за усердіе
Въ санъ профессорскихъ вдовъ.
Сталъ соперникомъ Бебеля
Барабанщикъ Густавъ,
А четыре фельдфебеля
Кандидатами правъ.
Даже сиваго мерина
Лейтенанта фонъ-Бломъ
Наградили увѣренно
Факультетскимъ значкомъ;
А любимаго пуделя
Генерала фонъ-Шпруделя,
Много знавшаго штукъ,
Гордо назвали „Гекторомъ“
И назначили лекторомъ
Соціальныхъ наукъ...

Wega.

БАСЕНКА.

На полѣ битвы трупы обирая,
Австрійскій мародеръ
Столкнулся съ мародеромъ прусскимъ
И, наклонясь надо мертвымъ русскимъ,
Сказалъ товарищу: „Работа здѣсь большая,
Но я на то и воръ,
Чтобы обстричь до нитки быстро, ловко.
На все, мой другъ, нужна сноровка!..“
„Все это такъ, —
Въ отвѣтъ ему пруссакъ, —
Но жаль, что не знакомъ
Ты съ старшимъ кайзера сынкомъ.
Еще бъ ты больше навострился,
Когда бъ у нашего кронпринца поучился“...

М. Стремминъ.

НЕО-РУССКІЕ КЛАССИКИ.

Брóжу ль по улицамъ Стамбула,
Иду ли въ Порту на совѣтъ,
Считаю ль старыхъ пушекъ дула,
Моей душѣ покоя нѣтъ.

Я говорю: пройдутъ недѣли,—
А, можетъ, меньше, я боюсь!—
Свою утратимъ въ этомъ дѣлѣ
Страну мы pour le roi de Prusse.

Гляжу ль на башню Ай-Софіи,
Я мыслю: не засѣсть ли въ бестъ?
Но нѣтъ! придутъ войска Россіи,
И засіяетъ снова крестъ.

Сынка ль наслѣднаго ласкаю,
Уже я думаю: малышъ!
Ну, что тебѣ я завѣщаю?
Рахатъ-лукумъ или кишмишъ?

Давно ужъ каждую годину
Я битымъ кѣмъ-нибудь бывалъ.
Теперь, покорный лишь Берлину,
Судьбы я жду девятый валъ.

Угодно гдѣ мнѣ дать судьбинѣ
Престолъ? въ Багдадѣ? въ Скутари?
Иль буду въ Меккѣ и Мединѣ
Чинить зеленыя драпри?

И хоть наслѣднику Османа
Равно вездѣ, гдѣ спать и лгать,
Я предпочелъ бы безъ обмана
Скорѣй судьбу свою узнать.

Но пусть въ день радостный Байрама
Не будетъ Сандерсъ вновь со мной,
И сумасшедшій изъ Потсдама
Вновь не нарушитъ мой покой!..

В. Барятинскій.

БАСНИ КРЫЛОВА.

(Для дѣтей старшаго возраста).

I.

ТРИШКИНЪ КАФТАНЪ.

За картой сидя Ильина,
Замыслилъ міръ поправить Тришка.
— „Вотъ что-то тутъ мала страна,
А тутъ какъ будто есть и лишка!
Здѣсь краскѣ голубой лежать какъ разъ чередъ,
А здѣсь должно быть бѣло“...
Портняжны ножницы тутъ Тришка нашъ беретъ
И, руки засучивъ, — за дѣло!
— „Возьму-ка здѣсь расширю я Эльзасъ,
Сюда отъ Бельгіи прирѣжу котловину“...
Хвать ножницами — р-разъ!
Апъ, отъ Галиціи отрѣзалъ половину!
Тутъ Тришка охать и вздыхать, —
Убавитъ тутъ, прирѣжетъ сбоку,
Сувалки съ Калишемъ готовъ къ дырѣ пригнать, —
Да нѣтъ ужъ никакого проку,
И карту бросили въ растопки у печи...

Ой, Тришка, молвлю безъ ироній:
Умѣло съ картой хлопочи,
А то, смотри, лишишься и колоній!..

II.

НАПРАСЛИНА.

Гранату въ сорокъ сантиметровъ
Усачъ-майоръ,
Пустивъ межъ облаковъ и вѣтровъ,
Влѣпилъ во мраморный соборъ.
Хрустя, посыпались осколки благородны.
Главою въ кепи покачавъ,
Его сосѣдъ, съ двуглазкой модной,
Майора укорилъ:—„Что за жестокій нравъ!
Коллега, ты не правъ!“...
Кусаетъ усъ майоръ, горятъ съ конфуза ушки,
Майоръ и самъ не радъ:
— „Попуталъ чортъ, камрадъ!“...
Вдругъ, слышатъ, бѣсъ съ лѣсной опушки:
— „Не стыдно ли, — кричитъ, — всегда клепать на насъ!
Я самъ лишь у тебя учился сей же часъ
И, право, вижу въ первый разъ,
Какъ алтари громятъ изъ пушки“...—

А. Измайловъ.

ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНІЕ ЛЕРМОНТОВУ.

Бѣлѣетъ крейсеръ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ.
Куда онъ держитъ путь далекій
И кто скрывается на немъ?
За нимъ британскій истребитель
Напрасно рвется и спѣшитъ:
Быстрѣй таинственный воитель
Къ брегамъ спасительнымъ летитъ.
Надъ нимъ мелькаетъ флагъ нѣмецкій,
И гербъ Германіи на немъ;
Свой путь онъ правитъ въ портъ турецкій,
Гонимый вражескимъ огнемъ.
Вокругъ шрапнель реветъ и свищетъ,
Команда въ ужасѣ дрожитъ.
Увы! спасенья крейсеръ ищетъ
И отъ сраженія бѣжитъ.
Его манитъ завѣтнымъ краемъ
Вдали нейтральныхъ водъ просторъ,
И представляетъ мирнымъ раемъ
Онъ онѣмеченный Босфоръ:
Здѣсь, въ этомъ морѣ только бури
И гулъ орудій боевой,
А тамъ, въ Босфорѣ, блескъ лазури
И обезпеченный покой.

С. Толстовъ.

ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА.

«Австрійскіе полководцы—Морицъ фонъ-Ауффенбергъ и Викторъ Данклъ награждены большими крестами ордена Леопольда съ мечами.

АУФФЕНБЕРГЪ—ДАНКЛЮ.

Мой славный Викторъ! Честь и слава
Тебѣ, вождю побѣдныхъ силъ!
Свой крестъ за бѣгъ отъ Ярослава
Ты по заслугамъ получилъ.
Я изумленъ: какія ноги!
Какъ разумъ твой великъ и зрѣлъ!
Ты всѣ препятствія дороги
Душою львиною презрѣлъ.
А эти русскіе медвѣди
Остались съ носомъ позади.
Гряди, мой другъ! Гряди къ побѣдѣ!
Во славу Австріи гряди!
И знаешь новость? — Между нами —
Блеснетъ иль нѣтъ россійскій флагъ
На дняхъ надъ вѣнскими стѣнами —
Все жъ намъ дадутъ — и такъ, и такъ,
Опять съ бичами — тьфу! — съ мечами!
Прощай! На Краковъ тороплюсь!
(Сидитъ противный за плечами!)
Смѣлѣе! Noch! Впередъ! Не трусь!

ДАНКЛЬ—АУФФЕНБЕРГУ.

Мой милый Мориць! Ты достоинъ
Креста славнѣй, чѣмъ Леопольдъ.
Ты нашей рати первый воинъ,
Побѣдъ и радости герольдъ.
Ты на исторіи скрижали
Попалъ. Твой бѣгъ быстрѣй мечты!
Куда бъ и какъ мы ни бѣжали,
Всегда у старта первымъ ты!
Пусть косолапый русскій злится,
Что прошмыгнулъ ты черезъ Львовъ!
Да! Коль война еще продлится,
Не знаю — хватитъ ли крестовъ?
Поляки падки до измѣны:
Оставь на Краковъ скользкій путь
И, съ Божьей помощью, до Вѣны
Ты доберися какъ-нибудь!
Прощай! Пора! Отъ Перемышля
Я полечу быстрѣй орла.
(Медвѣди эти снова вышли!)
Hoch, Мориць! Наша, братъ, взяла!

Донъ Базиліо.

ПОЖАРЪ.

Шумѣлъ-горѣлъ пожаръ военный,
Вездѣ кипѣлъ кровавый бой:
Народы къ славѣ дерзновенно
Упорной двинулись гурьбой.

Навстрѣчу нѣмцу и австрійцу,
Расчетовъ алчныхъ далеки,
Идутъ французы и бельгійцы,
Сплотились русскіе полки.

И англичанинъ вышелъ въ море,
Вдали простеръ японецъ длань,
И, гдѣ на радость, гдѣ на горе,
Враги съ врагомъ сошлись на брань.

За право въ битвѣ исполинской
Всѣ бились, кто и какъ умѣлъ,—
И лишь одинъ король румынскій
„Дипломатически болѣлъ“.

И лишь, косясь не безъ опаски,
На рой родныхъ нѣмецкихъ бандъ.
Россіи кисло дѣлалъ глазки
Царь „византійскій“ Фердинандъ.

Да двѣ-три мелкія державы,
Въ тревогѣ сморщивши носы,
Не по державному лукавы,
Глядѣли зорко на вѣсы.

Глядѣли на пожаръ военный:
Гадали, выпятивши грудь,
Куда бы съ честью несомнѣнной,
Куда имъ *съ выгодой* примкнуть.

Танкредъ.

* * *

Телеграммы—и картины:
„Взятъ у нѣмцевъ *призъ*“;
„Полетѣли цеппелины“,—
Но не вверхъ, а внизъ.

Чу, звучитъ въ Нѣмецкомъ морѣ
Канонады гулъ,
Нѣмецъ бьется на просторѣ:
„Крейсеръ затонулъ“.

Съ каждымъ днемъ все войны, войны,
И съ „войной“ — тоска:
„У австрійцевъ безпокойны
Чешскія войска“.

Былъ австріецъ въ сербскомъ краѣ;
Чѣмъ же онъ смущенъ,
Что „оставилъ на Дунаѣ
Лишь одинъ заслонъ“?

Объявивъ войну „во время“,
Былъ Вильгельмъ не глупъ,
Но надулъ родное племя
Плутоватый Крупп.

Францъ-Іосифъ жаждетъ боя
(Въ девяносто лѣтъ), —
Но невѣдомо, — не скрою, —
Живъ онъ, или *нѣтъ*.

Танкредъ.

DER POROTINO.

— Sag'mir, Papachen, вѣдь не даромъ
Берлинъ казакамъ и боярамъ
Случайно отданъ былъ.
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Ну, какъ-нибудь! Ну, хоть какія?
Не даромъ — Jesus und Maria! —
Смирилъ Вильгельмъ свой пылъ?
— „Да! Были люди въ наше время!“
Подъ каской ихъ пылало темя!
Echt пруссаки — не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Глаза Европѣ намозоля,
Какъ зубы — эликсиръ Одоля, —
Не узрѣли Невы.
Мы все на что-то наступали, —
На что и сами мы не знали.
Ворчали старики:
— Что жъ! Шагъ впередъ, назадъ два шага:
Wo gehen wir, mein Freund, ich sage?
Гдѣ наша прежняя отвага?
Гдѣ Friedrich's пруссаки?

И вотъ нашли большое поле,
Гдѣ раненыхъ легло не болѣ,
Чѣмъ штучекъ zehn враговъ.
У нашихъ—ушки на макушкѣ...
Сестра Амалія — вотъ душка! —
Взяла свой ножъ изъ-подъ подушки
И раненый — готовъ!
Стянулъ животъ я шарфомъ туго
И думалъ: „Угости-ка друга!
Я въ плѣнъ сейчасъ сдадусь...“
Что тутъ хитрить? Не свой братъ — голодъ, —
Я жить хочу, еще я — молодъ!
Зачѣмъ испытывать мнѣ холодъ?
Не за Вильгельма усъ!
Два дня мы были безъ сосисокъ,
Предъ нами рядъ пустѣйшихъ мисокъ,
Kein' Würstchen und kein Bier!
Повсюду слышны рѣчи стали:
Куда-нибудь дойдемъ едва ли,
Всѣ генералы наши „швали“,
Und so — нашъ командиръ!
Прилегъ вздремнуть я у лафета
И слышно, что жуетъ тамъ гдѣ-то
Майоръ нашъ фонъ-деръ-Какъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Что намъ, что офицеръ былъ сытый!
Мы знали — будемъ мы побиты,
Придетъ къ намъ der Kosak!
И только засвѣтилось небо,
Мы, не поѣвши даже хлѣба,
Сказали — „O! Wie schön!“

Майоръ фонъ-Какъ рожденъ былъ трусомъ —
Онъ не повелъ sogar mit усомъ
И молвилъ mit Geschmack, со вкусомъ:
— „Пойдемъ, ребята, въ плѣнъ!
„Тамъ жить намъ всѣмъ удобнѣй будетъ,
„Никто насъ драться не принудитъ!
„So wird es, Kinder! Ja!“
За нимъ вослѣдъ мы побѣжали,
Казакамъ ружья наши сдали, —
За то осудитъ насъ едва ли
Im Himmel der Судья!
Ну жъ былъ денекъ! Труднѣй быть круче,
Такую задали намъ взбучу —
Vergessen werd'ich nie!
Пѣхота въ сѣромъ со штыками,
Verflucht Kosaken mit пиками
Кричали, повстрѣчавшись съ нами!
— Гони ихъ всѣхъ! Гони!
Вамъ не видать такихъ сраженій!
Изнемогали мы отъ лѣни,
Und von dem Hunger auch!
Звучалъ булатъ, шрапнель шипѣла,
Майоръ фонъ-Какъ въ траншей засѣла
Es war sehr schlecht für unser тѣло,
Für unser бѣдный Bauch!
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
Что для слона пчелиный жало,
Нашъ генеральный штабъ!
Земля тряслась, тряслися всѣ мы!
Вамъ не видать такой дилеммы!
Не знали мы, зачѣмъ мы, гдѣ мы...
Гдѣ славянинъ, гдѣ швабъ.

Вотъ смерклось. Счастливы мы были,
Что подкрѣпить могли мы силы
Въ любезномъ намъ плѣну.
Онъ sehr gemütlich, garnicht тѣсенъ,
Намъ дали trinken, дали essen...
Ахъ! русскій плѣнъ ist so чудесенъ —
Мы предалися сну!
Вотъ затрещали барабаны,
И мы пошли всѣ, какъ бараны,
Mit dem майоръ фонъ-Какъ.
Насъ размѣстили по вагонамъ,
Не глядя, кто — простой, кто съ „фон'омъ“,
Не взявъ ни гроша für „прогон'ен“...
Der русскій ist дуракъ!
Да, были люди въ наше время!
Подъ каской ихъ пылало темя.
Echt пруссаки — не вы.
Плохая имъ досталась доля:
Глаза Европѣ намозоля,
Какъ зубы эликсиръ Одоля, —
Не узрѣли Невы!..

В. Барятинскій.

ГОРДОСТЬ ГЕРМАНІИ.

Вильгельмъ [канцлеру]:

— Любезный Бетманъ, мнѣньемъ свѣта
Мы не должны пренебрегать.
Цѣня нейтральную печать,
Прошу, не дѣлая секрета,
Мнѣ откровенно разсказать,
Чѣмъ занята въ Европѣ пресса?

Бетманъ-Гольвегъ [смущенно]:

— Нѣтъ, въ этомъ мало интереса!
А, впрочемъ, ире майестетъ,
Я доложу вамъ откровенно,
Что вашъ кронпринцъ дивитъ весь свѣтъ
И отличается отмѣнно.

Вильгельмъ [довольный]:

— Да, я ручаюсь головой,
Что нашъ кронпринцъ большой герой,
И имъ довольны всѣ берлинцы...
Но что же пишутъ о кронпринцѣ?..

Бетманъ-Гольвегъ [смущенно]:

— Увы! — нейтральная печать
На дняхъ рѣшилась написать,
Что, популярнымъ ставъ отнынѣ,
Вашъ уважаемый сынокъ
Забрался къ нѣкой герцогинѣ,
Залѣзъ въ подвалъ, взломалъ замокъ
И тамъ похитилъ все, что могъ!

Вильгельмъ [сіяя]:

— Мой канцлеръ, вѣстью столь блестящей
Меня порадовали вы!
Онъ Гогенцоллернъ настоящій,
Всѣ наши предки таковы!
Узнавъ объ этомъ, я спокойно
Могу отнынѣ умереть,
И, какъ наслѣдникъ мой достойный,
Онъ мой престижъ поддержитъ впредь.

Бетманъ-Гольвегъ [съ сомнѣніемъ]:

— Конечно, это безподобно
И лестно, пре майестетъ,
Но все же какъ-то неудобно
И удивляетъ цѣлый свѣтъ,
Что вы, какъ древній римскій кесарь,
Ведете въ бой свои полки,
А вашъ сынокъ, какъ жалкій слесарь,
Ломаетъ въ погребѣ замки,
Пуская въ дѣйствіе отмычки...

Невольно всякій скажетъ тутъ,
Что столь плебейскія привычки
Сынку Вильгельма не идутъ.

Вильгельмъ [строго]:

— Любезный канцлеръ, вамъ, конечно,
Его души не оцѣнить;
Но я доволенъ имъ сердечно
И одобряю эту прыть:
Сегодня, стыдъ отбросивъ смѣло,
Замки ломаетъ онъ умѣло,
А завтра, дѣйствуя съ умомъ,
Онъ завоюетъ все кругомъ,
Ограбитъ полюсъ и экваторъ
Для вящшей славы пруссаковъ
И разгромитъ моихъ враговъ...

Кронпринцъ [входя]:

— Мое почтенье, либеръ фатеръ!
Я вамъ привезъ подарковъ рядъ...

Вильгельмъ [довольный]:

— Да, всѣ газеты говорятъ,
Что ты лихой экспропріаторъ,
И я, мейнъ либеръ, очень радъ!

Кронпринцъ [хвастливо]:

— Ты оцѣнилъ меня и понялъ,
И я не хвастаясь скажу,
Что въ замкахъ Франціи слимонилъ
Немало рѣдкостныхъ бижу.

Вильгельмъ [растроганный]:

Ты посланъ мнѣ на утѣшенье!..
Приди въ объятія мои!

[Нѣжно его обнимаетъ].

Бетманъ-Гольвегъ [прослезившись, въ сторону]:

— Я ошибался, безъ сомнѣнья.
Нельзя не чувствовать почтенья
Передъ подобными людьми!..

Хафизъ.

ГУСИ.

Бельгійцевъ четверо иль пять
Вели десятокъ нѣмцевъ плѣнныхъ,
И, правду истину сказать,
Вели безъ почестей отмѣнныхъ.
Солдатъ ужъ я и не виню,
Но нѣмцы иначе объ этомъ толковали
И на охрану такъ промежъ собой пеняли:
— „Вотъ варвары! Любому пню
Не надобно внушать, что быть должны въ почетѣ,
Кто міру дали Шиллера и Гете!..“
— Ты Лессинга забылъ! — прибавилъ канониръ.
— „А Фихте, Шеллингъ, Кантъ и Гегель?..“
— „А Шопенгауеръ не удивилъ ли міръ?..“
— „А Гердеръ, Заксъ, Новалисъ, Шлегель?..“
Услыша трескъ именъ, капралъ
Невѣрнымъ языкомъ, но вѣрно имъ сказалъ:
— „Отцы и сыновья — какая перемѣна!
Да, ваши предки — соль земли,
Но рѣчь о нихъ вы здѣсь некстати завели, —
Вѣдь мы въ окрестностяхъ... Лувена,
И держимъ путь на... Шантильи!..“

А. Измайловъ.

КОНЕЦЪ ГЕРМАНІИ.

Прессъ настольный мой, чернильница,
Карандашъ, свѣча и мыльница,
Чемоданъ, портфель, — все съ знаками:
«Это сдѣлано пруссаками»,
«Это сдѣлано въ Германіи»...
Всѣ полны германоманіи,
Брали вещи съ этикеткою,
Изготовленной сосѣдкою:
Котелки, брюкодержатели,
Самокаты и учебники...
Моды пошлой подражатели,
Дикой Пруссіи нахлѣбники,
Брали мы по завѣщанію
Перлы прусскаго творенія
И прославили Германію,
Какъ промышленнаго генія,
Какъ страну цивилизаціи,
Какъ страну культуръ и знанія.
И кричали: „Вотъ такъ нація!
О, Германія! Германія!“

Преклоняясь предъ завѣтами
Канта, Момзена и Гегеля,
Предъ германскими поэтами
И предъ бонной изъ-за Прегеля,
Почитали мы святынею
Всю труху и пошлость Михелей
И вели Россію въ линію
По желанію Клейнмихелей.
Съ наслажденьемъ бредни дикія
Мы жевали ницшеанскія
И считали за великія
Всѣ идеи пангерманскія.
Но пришла пора, съ подкладкою
Мы освоились германскою,
Какъ напалъ на насъ украдкою
Кайзеръ съ бандой хулиганскою,
И, сверкнувъ стальной культурою,
Сталъ онъ жечь цивилизацію
И своею диктатурою
Задавилъ бельгійцевъ націю:
Палъ Лувенъ, Брюссель съ Антверпеномъ...
Край бельгійцевъ смять разбойникомъ,
Но, съ терпѣньемъ неисчерпаннымъ,
Этотъ край не сталъ покойникомъ,
Въ часъ рыданій, въ часъ мученія,
Въ дни сиротства безысходнаго
Два столкнулось нынче генія
Въ царствѣ подвига народнаго:
Геній крови, разрушенія,—
Геній дьявола Германіи,—
Налетѣлъ стрѣлой на генія—
Обновленья міровданія.

Съ высоты небесъ снарядами
Цеппелинъ предалъ все пламени,
Не разрушивъ канонадами
Героическаго знамени.
Такъ когда-то гунны дикіе
Стадной тучей въ міръ нахлынули
И, сгубивъ края великіе,
Были прокляты — и сгинули.
Пусть орда явится прусская,
Лиходѣйствуетъ Германія!
Велика равнина русская,
И растутъ ея дерзанія.
Взвѣситъ рокъ всеискупающій
Эти жертвы всѣ громадныя,
Этотъ міръ, въ огнѣ страдающій,
Эти слезы безотрадныя, —
Безпощаднымъ осужденіемъ
Заклеймитъ онъ силу грубую
И анаѳему ихъ геніямъ
Возгласитъ съ небесъ сугубую.

Омикронъ.

ЧТО ДУМАЕТЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ II, КОГДА ЕМУ НЕ СПИТСЯ?

Завязли мои батальоны,
Бездѣйствуетъ загнанный флотъ...
„Отдай мнѣ мои легіоны,
„О, Варъ, Варъ!“ вопитъ весь народъ.

Полмѣсяца длится осада...
Фонъ-Бюловъ въ сраженьи убитъ...
Британскаго флота блокада
Голодною смертью грозитъ.

И все жъ отрѣшиться мнѣ трудно
Отъ прежнихъ хвастливыхъ химеръ...
А совѣсть злорадствуетъ нудно:
„Mein Liebchen, was willst du noch mehr?“

В. Мазуркевичъ.

ОБЫЧНОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Надѣвъ стѣснительныя узы
На прусскій дерзостный наскокъ,
Въ Эльзасѣ храбрые французы
Бьютъ нѣмцевъ вдоль и поперекъ.

И, точно облитые варомъ,
Бѣгутъ тевтоны отъ враговъ...
Французской зеленью не даромъ
Всегда выводятъ *пруссаковъ*.

В. Мазуркевичъ.

НИ БОГУ СВѢЧКА, НИ ЧОРТУ—КОЧЕРГА.

I.

«Кто не является вѣрующимъ христіаниномъ, тотъ не можетъ быть порядочнымъ человѣкомъ и прусскимъ солдатомъ».

II.

«И если пробьетъ часъ, когда мнѣ придется приказать вамъ стрѣлять въ своихъ родственниковъ, братьевъ, даже въ отца и мать, тогда не забывайте о своей присягѣ» (23 ноября 1891 г.). (Отрывки изъ рѣчей Вильгельма).

Какъ трудно быть солдатомъ прусскимъ...
Ходитъ весь день, маршировать,
Быть стянутымъ мундиромъ узкимъ
И „научаться побѣждать“...

Топорщить при походкѣ плечи,
Переносить морозъ и зной
И каждый вечеръ слушать рѣчи
Изъ устъ Вильгельма!.. Боже мой!..

Возможно все для человѣка,
Но — рѣчи, рѣчи... О, мой Богъ!

Мнѣ кажется, что самъ Сенека
Отъ нихъ съ ума сойти бы могъ!.,

Къ какой невылившейся школѣ
Примкнулъ нѣмецкій фантазеръ?..
Онъ каждый вечеръ въ новой роли,
Точь-въ-точь — ремесленникъ-актеръ...

Вчера громилъ развратъ и пьянство,
Сегодня бьетъ соціализмъ;
Вчера онъ славилъ христіанство,
Сегодня же — милитаризмъ...

Бываютъ и на солнцѣ пятна
(Я самъ ихъ видѣлъ „сквозь очки“),
Но, право, что-то непонятны
Такіе рѣзкіе скачки!..

Вчера лишь онъ твердилъ: „Солдаты,
Вашъ долгъ безропотно стрѣлять,
Хотя бы вмѣсто супостата
Предъ вами сталъ отецъ иль мать“...

Сегодня жъ онъ твердитъ елейно
(Скажите, гдѣ же тутъ резонъ?):
„Ходите въ храмъ благоговѣйно
И чтите Божескій законъ!..“

Размыслилъ я надъ этимъ строго,
И стало какъ-то страшно мнѣ: —
Возможно ли молиться Богу
И слать улыбки — Сатанѣ?...

Ягo.

ГЕРЦОГИНЯ ЛЮКСЕМБУРГА.

Согласно сообщеніямъ «Exchange Company» герцогиня Люксембургская выселена въ Германію и заточена въ замокъ близъ Нюренберга.

Герцогиня Люксембурга
Воспротивилась ярму—
Герцогиню Люксембурга
Нѣмцы бросили въ тюрьму.
Нѣтъ предѣловъ злобной мести
Грубой силы—правъ тевтонъ.
Такъ! Но... гдѣ же голосъ чести?
Гдѣ же рыцарства законъ?!.
Голосъ чести?.. Экимъ вздоромъ
Ты насъ думалъ удивить!—
Развѣ можно мародерамъ
О безчестьи говорить?
Иль не видишь: шлемъ и латы
Тѣло смерда облекли,
И не рыцари—пираты
Счеты съ женщиной свели!

Василій Князевъ.

НА ЗИГЕСЪ-АЛЛЕ.

Говорятъ, передъ войною
На берлинской Зигесъ-алле
Всѣ нѣмецкіе курфюрсты
Ровно въ полночь оживали,
Карлы, Фридрихи, Вильгельмы
И Оттоны въ блескѣ лунномъ
Собпрались молчаливо
Передъ Бисмаркомъ чугуннымъ,
И толпою обсуждали,
Грозны, веселы и рьяны,
Кровожаднаго Вильгельма
Сокрушительные планы,
Громогласно прославляли
Доблесть прусскаго мундира
И въ добычу обѣщали
Побѣдителю полміра,
Толковали о побѣдахъ
Бравыхъ прусскихъ генераловъ
И потомъ влѣзали чинно
На верхушки пьедесталовъ,

И на мраморныхъ подставкахъ,
Бравымъ шуцманамъ на диво,
Цѣлый день стояли грозно,
Ухмыляясь горделиво...

* * *

Но промчались три недѣли,
И на славной Зигесъ-алле
Знаменитые курфюрсты
Стали ржавѣть отъ печали.
Ровно въ полночь съ пьедесталовъ
Сходятъ грустные Оттоны,
Карлы, Фридрихи, Вильгельмы
И пфальцграфы, и бароны
И толпою молчаливой,
Выступая въ блескѣ лунномъ,
Собираются уныло
Передъ Бисмаркомъ чугуннымъ.
И, сердито сдвинувъ брови,
Грозный канцлеръ съ видомъ мрачнымъ
Имъ толкуетъ безнадежно
О Вильгельмѣ Неудачномъ;
Грозный канцлеръ заявляетъ
Съ чувствомъ гнѣва и печали,
Что послѣднему Вильгельму
Не стоять на Зигесъ-алле;
И, кивая головами,
Безнадежно и сердито,
Возвращаются курфюрсты
На подставки изъ гранита...

Wega.

ИЗЪ «СЕНСАЦІЙ» МАДАМЪ ДЕ-КУРДЮКОВОЙ.

...Понемногу я мирюсь
Съ *карактэръ дю пёпль рюссъ*.
Поставлять на всѣхъ привыкли
Мы сырые всѣ *артикли*,—
Рожь, овесъ, окорока,
Жили тихо *санъ фрака*,
Все твердили про *ля пэ* мы
И другой не знали темы:
Жаръ къ войнѣ въ себѣ убивъ,
Онъ э трэ миролюбивъ...
Но проснулось ретивое,
Насъ задѣло за живое,—
Съ пѣньемъ, съ флагами зарю
Мы встрѣчали *сюръ ля рю*...
Полонъ духъ теперь подъема,
Ждемъ къ себѣ *руа Гильома*:
А ля герръ комъ а ля герръ,—
Жалуй запросто, *мейнъ герръ*,
Мы тебя честь-честью встрѣтимъ,
Чтобы памятна и дѣтямъ

Встрѣча вышла... Да смотри жъ,
Захвати съ собой *Отришъ*.
Австріяки тѣ же швабы,
Различилъ ихъ кто едва бы:
Тотъ иль этотъ—*ля мемъ шозъ*...
Угостимъ васъ хорошо-съ!
Чѣмъ? Ну, право, *же не сэ па*...
Не гляди, *мейнгерръ*, свирѣпо.
Лучше вспомни *ля тирадъ*:
Чѣмъ богатъ кто, тѣмъ и радъ.
А судьбой дано *ришессъ намъ*
Въ единеньи нашемъ тѣсномъ,
И тебя, *руа Гильомъ*,
Встрѣтимъ всѣ мы *комъ энъ омъ*!..

Бенедиктъ.

ИЗЪ ТЕТРАДИ ПАРОДІЙ.

(Гейне).

ГРЕНАДЕРЫ.

Въ Баварію два гренадера
Изъ русскаго плѣна брели—
Мотивы войны вспоминали
И вспомнить никакъ не могли.
Пришлось разгромить имъ бельгійцевъ,
Разрушить и Реймскій соборъ;
Метались съ востока на западъ—
Зачѣмъ?—не поймешь до сихъ поръ!
Печальныя видя картины,
Одинъ изъ нихъ вымолвилъ: „Братъ!
„Не радъ я такимъ результатамъ,
„Картинамъ разгрома не радъ“.
„Другой отвѣчаетъ: „Товарищъ,
„Кому же по сердцу разгромъ?
„Кой чортъ насъ заставилъ Вильгельму
„Во всемъ подчиняться, во всемъ?
„И я жилъ съ семьею не бѣдно,
„Имѣя привычку къ труду...

„Теперь вотъ просить Христа-ради
„Съ женой и дѣтьми, знать, пойду.
„Исполни завѣтъ мой, коль скоро
„Окончу солдатскіе дни:
„Ступай ты въ Берлинъ и Вильгельма
„Въ глаза за войну прокляни.
„Ты въ подлыхъ обманахъ убійцу
„Предъ всею страной обличи,
„А орденъ за бой подъ Лувеномъ
„Ногами предъ нимъ растопчи.
„И мирно и чутко я буду
„Лежать подъ родною землей.
„Наступитъ пора—и услышимъ
„Призывъ мы къ побѣдѣ иной:
„Свергается злой Гогенцоллернъ,
„Знамена свободы шумятъ!..
„И выйдетъ подъ нихъ разоренный,
„Обманутый нѣмецъ-солдатъ!“

Сэръ Гэй.

ТРИЗНА БОЛЬШИХЪ ПОХОРОНЪ.

(Покушеніе на Лермонтова).

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ Терека волны бѣгутъ,
Старинная башня стояла...
А, можетъ быть,—все это врутъ.

Но вотъ, что я знаю навѣрно—
Молва здѣсь соврать не могла бъ:
Былъ домъ съ репутаціей скверной
И жалобной вывѣской „Штабъ“.

При главной австрійской квартирѣ
Тотъ домъ для чего-то стоялъ;
Въ немъ жилъ—и въ довольствѣ, и въ мирѣ—
Какой-то хромой генералъ.

И тамъ, сквозь туманъ полуночи,
Блисталъ золотой огонекъ,
Бросался онъ путнику въ очи,—
И путникъ бѣжалъ наутекъ.

И слышался голосъ унылый:
— Желаете правду узнать?..
Кого-то желанье прельстило:
— А мнѣ что... Пойду... Наплевать...

Въ солидно обставленномъ залѣ,
Въ парадную форму одѣтъ,
Сидѣлъ генералъ, и стояли
Сотрудники вѣнскихъ газетъ.

Всѣ были въ ужасномъ азартѣ,
Кто съ книжкой, кто просто съ листомъ,
И самъ генералъ имъ на картѣ
Показывалъ что-то перстомъ.

— ...Здѣсь встрѣтили мы ихъ съ отвагой...
— Здѣсь русскіе сброшены въ ровъ...
— Здѣсь... Гм...—прикрывалъ онъ бумагой
То мѣсто, гдѣ значился Львовъ.

— Здѣсь русскіе будутъ напрасно
Пугать—не боимся атакъ...
— Здѣсь смертью погибли ужасной
Двѣ сотни... пфуй!—этихъ... casak...

Во всѣ генеральскія мысли
Впивались газеты взасосъ...
И уши у путника висли,
И бѣгалъ по кожѣ морозъ...

Хотѣлъ бы онъ выпрыгнуть смѣло,
Но зналъ, что настанетъ чередъ—

Его бездыханное тѣло
Домой часовой унесетъ.

И тихо покойничекъ ляжетъ,
Какъ пень, у крыльца своего...

И мать престарѣлая скажетъ:
— Навѣрно, заврали его...

Арк. Буховъ.

АВСТРІЙСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Австрійскій эрцгерцогъ отозванъ
изъ арміи въ Вѣну.

(Изъ газетъ).

Спи, эрцгерцогъ мой прекрасный,
Баюшки-баю...
Проливать тебѣ напрасно
Въ битвахъ кровь свою.
Я тебѣ о швабской каскѣ
Пѣсенку спою,
Ты жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю...

Въ этой каскѣ, бравый съ виду,
Смѣло шелъ ты въ бой
И не дать себя въ обиду
Поклялся душой,
Грозно велъ ты на Варшаву
Армію свою...
Спи жъ, забывъ былую славу,
Баюшки-баю...

Но тебя разбилъ жестоко
Кровожадный врагъ,
Храбрыхъ швабовъ раньше срока
Напугалъ казакъ.
Ты сѣдельце боевое
Потерялъ въ бою...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю...

Прибѣжалъ, доспѣхи сбросивъ,
Ты пѣшкомъ домой,
И почтенный Францъ-Іосифъ
Планъ одобрилъ твой,
Отдалъ нѣмцамъ ты любезно
Армію свою...
Спи, эрцгерцогъ безполезный,
Баюшки-баю...

Послѣ доблестныхъ сраженій
И нежданныхъ бѣдъ
Отдохнуть ты можешь въ Вѣнѣ
Отъ своихъ побѣдъ.
Прусскій кайзеръ за сраженья
Будетъ отвѣчать,
Ты же, швабовъ утѣшенье,
Можешь крѣпко спать...

Wega.

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО [1])

(ПѢСНИ И ЧАСТУШКИ).

I. МОБИЛИЗАЦІЯ И СБОРЫ НА ВОЙНУ.

1.

Не думалось — пришлося
Съ нѣмцемъ воевать,
Не хотѣлося парнишкѣ
Свою Параньку покидать.

Нынче годъ пошелъ военный,
Нѣмецъ хочетъ воевать,
Мнѣ, молоденьку мальчишкѣ,
Войны не миновать.

Ванька, родный братецъ,
Привыкай ружейцемъ брякать,
Ружьемъ брякать и стрѣлять,
Пойдешь съ нѣмцемъ воевать.

---

[1]) Наравнѣ съ интеллигенціей, съ профессіональными писателями и поэтами, и простой народъ далъ въ своемъ творчествѣ отраженія современной войны съ разныхъ сторонъ ея проявленія. Пока въ нашей литературѣ занесено еще немного изъ этого творчества, но тѣмъ не менѣе мы считаемъ нужнымъ и это немногое помѣстить здѣсь, дабы читатель могъ судить о чувствахъ и настроеніяхъ простого народа. Приведенные образцы народнаго творчества записаны на мѣстахъ въ разныхъ районахъ Россіи.

Не думай, тятя мой,
Что я пахарь полевой;
Вѣдь я, молоденькій мальчишка,
Солдатикъ боевой.

Охи-ахи, охи-ахи,
На насъ напали австріяки.
Куда лѣзешь, бусурманъ,
На насъ, русскихъ крестіянъ.

На границѣ, вѣдь, не дома,
Сапоги, шинель готова.
Кашу грешневу варя,
Нѣмцевъ бить лишѣй веля.

Не плачь, моя ты женка,
Что я иду на войну,
Нѣмца убьемъ и расколотимъ,
Опять къ тебѣ приду.

Послѣ войны ужъ всѣ попьемъ,
Впередъ на нѣмца мы пойдемъ,
Съ войны придемъ — жениться будемъ,
По пригоженькой возьмемъ.

Буду пить и веселиться, —
Все равно не сдобровать,
Буду нонѣшнюю осень
На отчаянность гулять.

Погуляемъ, сколько знаемъ,
Покутимъ, сколько хотимъ:

Послѣ первыхъ морозцевъ
Мы въ солдаты укатимъ.

У меня, у некрута,
Слезы льются, что рѣка,
Слезы льются и бѣгутъ:
Завтра — въ городъ повезутъ.

Ты играй, играй, гармошка,
Зеленые мѣхи,
Какъ сдадутъ меня въ солдаты, —
Разорву тебя съ тоски.

Не думалось — пришлося
Съ нѣмцемъ воевать,
Не хотѣлося парнишкѣ
Свою Параньку покидать. —

2. ФАБРИЧНАЯ.

— Засосало сердце больно,
Не берутъ насъ на войну.
Невозможно даже вольно
Намъ итти на нѣмчуру...
Съ горя радъ бы удавиться,
Раздавить бы стакачу...
. . . . . .
Мнѣ ли слюни распушшать.
Будто нѣтъ и намъ названья.
Будемъ дѣлу помогать:

День и ночь сверлить гранатки
Нынче намъ всурьезъ велятъ.
И Россіи, значитъ, маткѣ —
Что солдатъ ты въ жаркой схваткѣ.
. . . . . .

3. ТЮРЕМНАЯ.

— Зоветъ гроза насъ боевая,
А мы сидимъ въ тюрьмѣ...
Судьбу неволи проклиная,
Горимъ, какъ всѣ, въ своей тоскѣ.

II. ВОИНА.

1. Утромъ рано на разсвѣтѣ [1])
Повели насъ на атаку,
Чтобъ съ австрійцемъ долгоногимъ
Мы скорѣй вступили въ драку.

Подвезли къ лощинкѣ рядомъ,
Гдѣ стояли батареи,
И настрого повелѣли,
Чтобъ тихохонько сидѣли.

---

[1]) Эта пѣсня сложена была въ окопахъ и распѣвалась подъ звуки разрывавшихся шрапнелей. Авторы ея, повидимому, солдатъ Андрей Бандура и его товарищъ

Долго, долго мы сидѣли,
И нашло на насъ дремленье.
Вдругъ вой вражеской шрапнели
Разогналъ нашъ сонъ въ мгновенье.

Мы съ Бандурой окопались
И залѣзли въ ямку,
Стали слушать, какъ шрапнели
Тянутъ свою лямку.

Трахъ, трахъ, трахъ!—трещатъ шрапнели,
Трахъ, трахъ трахъ! У насъ въ сердцахъ
Точно шмели загудѣли,
Наводя ужасный страхъ.

Наконецъ, пальба затихла,
Наступилъ миръ, тишина,
Мы съ Бандурой, сидя въ ямкѣ,
Вспоминали времена.

Рузскій, бравый командиръ,
Штурмовой надѣлъ мундиръ,
За врагами—черезъ Санъ—
Мажетъ нѣмца по усамъ.

Нѣмцы храбро отступали,
Не взрываючи мостовъ,
Мы за ними поспѣшали
И вступили въ городъ Львовъ.

Почему тотъ Львовъ нѣмецкій?
Тамъ все русскіе живутъ.
Нѣмцы тяжко ихъ терзаютъ,
Больно мучаютъ и бьютъ.

ПѢСНЯ [1]).

2. Изъ-за лѣса, лѣса копій и мечей
Ѣдетъ сотня казаковъ да усачей...
Эй, говоритъ! —
Ѣдетъ сотня казаковъ да усачей.

Передъ ними есаулъ да молодой
Ведетъ сотню казаковъ да за собой...
Эй, говоритъ! и т. д.

А за ними все сибирскіе стрѣлки,
Все штыками, какъ щетиной, обросли...
Эй, говоритъ! и т. д.

Какъ въ Варшавѣ отстояли мы мосты,
Всѣ красавицы бросали намъ цвѣты...
Эй, говоритъ! и т. д.

Подъ Варшавой мы стояли, какъ стѣна, —
Пуля сыпалась, жужжала, какъ пчела...
Эй, говоритъ! и т. д.

Будутъ дѣти, внуки долго поминать,
Какъ Варшаву отстояла наша рать...
Эй, говоритъ! и т. д.

[1]) Пѣсня эта очень популярна въ сибирскихъ полкахъ. Запѣвало словно бросаетъ первую строчку, а хоръ отзывается разомъ, и ему вдогонку летитъ короткій речитативъ: «Эй, говоритъ!» и разливанное заключеніе повторяетъ послѣднія слова.

Отъ Варшавы Нѣмца гнали предъ собой,
Что ни лѣсъ, что ни деревня, — славный бой!
Эй, говоритъ! и т. д.

Будутъ нѣмцы помнить долго про стрѣлковъ,
Про сибирскихъ нашихъ чудо-молодцовъ!
Эй, говоритъ! и т. д.

Какъ дойдемъ мы до Берлина-городка,
Не останется отъ нѣмцевъ и слѣдка...
Эй, говоритъ! и т. д.

А вернемся мы въ родимые лѣса,
Приведемъ домой Вильгельма за уса!
Эй, говоритъ! и т. д.

III. ЖЕНСКІЯ ЧАСТУШКИ.

Сдали Шурочку въ солдаты
И угнали на войну,
Не успѣли срисоваться
Съ нимъ на карточку одну.

Въ нашемъ полѣ восемь сосенъ,
А девятая-то ель;
Посмотрѣла бы на Шурочку —
Пристала ли шинель.

Я любила и люблю
Солдатика военнаго,
Ни за что не измѣню
Свово слова вѣрнаго.

17*

Сдали, сдали дорогого,
Наживать велятъ другого.
Я не буду наживать,
Буду съ солдатовъ дожидать.

Дождикъ, лей, дождикъ, лей
На меня и на людей;
На солдатика мово
Не капни разу одного.

Вари, матушка, яишню,
Въ городъ Галичъ Шуркѣ вышлю;
На десяту батарею
Ста яицъ не пожалѣю.

Дни и ночи напролетъ
Дѣвушка горюетъ,
Часты пѣсенки поетъ,
По миломъ тоскуетъ.

„Сдали, сдали, въ даль угнали,
Близко самъ не захотѣлъ,
Свился сизымъ голубочкомъ,
Въ городъ Галичъ полетѣлъ“.

„Скучаю, миленькій, по вамъ,
Какъ сѣра пташка по полямъ;
Какъ жива рыба по водѣ,
Такъ я, миленокъ, по тебѣ“.

Осень темна настаетъ,
Въ рощахъ вѣтеръ дуетъ,
Дѣвка пѣсенки поетъ,
По миломъ тоскуетъ:

„Дождикъ, лей, дождикъ, лей
На меня и на людей;
На солдатика мово
Не капни разу одного!“

IV. САТИРА.

1. Нѣмецъ пивомъ облакался,
Съ пьяныхъ глазъ въ войну ввязался,
Думалъ голымъ рукамъ взять,
А пришлось повоевать.

Нѣмцу дома не сидится,
Понаскучилъ ему „бируъ“,
Знать желаетъ нѣмецъ биться,
Коль нарушилъ съ нами миръ.
Будетъ нѣмецъ долго знать,
Какъ съ Россіей воевать!

Ахъ ты, нѣмецъ-остроусъ,
Я усовъ-то не боюсь,
Меня усомъ не спугаешь,
Я россійскій, а не трусъ.

Ужъ какъ наши-то ребята
Не боятся нѣмчуры,
Какъ поймаютъ супостата,
Отчухаютъ за вихры.

2. Вотъ такъ нѣмцы, ой-да ну,
Объявили намъ войну.

Русь, французы, англичане
Нѣмцамъ тѣмъ же отвѣчали.

Австро-венгры и пруссакъ,
Какъ попали вы впросакъ!

Францъ-Іосифъ, старъ и сѣдъ,
Ты надѣлалъ много бѣдъ

И пошелъ войной не къ году
На бѣду сваму народу.

И на дѣлѣ такъ и вышло:
Русскіе у Перемышля.

А когда возьмемъ Краковъ,
Ты тогда будешь каковъ?

Понемногу, въ перемѣну,
Мы взойдемъ къ тебѣ и въ Вѣну.

Бьемъ германцевъ, этихъ хамовъ,
Они стали хуже хановъ.

Императоръ ихъ — вампиръ,
Пролилъ крови на весь міръ.

Его нѣмцы — звѣри, хамы,
Разбиваютъ древни храмы.

3. Шли въ Гумбину мы на нѣмца,
Говорили, — нѣмецъ строгъ,
На него пошли въ атаку,
А онъ стонетъ: „охъ“ да „охъ“!

Австріякъ, не зная броду,
Занялъ грозно городъ Броды,
И со всѣхъ нѣмецкихъ ногъ
Ломитъ къ намъ черезъ порогъ.

Тутъ, откуда ни возьмися,
На кобылкахъ казаки.
Шашкой, пикой и винтовкой
Сыплютъ нѣмцу тумаки.

Запѣвало [1]).

4. Похлебали каши съ щами.
Барабанъ ударилъ сборъ.
Будетъ драка съ нѣмчурами,
Будетъ съ нѣмцемъ жаркій бой.

Хоръ.

Сколько нечисти-то всякой,
Эфтихъ самыхъ пруссаковъ,
Словно разныхъ таракановъ,
Комарей али клоповъ.

Запѣвало.

Лѣзетъ нѣмецъ на рожны,
Нельзя шашку класть въ ножны.

---

[1]) Поется съ гармоникой и съ хоромъ.

Австріяки на рожонъ,
Выну шашку изъ ножонъ.

Хоръ.

Здѣсь австріецъ, тамъ пруссакъ,
Мы ихъ этакъ, мы ихъ такъ.
Францъ-Іосифу по шеѣ,
А Вильгельма — по башкѣ.

Запѣвало.

Хотѣлъ нѣмецъ пообѣдать,
Шелъ спесиво на Парижъ.
Далъ хранцузъ ему отвѣдать
Изъ свинца и стали „фишъ“.
Мы подъ Ломжей угостили, —
Кушаньевъ—хоть выбирай,
Хлѣбосолка мать-Россія,
Ужъ накормитъ, такъ и знай.

Хоръ.

Вотъ те каша, вотъ — бобы,
Вотъ — горохъ, вотъ — пироги.
Вотъ те сало, а вотъ — смалецъ,
Что жъ ты, ворогъ, пляшешь валецъ?
Мы его все хлопъ да хлопъ,
А ёнъ падаетъ въ окопъ.

5. Закрутивши кверху усъ,
Батюшки!
Нѣмецъ двинулъ на французъ,
Матушки!
Сыпетъ на городъ Парижъ,
Батюшки!

Ой, тамъ, нѣмецъ, угоришь,
Матушки!
За француза англичанъ,
Батюшки!
Поймалъ нѣмца на арканъ,
Матушки!
Нѣмецъ въ Гельбію идетъ,
Батюшки!
А гелбыецъ нѣмца бьетъ,
Матушки!
Съ колбасою австріякъ,
Батюшки!
А на нѣмцевъ сербіякъ,
Матушки!
А россейскій нашъ народъ
Батюшки!
И япошка гонитъ флотъ,
Матушки!
Колбасу гнутъ въ три дуги,
Батюшки!
Нѣмецъ пляшетъ въ три ноги,
Матушки!

6. Нѣмчура совсѣмъ зазнался,
Своей силой похвалялся.
Иха, оха, иха, оха,
Видно, будетъ дѣло плохо.
„Никого я не боюся,
До Россеи доберуся“.
Иха, оха, иха, оха,
Дѣло будетъ больно плохо.

Сталъ войною онъ грозиться,
А на эфто русскій злится.
Иха, оха, иха, оха,
Нѣмцу будетъ очень плохо.
До Россеи онъ добрался,
Да въ однихъ порткахъ остался.
Иха, оха, иха, охъ,
Братцы, нѣмецъ нашъ подохъ!

7. Какъ пришли мы за границу
Въ Истербургъ тотъ городокъ,
А у нѣмца усъ — что спица,
Онъ кричитъ, что силы, „охъ“.

Наши „бабушки“ чихнули,
Заперхалъ нашъ пулеметъ,
Полетѣли съ ружьевъ пули,
Подвело нѣмцу животъ.

Руки кверху, морда кисла,
Инъ не сладко воевать,
Будешь долго помнить Вислу
И россейску нашу рать.

8. Подобрали нѣмцы штанцы,
Грѣхъ какой!
Побѣжали къ царю Францу:
Эхъ ты ну!
Побросали ружья, пушки,
Грѣхъ какой!
Растеряли всѣ онучки,
Эхъ ты ну!

9. Сучья дочь Германія
Съ древнимъ Австріи хрычомъ.
Чорта съ два компанія
Къ намъ попала слѣпачомъ.

Чай зѣнки залила пивомъ,
Не туда полѣзли вы...
Съ некрасивымъ очень видомъ
Обернетесь послѣ вы.

10. Нѣту, нѣту фонаря
Вѣшать нѣмскаго царя;
Мы его возьмемъ живьемъ,
Ротъ-то проволкой зашьемъ,
Усы сбреемъ тесакомъ,
А чесать будемъ штыкомъ.

11. Государевымъ приказомъ —
Всѣ казенки къ шаху разомъ, —
Нѣтъ вамъ, пьяницы, вина, —
Теперь съ Германіей война!
Эхъ, какъ казеночку закрыли —
Всѣ пьянчуги завопили:
Изъ-за подлаго нѣмца
Не выпьешь рюмочки винца!
Какъ на наше нынѣ горе
Всѣ казенки на запорѣ,
Нѣтъ ни пива, ни вина,
Только съ Германіей война.
У насъ казеночку закрыли,

Я объ ней не заревлю,
Попаду когда въ солдаты—
Всѣхъ германцевъ изрублю.
Теперь казеночку закрыли,
Будемъ денежки копить;
Пойдемъ за родину сражаться,
Чтобы Германію побить.

ДОБАВЛЕНІЕ

БЛАГОВѢСТЪ БОЯ.

Я слышу, какъ въ пустынѣ темной,
Гдѣ полночь ширитъ свой шатеръ,
Надъ бездной благовѣстъ объемный
Заводитъ съ Богомъ разговоръ.

Водоворотное стремленье
Враждебныхъ полчищъ пронеслось, —
И выше грома пушекъ — пѣнье,
И ярче крови — росы слезъ.

Пусть Дьяволъ брани бьетъ въ свой бубенъ,
Багровя битву и пожаръ, —
Призывъ отъ Бога многотрубенъ,
И правый мечъ несетъ ударъ.

Надъ взбудораженною тучей,
Надъ милліонной грудой тѣлъ,
Я слышу колоколъ могучій, —
Онъ въ дни невзгодъ всегда гудѣлъ.

Кипи же, страшная стихія,
Въ войнѣ да выкипитъ весь ядъ, —
Когда заговоритъ Россія,
То громы Неба говорятъ.

К. Бальмонтъ.

ПЕРЕДЪ ГЕРМАНСКИМЪ ПОСОЛЬСТВОМЪ.

Оно вздымалось глыбой сѣрой
И въ бѣломъ сумракѣ ночномъ
Казалось сказочной химерой,
Тяжелымъ и недвижнымъ сномъ.

Два гладіатора держали
Коней желѣзныхъ подъ уздцы
И терпѣливо выжидали
Побѣду, славу и вѣнцы.

Предъ ними высился Исакій.
На площади кипѣлъ народъ,
Мелькали съ пиками казаки,
Шелъ съ музыкой гвардейскій взводъ.

Царь-прадѣдъ въ шишакѣ крылатомъ
Какъ будто дѣлалъ ратямъ смотръ,
А тамъ, налѣво за Сенатомъ,
Летѣлъ съ подъятой дланью Петръ.

И, лица дерзкія нахмуря,
Коней держали два врага
И ждали, что людская буря
Затопитъ смутой берега.

Когда же вспыхнулъ пылъ военный
Въ сердцахъ, какъ милліонъ огней,
Они низринулись мгновенно
Съ надменной высоты своей.

Ихъ нѣтъ. Лишь царскій прадѣдъ мчится
Попрежнему въ сіяньи латъ.
Попрежнему Петра десница
Благословляетъ Петроградъ.

Нашъ исполинъ, нашъ тріумфаторъ,
Какимъ величьемъ блещетъ онъ!
Падп, германскій гладіаторъ!
Останови коней, тевтонъ!

Борисъ Садовской.

БОЛГАРАМЪ.

Болгары! Кровь зоветъ къ отвѣту...
Предательства не утаить.
Славяно-русскому завѣту
Ужель не быть?

Иль все забыто? И не виденъ
Со стѣнъ Софіи Петроградъ?
И гнетъ Стамбула не обиденъ?
И Сербъ — не братъ?

Иль ваша честь врагамъ послушна?
И крови, пролитой за васъ,
Вы устыдились малодушно
Въ кровавый часъ?

Въ кровавый часъ пылаетъ грозно
Россіи вѣщая любовь.
Болгары! Братья! Будетъ поздно.
Отмстится кровь.

Сергѣй Маковскій.

ВОСКРЕСШІЕ БОГАТЫРИ.

Я видѣлъ сонъ...
Подъ гулъ громовъ
Распались древніе курганы,
И встали — жизнью осіяны —
Богатыри былыхъ вѣковъ.
Сыны сѣдой Руси былинъ,
Могилъ овѣянные снами,
Поднялись тяжкими стопами
На вольный свѣтъ родныхъ долинъ.
Грозой имъ очи ослѣпило
На мигъ одинъ, но въ тотъ же мигъ
Въ глубь ихъ сердецъ огонь проникъ,
И въ нихъ зажглась живая сила.
Старикъ Илья, Алеша-младъ,
Потокъ Михайло, свѣтъ-Добрыня,
Съ тысячелѣтней выйдя скрыни,
На Русь родимую глядятъ.
Имъ не итти по раздорожью,
Предъ ними — древнихъ былей степь,
Въ нихъ та же удаль, та же крѣпь,
Въ нихъ цѣло все во славу Божью...

Стоятъ конь-о-конь кони ихъ,
Бокъ-о-бокъ съ ними, бьютъ копытомъ
Да удила грызутъ сердито, —
Ждутъ новыхъ схватокъ боевыхъ.
На коней сѣли побратимы,
Колчаны стрѣлами полны,
Мечи по ножнамъ вложены,
И копья ихъ непреломимы,
Изъ-подъ нахмуренныхъ бровей
Матёръ-казакъ снопъ молній мечетъ,
Княжой охоты старый кречетъ
Грозовыхъ черныхъ тучъ темнѣй.
— Неладно чтой-то, мнѣ сдается, —
Ведетъ онъ самъ съ собою рѣчь: —
Не видно ворога, а мечъ
Изъ ноженъ прочь вотъ такъ и рвется!..
— Откуда громъ — тамъ и враги! —
Къ Ильѣ Поповичъ держитъ слово.
— Съ закату онъ, — Потокъ сурово
Молвь молвитъ: — Богъ обереги!..
Добрыня — слѣдомъ: — Что жъ, съ закату,
Съ восхода ль врагъ — не все ль равно...
Поднялись мы — такъ суждено
Острастку дать намъ супостату!..
— Гей! — кликнулъ Муромецъ сѣдой: —
Кто въ полѣ живъ изъ братьи нашей?!..
За нами—пить кровавой чаши
Въ честномъ бою за край родной!..
И, слившись въ откликъ перекатный,
Отозвалась на кличъ Ильи
Вся ширь, вся даль, вся глубь земли:
— Всѣ за тобой на подвигъ ратный!..

Глядитъ старикъ: полнымъ-полна
Вся воля-степь богатырями, —
Пройдутъ однѣ, звеня мечами,
Вослѣдъ—еще дружинъ волна;
Отъ ржанья конскаго и гула
Не слышно рокота громовъ, —
Ведетъ на западныхъ враговъ
Самъ Селяниновичъ Микула
Всѣхъ, сохи бросившихъ, сыновъ,

Сонъ—въ руку: лютый врагъ съ заката
Родные рушитъ алтари;
Русь бьется съ нимъ... Богатыри,
Богъ помочь! Наше мѣсто свято!..

Аполлонъ Коринфскій.

УТѢШЕНІЕ.

Самъ Михаилъ Архистратигъ
Его зачислилъ въ рать свою.

Н. Гумилевъ.

Вѣстей отъ него не получишь больше,
Не услышишь ты про него.
Въ объятой пожаромъ, скорбной Польшѣ
Не найдешь могилы его.

Пусть духъ твой станетъ тихъ и покоенъ,
Уже не будетъ потерь:
Онъ Божьяго воинства новый воинъ,
О немъ не грусти теперь.

И плакать грѣшно, и грѣшно томиться
Въ миломъ, родномъ дому.
Подумай, ты можешь теперь молиться
Заступнику твоему.

Анна Ахматова.